ДБ
350
Д30
Дембо, В.
М., 1925

ДЕМБО

ПЕРВАЯ МАССОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОЧИХ В РОССИИ

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ СОЮЗ РАБОЧИХ

1874–1875

К 50-ЛЕТИЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС Москва 1925

КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ
(ИСТПРОФ ВЦСПС)

DБ.
350
D30

В. ДЕМБО

923.2(47+57)

ПЕРВАЯ МАССОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОЧИХ в РОССИИ

К 50-ЛЕТИЮ

„ЮЖНО-РОССИЙСКОГО СОЮЗА РАБОЧИХ" (1874—1875)

С предисловием Р. ЯКУБА

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв № 42965/16

Издательство ВЦСПС Москва
1925

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
42965/16

Отпечатано в 5-й типо-литографии „Мосполиграф“,
Мыльников пер., дом 14,
в количестве 5.000 экземпл.
Главлит. № 37941 Москва.

От Истпрофа ВЦСПС.

Истекает пятьдесят лет со времени создания первой в России организации рабочих—„Южно-Российского Союза Рабочих", развернувшего свою деятельность в Одессе в 1875 г. В лице „Южно-Российского Союза Рабочих" история русского рабочего и профессионального движения впервые имеет дело с организацией, которая включала в своих рядах довольно широкую массу рабочих и в практике своей работы, хотя и робко, но все же наметила те формы борьбы, которые получили свое развитие в дальнейшей борьбе рабочего класса в России.

Равнодушно пройти мимо этого юбилея профессиональное движение не может. Не может особенно потому, что до сих пор с деятельностью „Южно-Российского Союза" широкие массы читателей—рабочих были очень мало знакомы. Предлагаемая работа т. Дембо и продиктована стремлением содействовать такому ознакомлению; вместе с тем она стремится дать толчок дальнейшему изучению развития и деятельности этой интересной организации. Выполнена она по заданиям и отчасти по материалам Истпрофа.

Предлагая ее ныне вниманию читателей, Истпроф счел необходимым, в виду спорности ряда положений автора, касающихся идеологии „Союза“ и его места в революционном движении семидесятых годов, снабдить брошюру предисловием, написанным т. Якубом.

Москва, февраль 1925 года.

Вместо предисловия.

В текущем году исполняется 50 лет со времени создания „Южно-Российского Союза Рабочих". Мимо этого полувекового юбилея организации, которая впервые в России собрала в своих рядах довольно широкие—особенно по тому времени—круги рабочих, нельзя пройти молча, тем более, что до сих пор история русского революционного движения чересчур мало уделяла внимания этой интересной попытке. В этом отношении „Южно-Российскому Союзу Рабочих", развернувшему свою деятельность как бы на отлете от основных путей революционного движения того времени и не оставившему после себя почти никаких литературных следов, повезло несомненно меньше, чем знаменитому „Северно-Русскому Союзу" Халтурина и Обнорского. Деятельность последнего, не говоря уже о некоторых литературных выступлениях представителей его в органе „Народной Воли", очень скоро после своей ликвидации была запечатлена пером Плеханова [1]), в то время как о „Южно-Российском Союзе" до относительно недавнего вре-

[1]) См. Г. Плеханов: „Русский рабочий в революционном движении".

мени мы знали очень мало. Лишь в последние годы в печати появился ряд отдельных материалов и воспоминаний, которые дают возможность в основных чертах познакомиться с этой первой попыткой организации рабочих в России. Но и эти материалы до сих пор не были сведены воедино, и до сих пор мы не имели более или менее целостной работы, которая стремилась бы дать обстоятельный очерк и разбор истории „Союза", между тем как последний безусловно этого заслуживает.

Вот почему нужно признать вполне своевременным выход в свет работы т. В. Дембо, попытавшегося обработать имеющиеся о Союзе разрозненные, зачастую отрывочные, данные, которые сохранились в доступных до сих пор литературных и архивных источниках.

Однако, отдавая должное работе т. Дембо, необходимо все-таки указать, что далеко не в полной степени можно согласиться с той оценкой „Союза" и его места в развитии революционного и рабочего движения в России, которую в своей книге дает автор. И вот по каким основаниям.

Автор считает, что в лице „Союза" мы имеем дело с организацией, которая „первая поставила рабочий вопрос как вопрос самостоятельный и самодовлеющий", которая „первая выдвинула и оценила рабочий класс как самостоятельную величину, имеющую собственное значение, собственный вес, собственную ценность и собственные

цели, и поэтому требующий самостоятельной, своей, рабочей организации" (стр. 36). Говоря о деятельности „Союза", автор хотя и очень осторожно и, пожалуй, несколько туманно, но вместе с тем достаточно определенно говорит, что „это быть может еще и не самое зачаточное и примитивное претворение марксистской теории, но зато это все же первые проблески будущего марксизма в практике русской жизни, первые намеки на классовое движение в среде рабочих в России" (стр. 39).

Такого рода характер и направление деятельности „Союза" автор об'ясняет тем фактом, что эта деятельность направлялась и вдохновлялась вождем и идеологом „Союза", Е. О. Заславским. Последний, по мнению автора, понимал, что необходимо „уже в ту пору сосредоточить все свои революционные усилия вокруг рабочего класса, ставя перед ним свои рабочие, классовые цели" (стр 37). „Заславский,—продолжает автор,—не был марксистом в том смысле, в котором мы понимаем теперь марксизм" (стр. 38), „но в отличие и от Бакунина, и от Лаврова, и от других революционеров, Заславский обнаружил пролетарское классовое чутье", подсказавшее ему „идею классовой рабочей организации, с классовыми революционными задачами". Эта идея,—думает автор,—резко отличает Заславского от всех революционных течений того времени, несмотря на то, что в том, чему учил Заславский рабочих, было очень много общего с лавризмом. Заславский и его ученики

уже изживали народнические тенденции и народнический идеализм, „материализм еще не был ими усвоен до конца, они не прониклись (прибавим для большей точности формулировки мысли автора: „еще“) идеями исторического материализма“, но — таков безусловно общий ход мысли нашего автора—в лице Заславского и его учеников мы имеем дело с тем особым течением в революционном движении того времени, которое в весьма сильной степени приблизилось к марксистской революционной классовой позиции пролетариата. Заславской, по мнению автора,—первый вождь пролетариата в России (стр. 227).

Нам представляется, что такое понимание позиции „Южно-Российского Союза Рабочих“ и идеологии его вождя исторически далеко не точно. Безусловно, более прав М. Балабанов, когда он в своих „Очерках по истории рабочего класса в России“ дает такую оценку „Союза“:

„По всем видимостям, Союз был детищем лавризма, и ему так же далеко было до усвоения „практики и методов социал-демократии“, как далеко это было для лавристов... При всем своем выдающемся значении Южно-Российский Союз все же не был еще *новой формой* рабочего движения, но был лишь *новой вариацией* методов пропагандистского периода рабочего движения, столь характерных для первой половины 70-х годов... Классовым содержанием эта новая вариация могла заполниться лишь с ростом мас-

сового движения и на почве этого движения“ [1]).

В самом деле, просмотрим те соображения, которые наш автор выдвигает в подтверждение своей точки зрения.

Автор прежде всего разбирает содержание единственного сохранившегося от Союза литературного документа—его Устава, и приходит к выводу, что „*именно в этом Уставе ярко и четко сказывается классовый подход к революционному движению и его задачам*“ (стр. 44), что „*первые пункты Устава „Союза“, в которых формулируются его цели, задачи и методы, являются бесспорно отражением устава Интернационала,* если не прямым переводом его“ (стр. 102. Курсив всюду автора).

С этим согласиться нельзя, во всяком случае в такой безусловной, категоричной форме. Еще раз подчеркнем, что прав именно Балабанов, когда он говорит об Уставе в таких выражениях: „На самом деле классовой-то точки зрения в программе нет, как не было ее во всех направлениях революционного народничества. Говорить об уничтожении привилегий и преимуществ и об освобождении рабочих „из-под гнета капитала и привилегированных классов“ еще не значит принимать точку зрения классовой борьбы. Об этом могли говорить и говорили народники, которые тоже противопоставляли рабочего фабриканту и для которых социальная революция также должна

---

[1]) „Очерки“, т. II, стр. 311—312. (Курсив автора).

была освободить труд из-под гнета капитала. Утопичность программы выражалась не только в аппеляции к „истинным требованиям справедливости", и в надежде на „сознание рабочими их безвыходного положения", но и в том главным образом, что она не намечала практических задач классовой борьбы и... ничего не говорила о политической борьбе, неразрывно связанной с классовой точкой зрения и классовой борьбой".

К этим словам т. Балабанова нам остается только прибавить, что именно основного положения научного обоснования классовой пролетарской точки зрения,—точки зрения марксизма об исторической и экономической обусловленности борьбы рабочего класса за уничтожение классового общества в уставе Союза мы не найдем и в самом отдаленном отражении.

Можно, конечно, согласиться с тем, что авторам Устава были известны и устав и деятельность I Интернационала и что это оказало известное влияние на них при выработке Устава. Однако, признание этого далеко не связано с признанием того, что они находились под влиянием марксизма. Мы не должны и не можем ни одной минуты забывать, что и Бакунин, и Лавров—*оба были членами I Интернационала.* Тем самым и знакомство с уставом последнего, и даже признание его, конечно, в „некотором приближении", ни в какой степени не исключало возможности для

„признававших" устав Интернационала оставаться правоверными бакунистами или лавристами. Решающим же обстоятельством явится, таким образом, не самый факт этого „признания", а содержание того, что именно авторы Устава „Южно-Российского Союза Рабочих" усвоили из опыта истории I Интернационала. И в этом отношении характерно, что в свой Устав они внесли те самые разговоры об „истинной справедливости", которые были характерны как раз для анти-марксистской, прудонистской части Интернационала и которые неоднократно подвергалась осмеянию со стороны самого Маркса.

✓ Да. С уставом и деятельностью I Интернационала авторы Устава „Южно-Российского Союза Рабочих" и его активные деятели,—особенно сам Заславский,— были знакомы, но знакомство это именно было обусловлено тем, что они являлись учениками и последователями Лаврова и осуществлялось оно благодаря тому, что именно Лавров в своем журнале „Вперед" много сделал для этого ознакомления. Если в Уставе Союза преломились идеи первого Интернационала, то преломлялись они через призму лавризма. И это мы сейчас постараемся доказать.

✓ Во-первых, несомненно, что именно Лавров больше всех других содействовал ознакомлению наших революционеров 70-х гг. с западно-европейским рабочим движением. Это удостоверяется

таким безусловным в этом отношении авторитетом, как Плеханов, который в своем предисловии к Туну, полемизируя вообще против той мысли, что Лавров подготовил русских революционеров к восприятию идей Маркса, вполне определенно заявляет: „Что лавристы гораздо больше, чем бакунисты, содействовали ознакомлению русских революционеров с деятельностью немецкой социал-демократии, это не подлежит ни малейшему сомнению и это составляет их заслугу“ [1]).

Что же касается самих деятелей „Южно-Российского Союза“, то ведь и сам т. Дембо сообщает нам, что Заславский не только знал, но и распространял журнал Лаврова „Вперед“ и даже поддерживал с последним непосредственные сношения (через кочегара одного парохода).

Во-вторых,—и это обстоятельство является решающим, когда мы хотим определить место Заславского и его Союза в революционном движении того времени,—и Устав Союза, и особенно Заславский в тех своих выступлениях, о которых сохранились отдельные воспоминания, особенно подчеркивают и выдвигают на первое место задачи пропаганды.

Это—основная черта лавризма, отличающая его от прочих течений того времени. „В то время,—говорит Мартов,—как „лавристы“ подчеркивали необходимость длительной пропаганды, для чего

---

[1]) См. предисловие Плеханова к книге Туна. Изд. „Библиотека для всех“, стр. 16.

требовали серьезной научной подготовки пропагандистов и серьезной организации, бакунисты, исходя из полной готовности народа к восстанию, отвергали прочную организацию и необходимость приобретения каких-либо серьезных знаний для революционеров, роль которых сводилась к летучей агитации, возбуждению местных бунтов и действию на массы собственным примером" [1]).

Когда мы читаем в работе т. Дембо целый ряд интересных сообщений об отношении Заславского к другим революционным течениям, нам становится совершенно ясно, что разграничение между ними и Заславским проходит именно по этой же самой линии—линии разграничения между лавристами и бакунистами. Устав Союза в этом отношении полностью отражает „пропагандистскую" позицию его вождя.

Наконец, остановимся на том пункте Устава, который говорит, что об'единение рабочих Южно-Российского края осуществляется „для будущей борьбы с установившимся экономическим порядком". Этот пункт также не дает оснований утверждать, что Союз принял то основное новое, что марксизм внес в рабочее движение—признание единства политической и экономической борьбы пролетариата. В статуте I Интернационала мы находим такое место: „Экономическое освобождение

---

[1]) Л. Мартов.—„Общественные и умственные течения в России". Изд. „Книга" М. Л. 1924 г., стр. 38.

рабочего класса является... великой целью, которой должно быть подчинено, как средство, всякое политическое движение". [1]). Иными словами, борьба за уничтожение классового общества неизбежно предполагает ведение пролетариатом политической борьбы, подчиненной этой, основной цели. Пройдя через лавристскую призму, это положение превращается в „*будущую* борьбу с установившимся экономическим и политическим порядком".

При этом—и здесь мы переходим к идеологии самого Заславского—чрезвычайно характерно, что последний возражал против внесения в Устав указания на (не забудем—„будущую"!) борьбу с „политическим порядком". И если Заславский не очень настаивал на своем возражении и согласился на настояния большинства Союза, то вряд ли по тем соображениям, о которых говорит т. Дембо. Пожалуй, здесь в нем с особенной силой сказался именно ученик и последователь Лаврова, эклектизм которого, как сообщает нам Плеханов, заставил Энгельса дать такую его характеристику: „Друг Петр,—лично в высшей степени почтенный русский ученый,—в своей философии является эклектиком, который из всех различных систем и теорий старается выбрать то, что в них есть наилучшего... Он знает, что во всем есть своя дурная и своя хорошая сторона и что хорошая сторона должна быть усвоена, а другая устранена. А так

---

[1]) См. Г. Йекк—„Интернационал". СПБ. 1906 г., стр. 363.

как каждая вещь, каждая личность, каждая теория имеют эти две стороны, хорошую и дурную, то каждая вещь, каждая личность, каждая теория представляется в этом отношении приблизительно на столько же дурной и на столько же хорошей, как и всякая другая. С этой точки зрения было бы нелепо горячиться в защиту или против той или другой из них" [1]).

Яркий последовательный лавризм самого Заславского не может вызывать никаких сомнений. Почитайте только сообщаемые Владыченко и приводимые т. Дембо отдельные мысли, которые Заславский высказывал в среде членов Союза, и сравните их хотя бы с „формулой прогресса" самого Лаврова, как он формулировал ее в своих „Исторических письмах".

Что говорил Заславский? Он говорил о необходимости развития личности, о необходимости будить совесть, и свою, и других, и выяснять перед самим собой и перед другими,—выяснять путем тщательного изучения,—все те препятствия, которые мешают осуществлению в человеческой жизни начал справедливости, и, уяснив перед собой эти препятствия, бороться за их устранение.

А вот и „формула" Лаврова:

„Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости—вот

---

[1]) См. указанное предисловие, стр. 13.

краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом“ [1]).

Единство хода мыслей так и бросается в глаза.

Итак, более или менее внимательное рассмотрение программы Союза и заявлений его ответственного представителя убеждают нас в самой тесной связи идейного багажа Союза с лавризмом, а следовательно и с народническим движением того времени. В этом мы убеждаемся также и тогда, когда от программных заявлений мы переходим к практике Союза.

Что характерно для народничества в 1874—75 гг.? Конечно, хождение в народ. И мы видим, что и Союз тоже вплотную подходит к этому вопросу и разрешает его для себя положительно. И опять таки в том, как он его разрешает, проявляется лавристский подход к вопросу. Когда один из членов Союза говорит, что „в народ нужно итти по-апостольски... Посох в руки, котомку на плечи и геть в деревню, из села в село... Книжки читать там не будут, не умеют, грамотеев нема... Словом проповедывать надо!“—он, говоря попросту, предлагает стать на путь агитации. И, вполне естественно, большинство Союза отвергает его предложение. Союз и здесь сохраняет свою пропагандистскую позицию и решает „переселять на постоянное жительство в деревню тех из рабочих,

---

[1]) П. Л. Миртов (Лавров): „Исторические письма“, письмо третье, стр. 27 (Литографированное издание).

которые сохранили связь с деревней или имеют склонность к крестьянской жизни... Переселяющийся в деревню прочно оседает там и ведет чисто крестьянскую жизнь. Около него должны постепенно образовываться группы, тесно связанные между собой и с Союзом" (стр. 68) [1]).

Иными словами, и здесь мы имеем дело со стремлением использовать рабочих, как более близких деревне, крестьянству, для работы „в народе". Использовать, конечно, по-лавристски, для целей пропаганды, а не агитации, но и здесь нет подхода к рабочим, как к представителям особого класса, имеющего свои особые классовые задачи в борьбе с капиталистическим обществом. И здесь подход к рабочим, как к представителям той части городского населения, которая ближе всего стоит к крестьянству и тем самым явится поставщиком наиболее ценных работников „в народе", т.-е. в крестьянстве, — подход, который характерен для всех течений народничества того времени.

Та же тесная связь с народническим движением того времени проявляется и в эволюции, которую проделывает в конце концов большинство членов Союза. Вместе со всем народническим дви-

---

[1]) Отсюда, между прочим, вытекает и то, что, вопреки мнению автора, организаторы Союза и не предполагали его делать чисто рабочей классовой организацией, и считали, что вступление в него крестьян явится очень желательным.

жением оно также остро переживает неудачу хождения в народ и подходит к мысли о террористической борьбе. Уже во времена Заславского вопрос о терроре подымается в Союзе. И любопытно, что жена самого Заславского склоняется к мысли о необходимости террористической борьбы. Конечно, под руководством такого последовательного лавриста, как Заславский, Союз не мог стать и не стал на путь террора, но продолжатели дела Заславского после его ареста очень скоро переживают ту эволюцию, которая становится характерной для народников в 77—78 г.г. Очень близкий Заславскому человек и непосредственный участник Союза, Г. А. Попко, становится одним из крупных террористов. Тот же самый путь от пропаганды к террору мы можем наблюдать и в судьбе ряда других участников Союза.

Все эти моменты представляются нам решающими, когда мы хотим определить место „Южно-Российского Союза Рабочих" в развитии революционного движения 70-х г.г.

Но, установив таким образом самую непосредственную связь Союза с народническим движением того времени, мы не должны проходить мимо того, что коренным образом отделяло Союз от прочих народнических групп и делало его организацией совершенно особого порядка. Автор совершенно прав, когда он особенно оттеняет и подчеркивает характер Союза, как первой в России организации рабочих. В этом отношении не может быть

никаких сомнений, что в лице Союза мы имеем дело с первой попыткой, первым проявлением революционной организации рабочих. В Союзе как бы борятся между собой два начала: руководимый и вдохновляемый лавристами, он осознает себя как одну из пропагандистских групп, имеющих своей задачей подготовку из среды рабочих „критически-мыслящих личностей" для работы „в народе"—проще говоря, в крестьянстве; собрав в своих рядах довольно значительные группы городского индустриального пролетариата и открыв известный выход его стремлению к самодеятельности, Союз вне зависимости от сознания своих членов и даже руководителей стремится превратиться в подлинную рабочую организацию.

Этим определяется и то, что в своей практической деятельности он, сохраняя основные черты лавристской пропагандистской группы, безусловно выходит далеко за пределы ее. Своей деятельностью он определенно нарушает свой же собственный Устав. В последнем мы читаем только *о пропаганде для подготовки к будущей борьбе,* а в практике Союза мы сталкиваемся с чрезвычайно интересными, чисто рабочими, *попытками борьбы уже в настоящее время.* Руководство во время забастовок было отрицанием основных положений Устава, но оно было предопределено фактическим составом Союза, как,—пожалуй, можно согласиться с автором,—массовой организации рабочих.

Мимо этой основной особенности Союза, резко

выделяющей его из ряда прочих революционных организаций того времени, проходить ни в коем случае нельзя. Однако, необходимо отдавать себе ясный отчет, что *эта характерная черта нашла свое отражение лишь в практике, а не в идеологии Союза.* Дойти до сознания необходимости последовательной классовой борьбы Союзу не пришлось. Выйдя из теоретических пеленок лавризма, Союз не сменил их на теоретическое облачение зрелого, осознавшего свои классовые интересы и цели пролетариата—марксизм; вместе с прочими народническими группами он был захлестнут бунтарско-бакунистскими настроениями и затем проделал эпопею террористической борьбы „Народной Воли".

И вполне естественно. Толкаемый своим составом на путь превращения в доподлинную классовую организацию, Союз не имел вокруг себя необходимой для такой эволюции об'ективной обстановки. В тихой, в общем слабо промышленно развитой Одессе, с сохранившимися еще в значительной мере патриархальными отношениями на промышленных предприятиях, не было почвы для развития массовой пролетарской борьбы. Не было, следовательно, основной необходимой предпосылки для превращения Союза, как организации рабочих, в подлинно классовую боевую рабочую организацию.

В этом отношении вполне характерно, что такую классовую организацию мы имели в 70-х гг. именно в Петербурге в лице Северно-Русского Ра-

бочего Союза. Также и там распропагандированные и организованные народниками питерские рабочие в обстановке массового стачечного движения быстро теоретически переросли своих учителей и впервые перенесли на русскую почву основные начала классовой идеологии. Для такого развития на юге в 70 гг. еще не создалось об'ективных условий.

Затронув вопрос о Северно-Русском Союзе, мы должны остановиться в нескольких словах и на „преемственной связи" между этими двумя организациями. Автор огромное значение придает в этом отношении тому факту, что Обнорский—один из основателей и наиболее идеологически выдержанный представитель Северного Союза—в конце 1873—начале 74 г.г. работал в Одессе и находился там в близких отношениях с некоторыми учениками Заславского. Он,—сообщает нам автор,—не был в Одессе в период расцвета организации Южно-Российского Союза, „но руководившие ею идеи он усвоил хорошо и крепко, на всю жизнь, и дал им затем более полное и четкое развитие" (стр. 54).

Такой подход к вопросу нельзя не признать чрезвычайно спорным. Прежде всего самый метод установления преемственной связи между отдельными организациями на основе того факта, что то или иное лицо состояло в обеих организациях, не может быть признан правильным. В частности напомним, что недавно Истпарт дал этому методу

достаточно суровую оценку в своем разборе книги В. Невского [1]). Во-вторых, нельзя забывать того факта, что между пребыванием В. Обнорского в Одессе и образованием Северно-Руссского Союза лежат несколько лет, в период которых Обнорский побывал за границей и весьма серьезно знакомился там с западно-европейским рабочим движением.

Вместе с тем, как мы отмечали выше, Северно-Русский Союз развертывал свою работу в совершенно иных об'ективных условиях. В результате и программа Союза в весьма сильной степени отличается от Устава Южно-Российского Союза. На севере мы уже имели дело с организацией, выросшей на почве довольно сильного массового движения и в оформлении своей идеологии уже действительно использовавшей опыт западно-европейского движения. Более или менее внимательное ознакомление с литературными выступлениями этого Союза (см. его программу, а также и возражения на критику ее, помещенные в органе партии „Народной Воли“) не оставляет в этом отношении никаких сомнений.

Если можно говорить о преемственной связи между обоими Союзами, то приходится говорить о преемственности лишь исторической, а не организационной и, тем более, не идеологической.

---

[1]) См. „Пролетарская Революция“, 1924 г., № 8—9 (31—32), стр. 149—163.

В заключение несколько слов о Южно-Российском Союзе, как „провозвестнике профессиональных союзов“. Здесь, нам представляется, автор сильно перегнул палку, когда он особенно подчеркивал „профессионально - производственный“ принцип построения кружков—ячеек Союза. В конце концов этот принцип организационного построения мы найдем почти во всех нелегальных рабочих организациях. Сам по себе он ничего не говорит о каждой данной организации, как „зачаточной“ профессиональной организации. Гораздо важнее, что Союз впервые в России пытался ввести в организованное русло стачечную борьбу. И в этом смысле он безусловно является „провозвестником“ русского профессионального движения.

Раф. Якуб.

I. Семидесятые годы.

Промышленность и пролетариат России в 70-х г.г.

К началу 70-х годов прошлого столетия капитализм в России еще только начинал свое развитие. Даже через 15 и больше лет после этого времени шли в среде революционных течений споры о том, суждено ли России неизбежно пройти через капитализм или же его вовсе может и не быть. Неизбежность развития капитализма была 50 лет назад понята лишь немногими из революционеров. Между тем, эта неизбежность уже тогда выявлялась достаточно четкими данными,—впрочем, в то время эти данные вряд ли могли быть известны с достаточной полнотой.

Что представляли собою промышленность и рабочий класс в России в начале 70-х годов? Численность рабочих по 50 губерниям достигала в 1870 г. 442.000 человек. Исследование дальнейшего изменения количества рабочих в промышленности показывает, что уже тогда наша промышленность, хотя и относительно слабо развитая, была тесно связана с мировой промышленностью. В конце 50-х годов мировая промышленность пе-

реживала тяжелый кризис, который и в России отразился рядом промышленных и торговых банкротств. В конце 60-х годов мировой кризис смягчился, его последствия стали сглаживаться, а начало 70-х годов дает промышленный под'ем. Под'ем наблюдается и в России и выражается в частности в росте количества промышленных рабочих. Этот рост продолжается до 1873 г. непрерывно, дойдя до 498.000, но в 1873 г. количество рабочих снова падает до 487.000. К 1875 г. опять оживление и увеличение количества рабочих до 501.000, затем вторая половина 70-х годов отмечается новой полосой промышленного застоя и замедленным ростом численности рабочего класса. Все же в 1879 г. в России насчитывается 603.000 промышленных рабочих.

Механизация промышленности в широких размерах только еще начиналась. В 1875—78 гг. в промышленных предприятиях России было всего 8.500 паровых котлов и 6.353 паровых машины общей сложностью в 115.000 сил. Строительство железных дорог в этот период только еще начинается. Начинается и широкий приток иностранного капитала в нашу промышленность.

Особое внимание уделяет иностранный капитал развитию нашей промышленности на юге. Юг России в смысле промышленного развития значительно опережает другие районы. И на этом развивающемся юге одним из крупнейших промышленных центров оказывается Одесса. Здесь уже

имеется ряд крупных предприятий с довольно значительным количеством рабочих. Например,— железно-дорожные мастерские, где уже тогда было до 1.000 рабочих, металло-обрабатывающий и машиностроительный завод Беллино-Фендерих, чугуно-литейный завод Гулье-Бланшард, завод Фалька, фабрика красок и лаков Карла Берга (впоследствии Акционерного Общества), мебельная фабрика Мерклинга и др. Кроме того, здесь мы имеем и довольно значительно развитое ремесло.

Одесса становится центром значительного скопления рабочих, и совершенно естественно, что здесь проявились и первые проблески рабочего движения [1]). В его оформлении Одесса даже несколько опередила более крупные центры революционной борьбы, как Петербург. Одесса явилась колыбелью первой рабочей социалистической организации в России. Этой организацией был „Южно-Российский Союз Рабочих", которому и посвящена наша книжка.

Стихийные вспышки недовольства и сопротивления рабочих отмечаются в самом начале 70-х годов, на ряду с другими местами, также и в Одессе. Так, например, 9 августа 1871 года в

---

[1]) *От редакции.* Автор несколько сгущает краски. Даже по тому времени нельзя считать Одессу центром значительного сосредоточения рабочих, и создание именно в Одессе первой рабочей организации является скорее следствием ряда сложившихся в значительной мере случайно благоприятных обстоятельств, чем об'ективно предопределенным фактом.

Одессе забастовало 4.000 извозчиков, из-за того, что городская управа изменила таксу без соглашения с извозчиками. 200 извозчиков явились для переговоров к городской управе, но были разогнаны, многие арестованы, некоторые высланы в Олонецкую губернию, откуда их, впрочем, вскоре возвратили.

В том же 1871 году была в Одессе еще одна забастовка—на тулупной фабрике купца Фаддеева.

Нужно несколько подробнее остановиться на том, что представлял собою рабочий класс в Одессе в начале 70-х годов.

Рабочая Одесса в 70-х годах.

Общая численность рабочих в Одессе в то время так определяется данными „всеподданейшего отчета одесского градоначальника" за 1874 г., воспроизведенными т. Ю-в в „Од. Известиях" за 18 мая 1924 г. в статье, посвященной 50-летию „Южно-Российского Союза": 4 чугунно-литейных завода—580 рабочих, 18 табачных фабрик—330 рабочих, 4 пивоваренных завода—115 рабочих, 2 мебельных фабрики—110 рабочих, газовый завод—90 рабочих, 15 крупных мельниц и т. д. Таким образом, всего около 2.000 фабрично-заводских рабочих. Количество же ремесленников в Одессе по тем же данным градоначальника достигало 8.000 (из них 2.386 мастеров, 4.031 подмастерьев и 1.563 ученика).

Насколько точны эти цифры—вполне определенно сказать нельзя. Данные градоначальника

не совпадают с данными других источников. Так, количество рабочих одних только железно-дорожных мастерских достигало в то время уже 1.000. Количество рабочих завода Гулье-Бланшард, работавший на этом заводе, М. П. Сквери определяет в 300—400 человек, а на заводе Беллино-Фендериха, по данным жандармского полковника Кнопа, в 1874 г. работало около 500 человек, по донесению же жандармского унтер-офицера Гаврилова—даже до 600 чел. Таким образом, одни только эти три,—правда, крупнейших,—предприятия дают в итоге почти ту же самую цифру 2.000 чел., которая по данным градоначальника показывает общую численность всех вообще фабрично-заводских рабочих Одессы.

Но в общем и целом эти цифры можно принять. Таким образом пролетарская база Одессы в то время определится так: от 2.000 до 3.000 фабрично-заводских рабочих и около 5.000—6.000 человек ремесленного пролетариата,—причисляя к последнему только подмастерьев и ремесленных учеников. Всего в общем и фабрично-заводского и ремесленного пролетариата, таким образом, можно считать не менее 8.000 человек. Наличность в этой массе не менее 25% фабрично-заводских рабочих указывает на значительную,—в условиях характерного для того периода начинающегося капиталистического развития юга России,—индустриализацию Одессы и пролетаризацию ее рабочей массы. Это, как мы и указываем, об'ективно, экономи-

чески и исторически об'ясняет, почему именно в Одессе зародилась первая значительная рабочая классовая организация. В том, насколько она была значительна и как велик был ее удельный вес в рабочей массе Одессы—мы убедимся дальше.

Есть и другие об'ективные причины тому, что развитие рабочего движения в Одессе опередило другие центры. Общее положение рабочего класса в России в начале 70-х годов и в следующие годы было поистине ужасающее. Во многих случаях это было подлинное рабство, продолжение старого крепостничества. Фабричные рабочие, комплектовавшиеся главным образом из крестьян, работали в ужасающих условиях, в духоте, в темноте, в смраде, без каких бы то ни было намеков на то, что мы теперь называем санитарной охраной труда или мерами технической безопасности. Продолжительность рабочего дня—14—16 и даже более часов в сутки. Жилищные условия—кошмарны. Жили большею частью в рабочих казармах, в тесных каморках, на нарах, иной раз вповалку, вместе женщины и мужчины, старики и дети, семейные и холостые, в ужасающей грязи. Заработок—ничтожный, его не хватало даже на полуголодное существование, и даже жандармам приходилось не раз отмечать это в своих донесениях. Нарождающийся капитал выжимал все соки из своих рабов, темных, забитых, загнанных.

Тяжело было положение рабочих и в Одессе, но все же здесь оно было несколько лучше. Преж-

де всего, рабочие в одесской промышленности были более высокой квалификации, их больше ценили, в них больше нуждались. Затем, комплектовались они большею частью не непосредственно из забитого крестьянства, не „от сохи", а из кадров городских ремесленников, уже научившихся несколько ценить свой труд и отстаивать свои интересы. Среди одесских рабочих были люди бывалые, видавшие свет, например, бывшие моряки. Наконец, здесь в промышленности был не только иностранный капитал, но были и иностранцы-рабочие, не только мастера и инженеры.

Все это сказывалось на общем уровне развития одесских рабочих, на их, как мы выразились бы теперь, самосознании. Они были культурно сравнительно более развиты, их материальное положение было лучше обычного среднего положения рабочего того времени в России, и они были более подготовлены к осознанию и отстаиванию своих интересов и к организации. Вот почему первые же попытки революционной работы среди рабочих нашли в Одессе гораздо более быстрый и широкий отклик, нежели в других центрах, где медленнее и труднее раскачивалась более забитая рабочая масса.

Вот что рассказывает о настроениях рабочих в Одессе того времени М. П. Сквери: „Фабричный режим был тогда более патриархален, личный элемент играл большую роль и затемнял остроту экономических противоречий. Большинство рабо-

чих прошло через ремесленную мастерскую, в которой нажим хозяйчика был ощутительнее и тяжелее, чем на заводах, и этот нажим всецело приписывали личным качествам хозяев и мастеров. На заводах также, за исключением немногих англичан и французов, главные мастера тоже прошли через мелкое ремесло и переносили на завод доморощенные навыки, заимствованные от мелких хозяйчиков. Поэтому конфликты, если случались на заводах, имели большею частью частный, личный характер, а не общий, и разрешались доморощенными способами вывоза мастера на „тачке“ или закулисной потасовкой. Кроме того, рабочий класс еще не дифференцировался достаточно и был тесно и родственно связан с мелким мещанством, и узы мелко-буржуазных идеалов и мещанского быта были в нем еще крепки. „Поэтому-то именно классовое сознание пробуждалось, но было довольно смутно и неопределенно“.

Однако, все же в Одессе оно смогло определяться более быстро и более четко, чем в других центрах того времени. Это, с одной стороны, равняло Одессу с Питером, с другой—создавало и некоторые условия, более благоприятные, чем там.

Первые шаги пропаганды среди одесских рабочих.

Первые попытки пропаганды среди одесских рабочих и их организации относятся к 1872—73 годам. В 1872 году начал свою пропагандистскую

работу среди одесских рабочих Евгений Осипович Заславский, а позже,—Андрей Желябов, тогда студент одесского университета, впоследствии вождь „Народной Воли“ и организатор казни царя Александра II, повешенный царскими палачами вместе с другими участниками „дела 1 марта 1881 г.“. Среди ведших в кругу рабочих пропаганду следует выделить и кружок Жебуневых, создавших свою кузнечную мастерскую для того, чтобы сблизиться с рабочими.

Но не только Желябов, Жебуневы и Заславский вели работу среди рабочих в Одессе. Все существовавшие в то время и в ближайшие годы революционные организации так или иначе старались проникнуть в рабочую среду, завести в ней связи, опереться на нее или извлечь из нее людей для своего дела. Пропаганду среди рабочих вели затем и чайковцы и лавристы, и бунтари и землевольцы и террористы-народовольцы и чернопередельцы. Однако, из всех этих группировок следует выделить работу Заславского и его ближайших товарищей, деятельность „Южно-Российского Союза Рабочих“. Она заслуживает исключительного внимания, между тем именно она до сих пор менее всего изучена и менее еще того известна сколько-нибудь широким кругам рабочих.

Несколько слов об упомянутом только что *кружке Жебуневых*. Кружок этот был арестован летом 1874 года. Центральная фигура—Сергей Жебунев обвинялся в том, что вместе с женою со-

держал кузнечную мастерскую для пропаганды среди рабочих. К делу привлечены еще братья Николай, Владимир и Леонид Жебуневы, Георгий Кобиев, Петр Макаревич, жены двоих из Жебуневых, Зинаида и Мария, затем Анна Макаревич, В. Жеретицкая, Яков Стефанович (впоследствииизвестный бунтарь, организатор вместе с Дейчем „Чигиринского дела“), брат Зинаиды Жебуневой, Иван Глушков (студент петербургской сельско-хозяйственной академии), С. Чудновский, М. Н. Кац.[1])

В краткой записке об этом деле жандармский полковник Кноп пишет, между прочим, что пропаганда этого кружка проводилась по такой программе: 1. Расселение по всей России группами. 2. Устроить организацию вполне федеральную. 3. Войти в сношения с кружками других революционеров для передачи книг и вообще поддержки. 4. Не составлять никакого общества подобно нечаевцам, не писать уставов, правил, программ и т. п. 5. Не вести между собою переписки о революционном деле. 6. Не действовать на массу. 7. Если кто будет народным учителем, не действовать в школе и вообще публично, где бы то ни было, на массу и быть по наружности вполне благонамеренными в отношении религии, обрядов и приличий и не нарушать установленного по-

[1]) Часть привлеченных была присоединена жандармами к „большому процессу“, к так-называемому „процессу 193-х“.

рядка. 8. Действовать путем заговоров с единичными личностями и т. д.

Не следует слишком высоко ценить точность подобных жандармских толкований революционных программ действия. Тут возможны значительные ошибки в подробностях. Но в общем все же это изложение во многих чертах отвечает действительности. Организация имеет характер заговорщический, она не массовая, не ставит себе целью быть массовой. Ее задача—использовать массы для своих целей, но она далека от мысли создать русло для организованного потока самой этой массы, для облегчения этой массе выявления и защиты своих интересов и своей воли. Мы убедимся дальше, что у Заславского подход к массе был совсем иной. Не ради заговора, а ради массы строилась возглавлявшаяся Заславским организация.

II. Первые шаги „Южно-Российского Союза Рабочих".

Как подошел к рабочим Е. О. Заславский.

Организация Заславского заслуживает особого внимания именно потому, *что она первая поставила рабочий вопрос как вопрос самостоятельный и самодовлеющий. Она первая выдвинула и оценила рабочий класс, как самостоятельную величину,* имеющую собственное значение, собственный вес, собственную ценность и собственные цели, и поэтому требующую самостоятельной, своей, рабочей организации.

Для всех остальных группировок и течений деятельность их в рабочей среде была работой „между прочим", одной из различных сторон их деятельности, вспомогательной, подсобной работой. Рабочий для них не был чем-то самостоятельным, он был второстепенным и вспомогательным. Рабочий был средством, орудием, которое должно было быть использовано для того, чтобы произвести крестьянскую революцию, чтобы помочь превращению крестьянской общины в фундамент социалистического общества (так представляли себе ход революции некоторые, даже большинство из

тогдашних революционеров). Другим—работа среди рабочих нужна была для того, чтобы извлечь из их среды пропагандистов „из народа", более, чем интеллигенты, способных вести пропаганду в деревне. Для третьих—рабочие были средой, откуда можно было бы извлечь решительных и преданных людей, физическую силу, исполнителей и пособников для заговорщических предприятий, направленных на борьбу с правительством. У всех революционных течений того времени, словом, подход к рабочему был по существу мелко-буржуазный, если не просто буржуазный. Он сводился к стремлению использовать рабочих, их силы и энергию для других, сторонних целей. Рабочий в расчетах и планах этих революционеров был в сущности не больше, чем пушечным мясом.

И нужна была исключительная сила ума, исключительная ясность взгляда, исключительная прозорливость, чтобы уже тогда оценить значение и вес рабочего класса как такового и предусмотреть его решающую роль в будущей революции, и главное—в строительстве будущего общества. Нужен был громадный дар предвидения для того, чтобы уже в ту пору сосредоточить все свои революционные усилия именно вокруг рабочего класса, ставя перед ним свои рабочие, классовые цели [1]).

---

[1]) *От редакции.* Нельзя, по крайней мере без солидных оговорок, принять данную автором характеристику Союза, как организации, оценившей рабочий класс, как самостоятельную величину, имеющую собственное значение, собственный вес, соб-

Единственный, кто смог обнаружить тогда такую ясность анализа и такую прозорливость,— был Евгений Осипович Заславский. Вот это-то и делает особенно достопримечательной ту организацию, идейным руководителем которой он был. Вот поэтому-то эта организация и заслуживает особенно внимательного и любовного изучения. Заславский не был марксистом в том смысле, как мы теперь понимаем марксизм. Да и никто тогда в России не был марксистом! О Марксе знали, его книги читали некоторые революционеры. Маркса знали и некоторые тогдашние теоретики ревелюционных течений, — и Бакунин, и Лавров не только знали Маркса, но иногда даже называли себя марксистами. Однако, Маркса и его учения они не усвоили, и применять марксизм к российской действительности не научились. Марксистами они не были. Не был марксистом и Заславский, хотя повидимому был знаком и с книгами Маркса, и с Интернационалом. Но в отличие и от Бакунина, и от Лаврова, и от других революционеров, Заславский обнаружил пролетарское классовое чутье, хотя сам он по рождению и воспитанию — выходец из чуждого класса. (С некоторыми чертами жизни Заславского мы ознакомимся позже, хотя до сих пор материалы к его биографии чрезвычайно скудны).

ственную ценность и собственные цели" и ставящей перед рабочими „свои рабочие, классовые цели".

Об этом подробней см. в нашем предисловии.

Это классовое чутье, подсказавшее Заславскому идею классовой рабочей организации, с классовыми революционными задачами, *резко отличает от всех других революционных течений и организаций* того времени и самого Заславского, и находившихся под его влиянием рабочих, которым вся деятельность идейно руководившегося Заславским „Южно-Российского Союза Рабочих" прививала основы классового самосознания. Это быть может даже еще и не самое зачаточное и примитивное претворение марксистской теории, но зато это все же первые проблески будущего марксизма в практике русской жизни, первые намеки на классовое движение в среде рабочих России. Тут—резкое отличие и от так называемых бунтарей (последователей Бакунина), от которых сам Заславский резко,—и как увидим дальше даже враждебно отмежевывался; и от так-называемых пропагандистов, последователей Лаврова, к которым Заславский как-будто был ближе, чем к бунтарям.

Заславский не является отпрыском какого-либо течения того времени, он является представителем самостоятельного течения мысли и деятельности, которое заслуживает отдельного изучения. Это течение самостоятельное, *несмотря даже на то, что Заславский, а тем более его ученики и последователи, далеко еще сами не изжили народнических тенденций и народнической терминологии* (способа выражения мыслей). И главное—они еще не изжили идеализма, идеалистического понимания

истории. Материализм не был еще ими усвоен до конца, они не прониклись идеями исторического материализма. И именно потому, что в учении Заславского народничество еще только изживалось, а идеализм не был изжит, — мы видим после разгрома основной его организации, после того, как прекратилось нормальное развитие и углубление ее идей, — так сказать рецидив, возвращение многих из уцелевших от разгрома учеников Заславского к деятельности чисто народнической. Впрочем, мы забегаем вперед. Об этом речь будет дальше.

Тут, однако, следует отметить еще один очень характерный штрих. Влияние учения Лаврова на Заславского несомненно. В числе прочей литературы Заславский не только знал, но и распространял заграничный журнал „Вперед", издававшийся Лавровым, он поддерживал даже связи с Лондоном, где издавался „Вперед",—напр., через кочегара ходившего в Лондон парохода Ляховича. В том, чему он учил своих товарищей, очень многое напоминает учение Лаврова. Так, например, Лавров считал, что для того, чтобы готовить массу к революции, необходимо революционерам самим основательно подготовиться, учиться, и об'ем знаний, которые он рекомендовал усвоить, был весьма обширен. Заславский действительно сам много учился и своим последователям указывал на необходимость многосторонне и глубоко усваивать разные знания. Он, как и Лавров, пред-

ставлял себе процесс подготовки к революции очень длительным процессом. Сам он являл собою образец той высоко-нравственной „критически-мыслящей личности", которая является центром учения Лаврова. Между тем в своей *практической работе* Заславский вносил в лавризм столь существенные поправки, что и расхождение его с лавризмом является довольно определенным. Так, лавристы были противниками агитации и практических выступлений, а организация Заславского проводила забастовки рабочих и распространяла прокламации в связи с этими забастовками.

И чрезвычайно любопытно, что, посылая своих учеников для связи и организации, как мы увидим дальше,—в Крым, в Ростов на Дону, в Харьков, имея связи с Лондоном,—Заславский совершенно не устанавливает связи с организацией „пропагандистов" — лавристов в Петербурге.

И только после разгрома „Южно-Российского Союза Рабочих" и ареста Заславского один из уцелевших и попытавшихся снова собрать остатки организации, Григорий Анфимович Попко, устанавливает связь этой новой группы с петербургскими „пропагандистами", то-есть делает то, чего сам Заславский не делал и что, таким образом, уже отклоняет вторую организацию от линии Заславского. (Эти отклонения потом стали еще резче, а в частности сам Г. А. Попко стал позже террористом).

„К которому из направлений того времени примыкал Заславский,—пишет в своих воспоминаниях М. П. Сквери,—я не могу сказать. *Скорее он работал самостоятельно и обособленно,* прибегая только при случае к помощи организаций", то есть *других* организаций, стоящих вне той организации, которою он руководил. При этом речь может итти здесь только о помощи технической.

Да, организация Заславского — *самостоятельна и обособлена.*

Необходимо подчеркнуть, что вполне точно судить о взглядах Е. О. Заславского нет возможности. Не сохранилось ни одного его труда, ни одной им самим сделанной и закрепленной формулировки взглядов. Да и вообще неизвестно, писал ли он что-нибудь. Он был весь в коллективе. О нем и о его учении мы знаем только по отрывочным воспоминаниям его уцелевших учеников. А их—совсем не много, да и это—не самые близкие и не самые активные. К тому же воспоминания, написанные через несколько десятилетий после событий, не могут отличаться точностью. Другой источник—жандармские сведения и показания предателей. Но и они точностью не могут отличаться.

Процесс „Южно-Российского Союза Рабочих", слушавшийся в особом присутствии Сената и закончившийся суровым приговором к каторге Заславского и ряда других борцов—до сих пор еще не разработан, да и вряд ли его разработка

может дать материал для характеристики взглядов Заславского.

Дело в том, что вскоре же после ареста Заславский стал проявлять признаки сумасшествия. Есть некоторые основания думать, что вначале это была симуляция с целью сбить с толку жандармов. Но даже симуляция легко могла перейти в подлинное сумасшествие или глубокое нервное расстройство в безумно-кошмарной удручающей обстановке царской политической тюрьмы полвека тому назад. Глубокое нервное расстройство Заславского во время дальнейшего следствия и самого процесса отмечается всеми, писавшими об этом деле. Во всяком случае, повидимому, на допросах его тактика сводилась к молчанию, а на суде он тоже все время молчал. Вряд ли поэтому архивные материалы следствия и суда могут осветить принципиальные теоретические взгляды Заславского.

И единственный бесспорный документ, по которому мы можем судить о взглядах и программе Заславского, о его учении—единственный уцелевший литературный памятник этой страницы из истории зарождения рабочего движения в России—это „Устав Южно-Российского Союза Рабочих". Устав этот не является плодом единоличного творчества Заславского. Он коллективно создан активным ядром участников „Союза" и даже проведен через проверку союзной периферии. Заславский только руководил этой основной програм-

мной работой и давал ей направление. И замечательно, что *именно в этом Уставе ярко и четко сказывается классовый подход к революционному движению и его задачам,* пролетарский классовый инстинкт, движущий этой первой организацией сознательных рабочих в России.

Вот этот Устав:

Устав „Южно-Российского Союза Рабочих".

I. Сознавая,

что установившийся ныне порядок не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих;

что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основою личного и общественного благосостояния;

что этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их об'единении, мы, рабочие Южно-Российского края соединяемся в один союз под названием: „Южно-Российского Союза Рабочих", поставляя себе целью:

во-первых: Пропаганда идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов;

во-вторых: Об'единение рабочих Южно-Российского края;

в-третьих: Для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком.

II. При союзе находится касса, суммы которой в первое время предназначаются для пропаганды идей освобождения рабочих, а впоследствии для борьбы за эту идею.

III. Членом союза может быть каждый *трудящийся* человек, ведущий близкие сношения с рабочими, а не с привилегированными классами и сочувствующий своими поступками основному желанию рабочих—борьбе с привилегированными классами во имя своего освобождения.

IV. Обязанности личности каждого члена к союзу и союза к личности обусловливаются следующим: *Один за всех и все за одного.*

V. Член союза, проговорившийся постороннему лицу о существовании союза или не исполняющий в точности своих обязанностей к союзу, считается изменником.

VI. Каждый член должен быть готовым на всякую жертву, если эта жертва требуется для спасения союза.

VII. Каждый член должен распространять между своими товарищами основные идеи нашего союза и побуждать их присоединиться к нашему делу освобождения рабочих.

VIII. Каждый член обязан вносить в кассу еженедельно по 25 копеек (в продолжение года).

IX. Член, не вносивший в продолжение пяти недель никакого взноса и не представивший никаких уважительных причин, должен быть исключен из союза.

X. Каждый кружок имеет право давать разные льготы своим членам относительно взносов в кассу.

XI. Внесенные деньги делаются принадлежностью целого общества. Ни один член не имеет права взять свои деньги обратно.

XII. Распределение денег и расход их может быть производим с согласия всех членов союза.

XIII. Для хранения денег общество избирает из своей среды кассира, который по требованию общества обязан давать подробный отчет о деньгах.

XIV. Первые шесть месяцев со дня устройства кассы деньги не должны быть расходуемы.

XV. Союз разделяется на общества, которых теперь два: Одесское и Ростовское; общества на кружки; каждый кружок имеет своего депутата (представителя), который избирается на один месяц. Обязанности депутата следить за взносами в кассу, заботиться, чтобы все правила союза были в точности исполняемы в его кружке, заботиться о нуждах союза и присутствовать каждое воскресенье при собрании депутатов.

XVI. Устав этот может быть изменяем и дополняем с согласия всех членов союза.

Когда и как возник „Союз".

Для того, чтобы правильно изучить и истолковать этот Устав в исторической перспективе, необходимо прежде всего остановиться на возникновении „Южно-Российского Союза Рабочих" и выяснении характера тех организаций и ячеек, которые ему предшествовали.

Прежде всего, когда возник „Союз"? До недавнего времени принято было считать, что возник он в 1875 году. Совершенно бесспорно, что этот год—год полного расцвета „Союза". Конец этого года ознаменован уже его разгромом. Но теперь можно считать установленным, что не только отдельные ячейки „Союза", но и самое их первоначальное соединение в „Союз" существовало уже раньше, именно в 1874 году. Этого взгляда совершенно правильно придерживается и В. И. Невский в „Очерках по истории РКП".[1]) Повидимому, однако, в условиях подпольной конспирации многие участники „Союза",—в том числе и те, со слов которых до недавнего времени дата основания „Союза" приурочивалась к 1875 году,—узнали об этом его организационном оформлении несколько позже того момента, когда оформление фактически совершилось.

Первой организацией, созданной Заславским в Одессе, был кружок металлообрабатывающего и

[1]) Таково же и мнение исследователя истории „Союза" В. К-ова (в изданной Центрархивом под редакцией Максакова и Невского книге „Южно-русские рабочие союзы", изд. 1924 г.).

машиностроительного *завода Беллино-Фендерих.* Он возник в *1872 году.* В этот кружок вошли рабочие: Осуховский, Изотов, Сергей и Николай Наддачины, Гренко, Сикочин, Федоров, Эрманов и Вишневецкий. Кроме этих беллино-фендериховцев, в кружок входили позже и рабочие других предприятий: железнодорожники Павлов и Кравченко [1]) (из Одесских железнодорожных мастерских), телеграфист Власенко, рабочий завода Фалька (вероятно, Обнорский) и литейщик чугуно-литейного завода Гулье-Бланшард, Ян Ревицкий (или Рыбицкий).

В этом кружке под руководством Заславского читались не только обычные в то время агитационные брошюры („Хитрая механика", „Сказка о четырех братьях", „Сказка о Мудрице Наумовне" и т. д.), но и газеты и более серьезные книги по рабочему вопросу и рабочему движению. Читались лондонская газета „Работник", „Очерки фабричной жизни", „Паровая машина", „Артели рабочих", „Историческое развитие Интернационала" и т. д. Участники этого первого беллино-фендериховского кружка прошли под руководством Заславского серьезную школу как теоретической

---

[1]) Впрочем, нельзя с уверенностью считать, что участник фендериховского кружка с 1872 г.—это именно тот Кравченко, который впоследствии оказывается одним из руководителей железнодорожной группы Союза и осужден вместе с Заславским. Кроме железнодорожника Федора Кравченко, в жандармских дознаниях упоминается Яков Кравченко, работавший на заводе Фалька и затем Беллино-Фендериха.

подготовки, так и практики подпольной работы. Они явились основным материалом дальнейшей организации. Почти никому из них не удалось избегнуть жандармских преследований, хотя многие из них и уцелели при разгроме первой позднейшей крупной организации. Все же имена большинства из них еще долго встречаются в жандармских списках поднадзорных, неблагонадежных и беспокойных элементов,—еще ряд лет спустя после осуждения и ссылки на каторгу их товарищей.

Беллино-фендериховский кружок существует все время до разгрома возникшего позже „Союза", составною частью которого он стал. В том же 1872 году, когда был основан кружок, им была создана на взносы по 7 копеек в месяц с каждого пользующегося книгами *библиотека*, постепенно ставшая довольно богатым книгохранилищем и бывшая существенным подспорьем в пропагандистской работе кружка и во влиянии его на повышение сознательности других рабочих. Кроме того, эта библиотека, управляясь самими рабочими, была для них и первоначальной школой организации.

Затем, в 1873 году под руководством Заславского рабочие попытались создать и другое, не только просветительное, а кооперативное предприятие, вернее начинание: *кооперативную баню*. Это начинание оказалось неудачным. Просуществовав около полугода, баня за убыточностью была закрыта. Неудачное предприятие причинило немало неприятностей,—неуспех бани и убыточность

ее вызвали кое-какие дрязги и на некоторое время даже как-будто некоторое охлаждение между Заславским и некоторыми его учениками. На ряду с этим, однако, тот же 1873 год дает и успехи организации. Она растет и разветвляется. *Входившие первоначально в Беллино-фендериховский кружок отдельные рабочие других предприятий постепенно развивают свое влияние у себя за станком,* обрастают единомышленниками и *создают новые ячейки по предприятиям.* Так, Кравченко постепенно становится в центре кружка *железнодорожных мастерских,* и создает там *сначала кассу взаимопомощи.* А Рыбицкий такую же кассу создает на заводе Гулье-Бланшард.

В организации *кассы* у *Гулье-Бланшард* вместе с Рыбицким участвовал конторщик этого завода М. П. Сквери. (Сквери учился в реальном училище, не окончил его из-за нужды и поступил на службу в заводскую контору). Вот что рассказывает Сквери в своих воспоминаниях. Основание кассы он относит к началу 1875 года,—время указывается по памяти, и можно думать, что на самом деле это было раньше. Совещания среди более активных рабочих о кассе начались еще до того, как в деле принял участие Сквери: Прогуливаясь однажды вечером в саду за стеной завода, Сквери наткнулся в кустах на группу рабочих, расположившихся на лужайке и о чем-то совещавшихся. Здесь был и Рыбицкий. Сквери, в то время 19-летний юноша, увлекавшийся стихотворениями Некрасова и на-

строенный народнически-романтически, думал, что речь идет о каком-нибудь таинственном и эффектном предприятии, заговоре, и был сначала очень разочарован, узнав, что рабочие задумали только устройство *ссудо-сберегательной кассы*. „Еще более,— говорит он,—я был удивлен, что ничего конспиративного здесь не было и что кассу намерены были устроить при конторе завода".

Выработаны были основные положения кассы: вступительный взнос—50 копеек, обязательный еженедельный—по желанию, но не менее 25 коп. Ссуды предполагались беспроцентные, хотя и были разговоры о процентах, но от них отказались. Выдача ссуд отсрочивалась до того, как в кассе накопится некоторый фонд. Было решено четвертую часть взносов отчислять в основной неразделный фонд кассы, который мог расходоваться только по постановлению общего собрания и только на общие нужды рабочего класса. „Какие могли быть эти общие нужды,—замечает Сквери в воспоминаниях,—я в то время смутно представлял себе, но такой фонд, мне казалось, придавал кассе идейный характер и мог быть залогом единения рабочих". В правление кассы были избраны Рыбицкий, Лущенко и Сквери. (Степан Дмитриевич Лущенко был уже тогда сравнительно пожилым рабочим, значительно старше и Сквери и Рыбицкого. Ему было уже около 35 лет. Он работал по очистке чугунного литья. Прежде был матросом на военной службе, плавал на Дальний Восток).

Лущенко был казначеем, Сквери счетоводом кассы Рыбицкий же вел агитацию среди рабочих. Рыбицкий вообще был очень талантливый и энергичный агитатор, и среди рабочих завода касса стала вскоре очень популярна.

Интересно остановиться на первоначальной мысли сделать кассу легальной. Правлению было поручено раздобыть где-нибудь для образца устав и хлопотать о его утверждении. Стали по книжным магазинам искать устав, но не находили. Зато попутно знакомились со многими книгами, которых раньше не знали. Ценнее всего для них, рассказывает Сквери, было приобретение книги Бехера „Рабочий вопрос". В ней говорилось о социализме и рабочем движении на Западе. Книга пошла по рукам и потом послужила пособием при выработке устава „Союза".

Весть о рабочей кассе широко распространилась. По субботам, в дни получки, стали приходить записываться в кассу и рабочие с других заводов [1]). „Были между ними простые заботливые семейные люди, в глазах которых сбережение и заем имели большое значение, но большинство, молодежь, действовала под влиянием агитации Рыбицкого скорее из чувства товарищеской солидарности. В кассе они видели общее рабочее дело,

[1]) В ближайшем соседстве с зав. Бланшарда, на той же Среднефонтанской дороге, находились тогда фабрика красок и лаков Карла Берга (впоследствии „Акционерного Общества") и мебельная фабрика Мерклинга.

в них пробуждалось сознание общности интересов и классовой солидарности".

Сквери говорит даже, что в кассу на заводе Гулье-Бланшард приходили записываться многие из железнодорожных мастерских. Возможно, что это и так. Но в железнодорожных мастерских работал Кравченко, и либо тогда же, либо позже им была там организована отдельная касса. Впоследствии и Рыбицкий перешел литейщиком в железнодорожные мастерские, и тогда уже они с Кравченко создали там широкую и прочную организацию. По некоторым сведениям, эта железнодорожная организация впоследствии состояла из двух кружков и насчитывала около 60 членов.

По мере роста кассы на Гулье-Бланшарде ее организаторам становилось все яснее, что их доморощенного устава недостаточно, что он нигде не будет узаконен. Они стали сомневаться, нужно ли его легализовать. В конце-концов они не знали, что им дальше делать и как вести работу. Тогда, рассказывает Сквери, они обратились к Заславскому.

Почему не обратились к нему раньше? Сквери мог только впоследствии узнать, что существует Заславский, который „где-то на Садовой улице содержит типографию". Но Рыбицкий ведь знал о нем по кружку Беллино-Фендериха. В чем же было дело? Тут сказалась, повидимому, некоторая заминка в работе Заславского среди рабочих, в связи с неудачей кооперативной бани. Повидимо-

му, в работе Заславского был некоторый перерыв вызванный недоразумениями с баней и временным охлаждением в отношениях с кружком на Беллино-Фендерихе. Поэтому отдельные участники кружка, продолжая работу за пределами кружка в направлении, которое им указал Заславский, все же не решались до поры, до времени итти к нему, а пошли лишь тогда, когда уже кое-что ими было сделано, когда было что показать, и когда снова стала ощущаться нужда в дальнейших руководящих указаниях опытного руководителя с широким кругозором, в связи с новыми возникшими в ходе работы вопросами.

С другой стороны, возможно и то, что Заславский временно отошел от беллино-фендериховцев, с которыми вышла неудача в начинании с баней, сосредоточив свои усилия на новом начинании, оказавшемся на этот раз вполне удачным: *на создании легальной типографии.* Эта типография сыграла очень большую роль, но о ней позже.

Параллельно с организацией касс у Гулье-Бланшарда и в железнодорожных мастерских, кое-что делалось и на *механическом заводе Фалька.* Работа у Фалька не оставила организационных следов, хотя там и существовал кружок [1]), но она имела громадное значение впоследствии: здесь работа велась при участии слесаря Виктора Павловича *Обнорского,* здесь Обнорский проходил школу

[1]) Часть этого кружка завела даже связи и на водопроводе.

идей Заславского и делал первые попытки организовывать рабочих. Виктора Обнорского миновал разгром „Союза“, его не было в Одессе уже и в период расцвета этой организации, но руководившие ею идеи он усвоил хорошо и крепко, на всю жизнь и дал им затем более полное и четкое развитие. Несколько лет спустя Обнорский стал продолжателем дела „Южно-Российского Союза“ и Заславского. В 1878–1879 г. он вместе со столяром Степаном Халтуриным создал в Петербурге „Северно-Русский Рабочий Союз“, гораздо более, чем Южный, известный в истории нашего рабочего движения. „Северно Русский Союз“ сыграл большую роль и считается уже провозвестником социал-демократических организаций. В „Северном“ Союзе Халтурин сыграл громадную роль главным образом организаторскую, идейное же руководство принадлежало главным образом Обнорскому, именно им наложена яркая печать классового сознания на идейный багаж „Северного“ Союза. Таким образом через Обнорского было продолжено на севере созидание классовой организации рабочих в России, которое еще за несколько лет до того было начато „Южно-Российским Союзом Рабочих“ [1]). Но к этому вопросу о связи с „Северным“ Союзом мы еще вернемся позже.

---

[1]) *От редакции.* Здесь автор, следуя пути В. Невского („Очерки по истории Р. К. П.“), вызвавшему уже отрицательный отзыв Истпарта, на основании одного лишь факта участия Обнорского в „Южно-Российском Союзе“, приходит к утверждению идеоло-

1874 год.

Мы видели, как постепенно из отдельных звеньев, из отдельных кружков и групп, или как мы теперь выразились бы, ячеек, складывалось, кирпич к кирпичу, здание широкой рабочей организации. Мы не имеем теперь возможности в точности воспроизвести историю этого строительства, перед нами лишь отдельные клочки, лоскутья этой большой, долгой, кропотливой работы, проводившейся в тягчайших полицейских условиях, при постоянной слежке полиции, жандармов, шпионов, при постоянном опасении предательства или провала из-за неосторожности,—и вообще в удушливой, гнетущей атмосфере произвола, этой основы царского самодержавия.

Большая часть этой громадной и по затраченным усилиям, и по своему историческому значению работы, не оставила видимых, вещественных или документальных следов. Эта работа была гораздо больше и шире не только того, что уже тогда знали о ней жандармы, но гораздо шире и того, что жандармы узнали о ней впоследствии.

гической преемственности между „Южно-Русским“ и „Северно-Русским“ Рабочими Союзами. Верно, что Обнорский сыграл крупную роль в выработке устава и платформы „Северно-Русского Союза“, приближавшихся к точке зрения германской социал-демократии того времени, но нельзя забывать того обстоятельства, что Обнорский перед своим участием в Северном Союзе провел известное время в Западной Европе, где и ознакомился с германским социал-демократическим движением.

В дальнейшем мы увидим, как уже проваленный Союз долго и упорно боролся за сохранение своих кадров, сколько стойкости было проявлено многими из попадавших в жандармские лапы. Жандармам с трудом удалось „ликвидировать“ эту первую рабочую организацию, и за время ликвидации участники организации сумели уничтожить большую часть того, что могло сослужить службу жандармам и таким образом помешали им значительно расширить рамки провала. В условиях подполья, глухого безвременья тех лет не было другого средства самосохранения, кроме уничтожения следов деятельности организации. Это спасало многих и многое. Но это же лишает нас теперь возможности восстановить полную картину роста и деятельности „Союза“. Поэтому-то в той отрывочной картине, которую мы пытаемся восстановить, так много пробелов и неясностей, так много неточных дат, так недостает точных указаний времени,—не только месяцев, но и лет,—и так много догадок и предположений вместо непреложных и несомненных фактов. Быть может, впоследствии удастся постепенно восстановить пробелы и многое уточнить. Пока же приходится довольствоваться лишь приближением к картине того, что действительно имело место 50 лет тому назад.

Итак, из отдельных ячеек складывался „Союз“, росла, углублялась и расширялась его организация. *Организационным центром, штабом „Союза“ была небольшая легальная типография на Садовой*

улице, руководившаяся Заславским. В сущности, эта типография—подлинное чудо подпольной работы. Легальная типография в центре большого города, под носом у жандармов. Типографией руководит идейный и организационный вождь подпольного „Союза", раскинувшего значительную,—особенно по масштабу тех времен,—сеть ячеек и кружков. Рабочие этой типографии—все свои люди, друзья и ученики Заславского, его ближайшие помощники. Типография, конечно, не только занимается коммерческими заказами, которые дают возможность существовать и Заславскому, и рабочим типографии. Она печатает и нелегальную литературу, и повидимому не для одних только кружков, руководимых Заславским, но и для других революционных организаций. Очевидно, все это было слишком дерзко для того, чтобы жандармы могли быстро спохватиться.

Одесские жандармы просто прозевали первый период работы типографии на Садовой улице. В Петербурге о ней жандармы узнали раньше, чем в Одессе. В архиве одесского жандармского управления имеется следующая бумажка,—неприятный запрос начальнику одесского жандармского управления известному в свое время полковнику Кнопу от управляющего знаменитым Третьим Отделением „собственной его императорского величества канцелярии":

„Получены сведения, что проповедуемые Интернационалом идеи весьма успешно распростра-

няются между одесскими рабочими, что недавно несколько рабочих по инициативе пропагандирующей молодежи приобрели, на началах ассоциации, большую типографию Толстого и что это последнее обстоятельство ускользнуло от внимания правительства. Покорнейше прошу ваше высокоблагородие проверить эти сведения и о последующем меня уведомить".

Подписана эта бумага А. Шульцем и послана из Петербурга 10 января 1875 года. Эта дата для нас весьма интересна. Следует предполагать, что типография могла быть создана лишь тогда, когда общая организация кружков, руководившихся Заславским, более или менее окрепла. По крайней мере, такое предположение было бы вполне логичным. И если в начале января о ней знали уже кое-что в Третьем Отделении, то очевидно возник этот организационный центр „Союза" еще в 1874 г. Это подтверждает, что и вообще именно к 1874 году следует отнести самое возникновение „Союза".

Неловкость одесских жандармов, прозевавших создание Заславским такого важного для организации опорного пункта, как легальная типография,—сослужила повидимому и в дальнейшем полезную службу „Союзу". Полковник Кноп получил из Питера упрек в ротозействе, но признаваться в таком существенном упущении было неловко. Было удобнее для карьеры отвираться. То же самое и полицмейстеру одесскому, которому тоже, нужно полагать, влетело в свою оче-

редь от Кнопа. И в результате—на полях приведенного выше отношения из Третьего Отделения имеется с одной стороны надпись карандашем,— „На Садовой, баня на Пересыпи на Московской улице". Это значит, что ищейки напали-таки на след и типографии, и бани, и на связь между ними или между людьми, имеющими к ним отношение. Но это, впрочем, могло быть и позднейшей пометкой. А с другой стороны:

„Полицмейстер сообщил, что типография Гроссул-Толстого приобретена Семеновым, Атанасовым и Хрисогелосом" и „не замечено там лиц, служивших на фабрике Беллино-Фендериха". Эта пометка относится к 20 января 1875 г.

Таким образом, одесским жандармам и полиции пришлось, для спасения собственной репутации в глазах высшего начальства и для сокрытия своего прежнего ротозейства, до поры до времени смотреть сквозь пальцы на типографию на Садовой. В этой типографии Заславский был не только управляющим. Он работал и как наборщик.

Вообще, однако, дело не только в ротозействе жандармов, но также и в том, что для них была тогда еще полной неожиданностью широкая рабочая организация, и они не сумели достаточно оценить значение тех мелких следов и выявлений деятельности организации, на которые они натыкались в своей работе. Только впоследствии они уразумели, хотя кое-какие нити были в их руках уже значительно раньше. Однако, повидимому, с

одной стороны, попавшиеся сумели благодаря конспиративной выдержке благополучно вывернуться, а, с другой стороны, видимые пустяки не могли быть достаточно оценены еще неподготовленными к борьбе с массовой организацией жандармами. Между тем, повторяем, эти следы относятся к значительно более раннему времени и снова свидетельствуют о том, что начало организации „Союза" и разветвленная его работа относятся по меньшей мере к 1874 году. Вот очень любопытные данные из жандармского архива в Одессе.

Отношением от 9 июля 1874 года одесский жандармский полковник Кноп предупреждает жандармское отделение на пограничной железнодорожной станции Волочиск (граница с Австрией), что 7 июля выехал за границу по железной дороге мастеровой Ян Ревицкий, работающий на одном из местных заводов, и „подозреваемый в распространении между товарищами социальных учений". За Ревицким установлено наблюдение и предполагается, что Ревицкий воспользуется поездкой за границу для провоза запрещенных сочинений.

Тут же рядом подшито в архивном деле донесение Кнопа в Петербург в Третье Отделение от 23 июля 1874 г.: „Вследствие обнаружившихся последнее время неоднократно случаев распространения в народе и в особенности на фабриках и заводах революционных и социальных идей, чрез посредство печатных воззваний, брошюр и стихотворений, я строжайше приказываю унтер-

офицерам дополнительного штата вверенного мне управления обращать особое внимание на здешний фабричный люд, стараться знакомиться и сближаться с ними и дознавать, не проводится ли между ними преступная пропаганда".

Затем—донесение жандармского унтер-офицера Малицкого о том, что на литейном заводе Фалька подмастерье Ян Ревицкий распространяет книжку „Где лучше", она же „Сказка о четырех братьях", где осмеивается и бранится духовенство. По тем же сведениям, к распространению причастен и Яков Кравченко, который служил прежде на том же заводе Фалька, а затем у Беллино Фендериха. Ревицкий читал вслух книги в мастерской, брошюра „ходила по рукам и валялась в мастерской, не скрываемая ни от кого".

Спрошенный жандармами, Ревицкий заявил, что ничего преступного в распространении книги не видит. Получил он ее от Якова Кравченко, а последний от своего отца, работающего в гавани. Жандармы признали Ревицкого „бессознательно виновным распространителем" и отобрали подписку о невыезде. Затем, однако, 25 июля Ревицкого арестовывают. Повидимому, это уже после поездки за границу. С другой стороны, жандармы уже не верят прежним показаниям Ревицкого и Кравченко. Приводится заявление отца Кравченко, что эта книга не та, которую он нашел. По делу арестованного Ревицкого одесские жандармы ведут переписку с Петербургом.

В это же приблизительно время арестовывается кружок братьев Жебуневых, державших кузнечную мастерскую. Это дело в жандармском производстве именуется первоначально „делом о Петре Макаревиче и его кружке". Повидимому, Петербург опасается, что есть связь между делами Ревицкого и Макаревича. Одесские жандармы доказывают, что такой связи нет. Зато позже, уже в ноябре, Кноп сообщает Петербургу, что собранные им новые секретные сведения дают основание предполагать о связи дела Ревицкого с делом о „крестьянине Вологодской губернии Викторе Павлове Обнорском", который „работал на заводе Фалька и затем в мастерских одесской железной дороги" и „в качестве кочегара выехал в Петербург".

Результат — телеграмма генерала Слезкина из Петербурга: „Яна Ревицкого признано возможным отдать под особый надзор полиции".

Это дело любопытно во многих отношениях. Оно дает характерные черты революционного быта первоначального периода пропаганды среди рабочих. Конспирация еще не выработалась, пропаганда идет почти открыто, книжки ходят по рукам и валяются в мастерской. Рабочие-пропагандисты еще не привыкли и не приспособились к жандармским преследованиям. Жандармы, в свою очередь, только начинают совать нос на заводы. Вместе с тем, однако, в этом деле уже обнаруживаются признаки существования разветвлений

организации. С одной стороны, здесь фигурируют уже указания на связи тех именно работников, которые затем оказываются деятельными участниками „Союза“ (Ревицкий, Кравченко [1]), Обнорский) с рабочими тех предприятий, которые потом выявляются как важнейшие опорные пункты организации (заводы Беллино-Фендериха и Фалька, мастерские железных дорог). Затем, несмотря на отсутствие конспиративного опыта, в показаниях привлеченных к делу чувствуется уже некоторая организованность в запутывании следов и сбивании с толку жандармов (версия о книге, якобы найденной отцом Кравченко в порту). Наконец, в-третьих, трудно предположить, чтобы рабочий Ре-

---

[1]) Впрочем, следует отметить, что упоминаемый в этом деле Яков Кравченко—не тот руководитель организации в железнодорожн х мастерских Кравченко, который является одною из центральных фигур союза и судебного дела о нем. Кравченко с завода Фалька (а затем Беллино-Фендериха), повидимому, лишь рядовой участник движения. Имя Кравченко—железнодорожника—Федор Иванович. Что тут нет случайной путаницы в именах и идет речь действительно о разных лицах—свидетельствуется еще и следующим. Сообщая министру юстиции донесением от 3 января 1876 г. о произведенных арестах в период разгрома „Союза“, прокурор Одесской судебной палаты, упоминая об аресте Ревицкого (Рыбицкого), поясняет: „в 1874 г. привлечен к делу о распространении брошюры революционного содержания на фабрике“; относительно же арестованного одновременно с Ревицким Федора Кравченко, упоминаемого в том же донесении, никакой оговорки прокурор не делает. Отсюда можно заключить, что Федор Кравченко к дознанию о распространении литературы летом 1874 г. не привлекался.

вицкий мог поехать за границу за литературой при отсутствии организации.

Отсюда приходится сделать вывод, что *разветвленная организация, имевшая несколько первичных ячеек,* с несколькими опорными пунктами на крупнейших предприятиях, *существовала в Одессе уже летом 1874 года.* Возможно, что она еще не именовалась официально „Южно-Российским Союзом Рабочих" и что устав ее еще не был тогда вполне выработан, но организация существовала. Жандармов она беспокоила все больше и больше, но еще долго, еще много месяцев не в состоянии были они уловить сущность и нерв работы этой организации.

Хождение в народ.

1874 год в истории революционного движения в России ознаменован так-называемым „хождением в народ". Это хождение в народ было общей платформой, на которой после долгих споров сошлась в тот момент революционная учащаяся молодежь и которую она попыталась провести в жизнь. В основе—революционной молодежью двигало в тот момент идеализированное и надуманное представление о „народе",—преимущественно крестьянстве—обладающем природными социалистическими инстинктами и якобы чрезвычайно склонном к бунтам против властей. На крестьянской общине и артели народники-пропагандисты рассчитывали сравнительно легко построить социализм.

Молодежь стала учиться сапожному, столярному, слесарному ремеслу, курсистки становились фельдшерицами, учительницами, простыми работницами. Они хотели войти в народную среду, незаметно, „своими людьми", сблизиться с „народом", поделиться с ним знаниями, „отдать долг народу"— как многие тогда выражались, разбудить в нем дремлящее стремление к социализму и вместе с ним „перешагнуть из царства необходимости в царство свободы". В одиночку и целыми группами двинулись пропагандисты в народ. На Волге, на Дону, на Украине образовались целые колонии пропагандистов.

Горькое разочарование и жестокий разгром ожидали „ушедших в народ". И сущность не только в разгроме полицейском. Неудача была гораздо глубже. Не оправдались совершенно надежды народников на восприимчивость народа к их проповеди. Ожидавшихся социалистических источников в крестьянстве и в частности в общине не оказалось, также провалился и расчет на склонность к бунтами. Мирная социалистическая пропаганда не была понята крестьянством, она не дала результатов. Единичные случаи успеха не изменили общей картины. Разгром был двойной—не только полицейский, но и идейный. Многочисленные аресты, с одной стороны, разочарование пропагандистов—с другой, ликвидировали полосу движения, известную под именем „хождения в народ",—фактически хождения в деревню.

Двойная неудача этого хождения дала новое направление деятельности революционеров того времени,—они стали ближе к политической борьбе. Возникновение партии „Земля и Воля", затем раскол „Земли и Воли" на „Черный Передел" и „Народную Волю" были дальнейшими этапами революционной борьбы. Эти этапы относятся уже к более поздними годами, и рамки нашей работы не позволяют остановиться на них подробнее. Но для того, чтобы выяснить более явственно своеобразие того течения, которое возглавлялось (или только олицетворялось?) Заславским, *сопоставление его деятельности с идеологией „хождения в народ" представляет большой интерес.*

Заславский и в „хождении в народ" значительно опередил своих современников. Вот что рассказывал о себе Заславский в 1875 году (или в конце 1874 г.) группе своих учеников, представителей одного полурабочего, полуинтеллигентского кружка, влившегося в „Южно-Российский Союз Рабочих" (об этом кружке мы потом скажем подробнее):

— Я, видите, окончив университет по естественному отделению, ушел в деревню. Тут мне пришлось столкнуться с несколькими довольно основательно образованными противниками из земцев и я вскоре убедился, что не обладаю должными юридическими познаниями, чтобы успешно опровергать их допотопные мнения. Да и самому себе я не на все возникавшие во мне вопросы

мог основательно ответить. Тогда я вернулся в университет уже на юридический факультет. И вот еще и теперь изучаю социологию. Как видите, это не мешает мне жить на людях и работать для дела". (Воспоминания П. Владыченко).

Если принять в расчет, что с 1872 года Заславский уже живет в Одессе и работает среди одесских рабочих и что до того он успел побывать вторично в университете (потому что в Одессе Заславский студентом не был), то его хождение в народ следует отнести по меньшей мере к 1870 году. Таким образом есть основания считать, что те иллюзии, которые вся масса молодых революционеров изживала только в 1875 году, были уже в значительной мере изжиты Заславским лет за пять до того. И совершенно естественно, что *волна „хождения" 1874 года его не захватила и не увлекла. Наоборот, именно 1874 год*—год идеологического разгрома „хождения",—является для него годом усиленного продолжения начатой прежде работы и энергичной подготовки Заславского и руководимых им революционеров-рабочих к работе более широкой. *Именно этот год является годом фактического основания „Союза"*, полнее развернувшегося в следующем, 1875 году.

Характерно, однако, что в 1875 году „Союзу" все-таки пришлось поставить и у себя на обсуждение вопрос о работе в деревне. Как ставился этот вопрос? Вот что рассказывает в своих воспоминаниях М. П. Сквери.

Общие собрания вследствие их многолюдности собирать было в последнее время невозможно. По группам обсуждались общие вопросы, а сводка решений производилась на собрании „депутатов".

„До сих пор ярко помню сценку, в душной, маленькой, тускло освещенной комнатке, переполненной рабочим народом. Сидели у стола, на кровати, на внесенных из кухни скамьях; сидели на полу, стояли, опираясь о стены и толпились у дверей. Из группы у двери отделился высокий стройный рабочий — украинец, лет тридцати, вышел на середину комнаты, с палкой в руке, и приподнятым громким голосом заговорил:

—В деревню к народу надо итти по-апостольски. Посох в руки, котомку за плечи, и геть в деревню, из села в село... Книжки читать там не будут, не умеют, грамотеев нема... Словом проповедывать надо".

„Вышло,—продолжает Сквери—очень картинно и внушительно, но после долгого шумного обсуждения склонились к другому методу, более соответствующему духу и характеру Союза. Предполагалось переселять на постоянное жительство в деревню тех из рабочих, которые сохранили связь с деревней, или имеют склонность к крестьянской жизни. На переселение и обзаведение хозяйством средства должен дать Союз. Переселяющийся в деревню прочно оседает там и ведет чисто крестьянскую жизнь. Около него должны постепенно образовываться группы, тесно связан-

ные между собой и с Союзом. Первым должен был поехать Лущенко, который вообще рвался в деревню. Этот план был потом одобрен Союзом".

Из рассказа Сквери не видно, был ли на этом собрании одной из групп Заславский и скорее можно заключить, что его не было. Далее мы не узнаем из этого рассказа подробностей об отношении всего Союза к этому вопросу. И все же мы видим, как руководимые Заславским рабочие научились уже чураться эффектной революционной романтики (с „посохом"... „по-апостольски"...) и ставить вопрос гораздо более трезво, чем их ставили в те годы революционеры других течений.

III. Пути развития Союза.

От кассы и библиотеки—к Союзу.

Мы не имеем точных сведений о том, как, когда именно и кем составлен был Устав „Южно-Российского Союза Рабочих“.

М. П. Сквери в своих воспоминаниях рассказывает о том, как развивалась касса взаимопомощи рабочих завода Гулье-Бланшард после того, как она поступила под руководство Заславского. Евгений Осипович не только сам вступил в кассу, но и записал в нее членом свою жену. Рабочие устроили ей овацию как первой женщине, вступившей в кассу. Заславский стал вместе с ею приходить по воскресеньям на сходки участников кассы. „Просто и естественно, не вызывая к себе внимания и не поднимая никаких новых вопросов, вошел в знакомую и близкую ему среду рабочих и вместе с ними пошел дальнейшим естественным путем“... „На сходках и по внешнему виду и по поведению он ничем не отличался от других. Никогда не произносил речей, у него не было ораторских поползновений“. Обыкновенно он вел простую беседу, начиная разговор с ближайшим соседом.

„Касса постепенно отходила на второй план, не думали о займах, о сбережениях, лишь иногда упоминали и прибегали к товарищеской помощи из кассы. Взносы, однако-же, продолжали поступать довольно исправно и касса была формальным об'единяющим центром. Об уставе рабочие, впрочем, упоминали, и Заславский набросал проект устава „Братской кассы", включив в него некоторые из прежних правил". (Прежних—тех, которые выработали сначала для своей кассы сами рабочие Гулье-Бланшард.) „Но этот устав не был принят, потому что цели кассы, вероятно преднамеренно, были намечены весьма неопределенно".

„Месяца через три, когда уже образовалось несколько групп" (или может-быть вернее было бы, по нашему мнению, сказать: когда кружок бланшардовцев, в котором участвовал Сквери, соприкоснулся с рядом других групп), „Заславский, сообщив об образовании в Ростове на Дону такой же организации, предложил нам присоединиться к ней и образовать „Южно-Российский Союз Рабочих". После этого был выработан Устав. Интересно отметить, что при обсуждении его Е. О. Заславский предложил исключить слово „политический" при определении целей Союза. Меня это удивило и до сих пор не ясно: склонялся ли он к аполитизму, довольно распространенному в то время в народничестве, или же им руководила просто осторожность на случай провала и преследований.

Возражали Рыбицкий и я, а Заславский не настаивал на своей поправке" (Речь здесь идет о третьем пункте 1-го параграфа Устава: „Союз учреждается для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком").

Мы уже знаем, как развивалась и втягивалась в „Союз" группа Беллино-Фендериховцев, завода Гулье-Бланшард и железнодорожных мастерских. По воспоминаниям П. Владыченко мы можем восстановить также, как шло развитие еще одного кружка—на этот раз полуинтеллигентского.

В числе других идейных групп молодежи, образовалось в Одессе в 1874 г. „Общество содействия развитию природных способностей талантливых лиц из народа". В это общество вошли: только что получивший звание сельского учителя бросивший для этого гимназию М. Д. Терентьев-Рогов, 18 лет, домашний учитель Александр Тефтул, 19 лет, его брат Иван Тефтул, мастер золотых дел, 23 лет, двое братьев Ивичевичей, приказчики Игнат и Иван, 18 и 17 лет, и гимназист 6-го класса П. Владыченко, 16 лет. Позже распропагандированные Иваном Тефтулом примкнули мастер часовых и золотых дел Н. А. Замятин, подмастерье П. И. Чибисов, ювелир и гравер И. П. Рутовский (или Рудовский).

„Общество" бесплодно варилось в собственном соку и топталось на месте до тех пор, пока не прослышало о Заславском. Прослышав—пошли к нему за советом. Беседы с Заславским и данное

им направление быстро оживили дела кружка, появилась у них в обилии литература нелегальная и легальная, и от прежней филантропии они стали переходить к общественной работе.

Решающим было знакомство с Уставом „Ю.-Р. Союза". „Бсльшое впечатление — рассказывает П. Владыченко—произвел на нас уже один девиз Союза: „Все за одного и один за всех".—Заключающаяся в нем идея как бы удесятеряла наши силы, раздувала порыв. Мы принялись усердно разбираться в программе, часами дебатировали вопросы „солидарной борьбы за освобождение труда", при чем Миша Терентьев настаивал на предоставлении центрального места пропаганде действием. Тефтул же стоял за усиление сплочения рабочих: „Мы, братцы, даже на улице втроемвчетвером еще ходить не умеем",—повторял он. Кончили, конечно, тем, что без всяких условий всем кружком, возросшим уже до 11 человек, примкнули к Союзу, в котором и составили группу, названную рабочими *„золотым кружком"*. Группа попрежнему имела своего казначея—теперь уже просто сборщика взносов,—в лице Ивана Тефтула и библиотекаря-секретаря—Владыченко".

Как складывалась и развивалась каждая из других групп (кружков), входивших постепенно в состав Союза, мы в таких подробностях не знаем. Но общий ход этого процесса достаточно определенно выясняется из того, что нам известно из истории фендериховской, бланшардовской, желез-

нодорожной и „золотой“, а также ростовской групп. За исключением „золотой“, смешанной по своему составу, все остальные были чисто рабочими группами. Они возникали большею частью по инициативе самих рабочих, ощутивших уже потребность в выяснении своих классовых интересов и в сплочении своих сил пред лицом крепнувшего капитализма.

Рабочие почти самотеком организовывались *сначала вокруг простейших, близких, понятных им задач,* не выходивших за пределы их повседневной жизни (взаимопомощь, баня, чтение книг). Попытки этой простейшей работы сталкивали их с рядом новых вопросов, расширяли их кругозор,—они, ведь, делали первые попытки преобразовать рабочий быт того времени. Первое время рабочие справлялись с этими вопросами собственными силами или силами рассеянных в рабочей среде первых учеников Заславского, но затем они сталкивались с вопросами более сложными, разобраться в которых еще не умели. Тогда начинались поиски более знающих и опытных людей, которые могли бы дать совет, указание.

Эти поиски, через первых учеников Заславского, приводили непосредственно к нему и складывавшиеся рабочие группы постепенно одна за другой попадали под его руководство. Заславский не ошарашивал их „новыми вопросами“, но своими беседами и указаниями обобщал и углублял уже накопленный самими рабочими опыт, вел их

вперед от того, что им уже хорошо известно, но недостаточно освещено и приведено в систему. Заславский давал им эту систему. Он поднимал их постепенно „на одну ступень выше", и благодаря этому они уже сами становились ближе к классовому пониманию общих вопросов. Он не включал их в „Союз", но под его руководством они сами постепенно,—но сравнительно быстро—приходили к Союзу, „своим умом" доходили до него и, уже созревшие, новым звеном вливались в общую, все ширившуюся организацию.

Ростовская организация.

Чтобы еще более уяснить себе подход Заславского к Уставу и к постепенному организационному воспитанию рабочих, сделаем маленькое отступление.

В Уставе упоминается об организации „Союза" *в Ростове на Дону.* Об этой организации известно очень мало. В Ростов приехали из Одессы Николай Наддачин (6 июня 1875 года), работавший затем слесарем в инструментальной мастерской при вокзале Ростово-Владикавказской железной дороги, и Павел Сикочин, поступивший на мельницу купца Посохова. Повидимому, связь у них была на этих предприятиях, на литейном заводе Фронштейна и др. Среди рабочих производились сборы и распространялась литература.

При обысках, произведенных в Ростове, после разгрома центра в Одессе, был обнаружен Устав

„Общественной библиотеки рабочих Ростово-Владикавказской железной дороги". Очевидно, Наддачин, бывший ученик Заславского в одесском кружке завода Беллино-Фендерих,—воспроизводил в Ростове те же методы и ту же постепенность в развитии работы, которые уже были применены в Одессе. Там тоже первой стадией было создание библиотеки.

Воспроизводим и этот Устав. Всякий, прочитав его, увидит, что библиотека здесь служит только стержнем, вокруг которого рабочие группируются и получают первоначальную организационную выучку и самые первоначальные примитивные понятия о классе, о его интересах, о значении сплочения сил и солидарности. Таков воспитательный метод Заславского. Он—практик. Подходить к рабочему того времени сразу с широкими задачами, ему непонятными, было бы ошибочно,—это только бы отпугнуло его. Нужно было постепенно подвести его к этим задачам. И ученик Заславского, следуя методу своего учителя, говорит с рабочими о библиотеке и ее значении, при чем дает своим положениям классовое обоснование, и тут же замечает: „*о большем будем говорить после*". Он, таким образом, не скрывает, что библиотека только исходный пункт большого пути,—но по этому пути рабочие должны пойти не на помочах, а самостоятельно.

В действительности же с самого начала дело и в Ростове гораздо шире одной только библиоте-

ки как книгохранилища, и более реально, чем туманная, хотя и многообещающая фраза о „большем". Наддачин сразу охватывает и вторую стадию развития организации, говоря в последнем пункте об „общественной ссудо-сберегательной кассе". Ряд выражений в этом Уставе сам по себе очень напоминает устав „Южно-Росс. Союза" (начало: „во-первых, сознавая", затем: „сознание безвыходного положения" рабочих, „полное об'единение" и т. д.).

Вот этот ростовский Устав—или, как отмечено на сохранившемся в жандармских делах экземпляре—проект устава:

Устав ростовской библиотеки [1]).

„Предлагаемая теория для известного предприятия, надеюсь, будет принята единогласно со стороны моих собратий, судя по ее добросовестному изложению в нижеследующих страницах:

„Во-первых, сознавая, что всякий из нас поодиночке не может предоставлять себе тех потребностей или удовольствий, какими мы можем пользоваться при малейших затратах соединившись, т.-е. „обществом", и что мы, рабочие, можем достигнуть сознания своего безвыходного положения только посредством добывания возможно лучших книг, газет и т. п. и при полном нашем об'единении, т. е. оказывать друг другу взаимое дружеское расположение. О большем будем говорить после, а теперь коснемся настоящего дела, собственно говоря, об осуществлении нами возбужденного вопроса, как о предмете весьма важном для всякого человека.

„Вопрос состоит в том, чтобы мы, рабочие всех цехов, вместе взятых, соединили свои единицы рублей и десятки копеек на осуществление „общественной библиотеки", которая будет носить имя рабочих Ростовско-Владикавказской жел. дороги.

---

[1]) Опубликован в № 5 „Каторги и Ссылки" за 1923 г.

„Изложение устава следующее:

1. Для первоначального обзаведения желаемых газет и всевозможных книг, принимаем, как единственное средство, денежную складчину.

2. Определение взносов может быть определено судя по числу членов, желающих принять участие в нуждающихся средствах для осуществления известной цели.

3. Для ведения общественных дел должны быть выборные из среды нашей посредством баллотировки или голосования, известное требование членов, из которых будут назначены: кассир, распорядитель и содержатель общественных книг, затем несколько членов-депутатов для контроля и ревизирования вышеупомянутых лиц, и которые будут строго следить за выполнением возложенных на них поручений относительно целого Общества.

4. Каждый член может из'явить свое желание узнать о ходе дела и получить верный отчет прихода и расхода через посредство депутатов.

5. Каждый член обязан непосредственно строго придерживаться узаконенных порядков целого Общества.

6. Если выборные будут замечены в каком-либо проступке, угрожающем благосостоянию и интересам целого Общества, то они, по усмотрению благонамеренных большинства членов, могут быть заменены другими.

7. Каждый член имеет право голоса на какое-либо со своей стороны предложение, и что это предложение может-быть принято только при согласии большинства.

8. Ни один член нашего общества не должен признавать за собой личного права на какое-либо требование или распоряжение в делах целого Общества.

9. Каждому члену допускается, не иначе как с согласия всех членов, удовлетворять желание частных лиц, заявивших свое желание пользоваться чтением из Общественной библиотеки.

10. Всем и каждому должно быть известно, что общественными деньгами никто не может пользоваться для личных затрат, за исключением общественных, как-то: на увеличение библиотеки и что

личной собственности между нами быть не может, а собственность общественная.

11. Первопачальные взносы могут быть возвращены по усмотрению Общества, но не раньше, как-по истечении трехмесячного срока, потому что легко может возникнуть недостаток в экономии, или для немедленного возвращения устроить складку, и

12. Устав этот может изменяться и дополняться с согласия всех или большинства по здравомыслящему и добросовестному рассуждению членов нашего общества, и что личные интриги членов не могут быть применены к общественному благосостоянию и приводить его в колебающееся состояние.

При этом может существовать *общественная ссудо-сберегательная касса* общественных денег для несчастных случаев каждого члена существующего Общества".

Даже при беглом просмотре ростовского Устава ясно, что писавший его был знаком с одесским Уставом, с его идеями и твердо помнил из него отдельные фразы. Больше того, он учитывал опыт и промахи одесской работы, предостерегая от „личных интриг", с вредом которых достаточно познакомился в Одессе после неудачи с кооперативной баней.

Воспитательное и организующее значение „Устава".

Мы остановились на ростовском „Уставе" библиотеки и как на важном факте из истории „Союза", и как на материале для освещения метода работы Заславского. *Воспитание рабочего на самостоятельном опыте,*—вот как можно формулировать этот метод. Отсюда, вероятно и осторожный подход к *одесскому* Уставу. Заславский не хочет навязывать. Но

если участники союза уже сами дошли до необходимости фиксировать внимание свое на политике—он не возражает, он „не настаивает на своей поправке". И вполне возможно, что самая поправка была внесена им для того, чтобы прощупать настроения участников Союза и заставить их не механически, а продуманно отнестись к этому пункту [1]).

И еще чрезвычайно важно подчеркнуть, что Устав, повидимому, весь был *продуктом коллективной работы* и мысли участников Союза, только под руководством Заславского. Это вытекает из приведенных выше отрывков воспоминаний Сквери.

Устав „Южно-Российского Союза Рабочих" не был уставом заговорщиков, он был уставом массовой организации и поэтому сам по себе служил одним из средств сплочения и агитации и был, повидимому, довольно широко распространен. Распространялся ли он только в рукописных копиях или же был напечатан—сейчас судить трудно. В „деле" о Союзе имеется копия „Устава". П. Владыченко в своих воспоминаниях указывает, что „Миша или Игнат Ивичевич откуда-то принесли Устав Союза", а прокурор одесской судебной палаты сообщает министру юстиции, что два экземпляра Устава случайно найдены 19 декабря на улице, „в одной из частей города, где преимущественно

---

[1]) *От редакции.* Вряд ли можно согласиться с этим предположением автора.

проживают мастеровые различных фабрик". Одесский полицмейстер, говоря в донесении от 22 декабря 1875 года—об этих ли именно двух экземплярах или о других?—сообщает, что „при производстве дознания о краже вещей и документов у рядового Тризны попали в руки полиции две брошюры под названием Устав" и т. д. Слово „брошюры" заставляет думать, что это были печатные экземпляры.

Но с другой стороны, Сквери в воспоминаниях пишет: „Я принимал участие в обсуждении и выработке Устава, мне же приходилось переписывать его во многих экземплярах для групп, входивших в „Союз", „два экземпляра, писанные моей рукой, попали в руки жандармов".

Был ли Устав печатный или ходил только в рукописях—это, однако, лишь техническая деталь. Существенно то, что печатный ли, рукописный ли—он имел значительное распространение и был известен одесским рабочим, он привлекал их, будил их сознание, сплачивал их вокруг организации.

IV. Строение и сущность „Союза".

Организационные силы „Союза".

Какова же была организация „Южно-Российского Союза Рабочих" в наиболее развитом ее виде? Вот то, что мы знаем об Одессе.

М. П. Сквери рассказывает, что в Одессе образовалось 6 или 7 групп: на заводе Беллино-Фендерих (на Пересыпи), на зав. Гулье-Бланшард, две городские группы (группа наборщиков, повидимому, с ядром в лице рабочих типографии на Садовой ул. и группа позолотчиков), одна или две (повидимому две) группы в железнодорожных мастерских, особенно многолюдные и деятельные, под руководством Кравченко и Рыбицкого (Рыбицкий с завода Бланшард перешел на работу в жел.-дор. мастерские) и группа рабочих на Слободке—Романовке.

Число членов—говорит Сквери—трудно поддавалось учету. В каждой группе было 5—6 преданных делу рабочих, принимавших деятельное участие в делах Союза, посещавших все собрания и сходки, читавших и распространявших литературу и находившихся в постоянном взаимном общении. Таких в Союзе было вероятно 50 — 60

человек, составлявших устойчивое ядро союза, около которого было во всяком случае не менее 150—200 человек, которые считались членами Союза, но манкировали взносами и посещениями сходок, хотя и пользовались литературой и разделяли наши убеждения".

П. Владыченко в своих воспоминаниях насчитывает 9 групп: Бланшардовскую, Вокзальную (т.-е. железнодорожную), не упоминая о том, было ли на жел. дороге две группы или одна, Фендериховскую (на Пересыпи) и кроме того еще одну пересыпскую, городскую (повидимому, ту, ядром которой были наборщики), „золотую", Слободскую (на Слободке-Романовке), Молдаванскую (на окраине Одессы, именуемой Молдаванкой) и мраморщицкую, в которую входили также щеточники и красильщики.

Если учесть, что каждый из участников, воспоминаниями которых мы теперь пользуемся, мог не знать всех звеньев Союза (в условиях конспирации это было вполне естественно), то из этих двух, в общем совпадающих показаний, можно установить *существование не менее 10 групп, входивших в состав Союза.*

Численность членов союза Владыченко определяет выше, чем Сквери, считая, что их было *свыше 250 человек.*

Все эти данные подтверждаются и жандармскими и судебными материалами. Сообщая III Отделению царской канцелярии сводку сведений

о „Союзе", жандармский полковник Кноп указывает, что существовало три отдела: железнодорожный—в жел.-дорожных мастерских, 2) Бланшардовский—в районе Малого Вокзала, 3) городских фабрик. Каждый отдел подразделяется на несколько отдельных кружков. Строене кружков в изложении жандармов соответствует тому, что формулировано в Уставе. В каждом кружке, по сведениям жандармов, было от 10 до 25 человек. Каждый отдел имел своего кассира, а каждый кружок—своего депутата.

Прокурор Одесской судебной палаты в сообщении министру юстиции говорит, что Союз разделяется на „три партии": 1) бланшардовскую, 2) вокзальную (жел.-дорожную) и 3) городскую, состоящую из рабочих разных фабрик центра города. Следует отметить, что в этих жандармских сведениях почти ускользает работа Союза на Пересыпи и отчасти даже на заводе Беллино-Фендерих, хотя из других данных видно, что о кружке на Фендерихе, о библиотеке и бане жандармы знали хорошо. Благодаря ли случайности или благодаря большей осторожности, опытности и конспиративной выдержке пересыпцы и фендериховцы были сравнительно мало затронуты провалом и разгромом организации. Вообще, арестами, повидимому, были разгромлены далеко не все ячейки Союза. Но как мы увидим дальше, центр Союза, его мозг, его штаб почти целиком попал в руки врагов.

Остается еще выяснить, *что имелось у Союза в других городах.* Жандармы на основании показаний предателей и „свидетелей“ сообщают, будто Заславский на собраниях Союза „говорил о существовании сообществ в 37 городах“. Это чрезвычайное преувеличение со стороны жандармов, конечно, а не Заславского, потому что Заславского менее, чем кого-либо другого можно заподозрить в стремлении пускать пыль в глаза дутыми цифрами [1]). Но кое-что в других городах действительно было и это давало полное основание именовать Союз не Одесским, а более широко—„Южно-Российским“.

Больше всего результатов, повидимому, дала работа в Ростове на Дону, куда были сначала посланы из Одессы Эрманов и Федоров, а затем Николай Наддачин и Павел Сикочин. Все, что известно о Ростове, уже рассказано выше. Деятельность Союза в Ростове имела, повидимому, некоторые ответвления в Таганроге.

В Харьков направился в 1874 году Вишневецкий, а затем Изотов. Последний был арестован в Харькове в феврале 1876 года, при разгроме

---

[1]) Впрочем, Заславскому это утверждение приписывается только в сводке дознаний, сделанной жандармским полковником Кнопом для III Отделения. В обвинительном же акте по делу, составленном товарищем обер-прокурора де-Росси, это же самое заявление о существовании организации в 37 губерниях приписывается уже не Заславскому, а Соколову и сделано было якобы в разговоре Соколова со свидетелем Пантелеймоновым.

всего Союза. В Одессе Изотов работал на заводе Фендериха и по сведениям жандармов „слушал лекции Заславского в 1872 году и был затем кассиром кооперативной бани". Он „составил библиотеку для мастеровых, но не обнаружено в ней запрещенных книг". Жандармы подозревали, что он „послан в Харьков депутатом", но сами признавались в слабости своих улик и освободили Изотова под поручительство в 200 руб. Наличность библиотеки, однако, указывает, что Изотов в Харькове, как и Наддачин в Ростове, пытался вести работу с первых шагов по испытанному в Одессе методу своего учителя Заславского. Николай Вишневецкий, слесарный ученик, также привлекался потом за распространение книг среди харьковских железнодорожников. В 1874 г. он работал слесарным учеником у Фендериха.

Николая Наддачина, арестованного при разгроме Союза в Ростове, жандармы подозревали в том, что до поездки в Ростов он ездил в качестве „делегата" Союза в *Крым,* где работал некоторое время. Такое же подозрение у жандармов и относительно его брата Сергея. Они обращают внимание на то, что летом 1875 г. Сергей Наддачин получил в Крыму, где работал, 15 рублей от Заславского с лаконическим письмом „моему товарищу и другу". Но ничего больше о работе в Крыму неизвестно.

Все, что мы знаем о Союзе, рисует картину *стройной и хорошо слаженной организации.* Исключительного удивления и уважения достоин орга-

низаторский талант первых борцов рабочего дела, которые, не имея в своем прошлом организационного опыта, сумели все-таки построить такую большую многолюдную—особенно по тем далеким временам—гибкую и прочную организацию, к тому же организацию со строгим проведением выборности. Она просуществовала в полностью развернутом виде более полугода, а первые ее ячейки, из которых она постепенно складывалась, имеют за собою год, полтора, два и даже более двух лет работы (фендериховская группа). Такая прочность столь многолюдной организации не имеет примера в истории рабочего и революционного движения в России ни в годы, предшествовавшие ее созданию, ни в последующие по меньшей мере полтора—два десятилетия.

О том, насколько велик был *удельный вес этой организации*, свидетельствуют и известные нам цифры. В „Союз" входило свыше 250 постоянных членов, в Одессе же в то время было всего две-три тысячи фабрично-заводских рабочих и около 5.000 ремесленного пролетариата. Таким образом, даже в отношении всей пролетарской массы Одессы *процент организованных рабочих составлял почти* 4%, а ведь еще и в 1905 г. организованность пролетариата в России отличалась лишь немногим более высокими средними процентными цифрами.

Но по отдельным производственным группам организованность рабочих „Южно-Российского Союза" еще выше. В железнодорожных мастер-

ских—около 60 членов при приблизительно 1.000 рабочих, т.-е. *процент организованности превышает 6.*

Вообще замечательно, что удельный вес организации в среде индустриальных (промышленных) рабочих выше, чем среди ремесленных. И вообще из десяти известных нам групп (ячеек) не менее пяти приходится на ячейки крупных промышленных предприятий—и это наиболее многолюдные и активные ячейки. Пред нами организация крепкая и очень крупная по тем временам и по тому количеству рабочих вообще, и притом опирающаяся на рабочие массы растущей фабрично-заводской промышленности.

Такая организация должна была оставить глубокие следы в рабочей массе, оказать громадное влияние на рабочее движение,—такие следы и такое влияние, которых очень долго не могли бы вытравить, уничтожить никакие провалы, аресты, разгромы. И такие следы „Южно-Российский Союз Рабочих" действительно оставил, такое влияние действительно оказал.

Пути массовой работы.

Как же вел свою работу в массе „Южно-Российский Союз Рабочих", контуры организации которого мы обрисовали выше?

Помимо *распространения литературы,*—а распространялась она в изобилии, при чем распространялись заграничные и русские издания всех суще-

ствовавших тогда революционных издательств—устраивались часто и регулярно как *многолюдные массовые собрания,* так и еженедельные организационные совещания делегатов от кружков (этого руководящего центра организации),—и отдельные *кружковые собрания и занятия.*

„Пропаганду,—вспоминает М. П. Сквери,—вели сами рабочие, у нас не было особых пропагандистов—и дело у них спорилось. Не может быть никакого сравнения с неумелыми попытками интеллигентной молодежи, поступавшей тогда на фабрики для пропаганды. Сыск еще не был так усовершенствован, как впоследствии,—в своей среде рабочие действовали свободно, и пропаганда в короткое время захватила большие круги, в особенности в жел.-дор. мастерских". „Большинство рабочих и не смотрело на дело, как на пропаганду. Они просто делились с товарищами по работе своими мыслями о Союзе рабочих, заинтересовывали их, давали книжки и приводили на сходки, которые становились все многолюднее. Таким образом, *вокруг Союза толпилась рабочая масса, вбиравшая в себя идеи Союза и считавшая его своим делом*".

Собрания происходили не только по квартирам, но и в трактирах окраин и центра города и в загородных местностях в летнее время под открытым небом.

Нужно отметить, что в те годы, и еще много лет позже, до очень недавнего времени *трактиры играли громадную роль в жизни рабочих Одессы.* Это

было одно из средоточий рабочей жизни. Сюда рабочие массами приходили и до и после работы, и в праздники. Здесь—большею частью за чаем, иногда пивом, а порою, разумеется, и кое-чем покрепче,—они проводили много часов, обсуждали все свои дела. Преимущественно это были чайные трактиры.

Трактиры заменяли тогдашнему одесскому рабочему и нынешние клубы, и биржу труда. Сюда приходили нанимателя за рабочей силой. Здесь рабочие и нанимателя столковывались между собою и устанавливали цены на рабочие руки, здесь рабочие торговались с хозяином, учитывая в каждый данный момент соотношение сил на рынке труда, соотношение спроса и предложения. При этом жизнь трактиров была не хаотична, а в известном смысле организованна. Каждая группа рабочих, каждая профессия имела свой определенный трактир, куда и стекались все рабочие этой группы. Строители, маляры, металлисты, типографы, столяры и так далее—все они имели свои трактиры, и когда нужны были стекольщики—нужно было пойти в один трактир, когда столяры—в другой, когда слесаря—в третий.

Это была своеобразная профессионально-бытовая организация, и в истории профессионального движения в Одессе—да в Одессе ли только?—нельзя обойти трактира, как первого приюта какого-то неоформленного, но все-таки об'единения рабочих. Разумеется, что „Южно-Российский Союз

Рабочих" не мог пройти мимо этих своеобразных рабочих клубов, не мог не использовать рабочие трактиры и не сделать их одним из опорных пунктов своей работы. И активные работники Союза пользовались трактирами,—там была рабочая масса, там они вели в ее среде агитацию и организационную работу, там, в гуще рабочей, собирались они и сами для обсуждения своих дел.

„При сходках в трактирах,—пишет жандармский полковник Кноп,—цель сходок была известна только депутатам, членам же кружков она раз'яснялась после сходки своими депутатами. При этом избегали называть фамилии". Здесь, очевидно, речь идет об организационных собраниях выборных делегатов—т.-е., как сказали бы мы ныне—комитета организации. Такие заседания тоже происходили иногда в трактирах, за столиком, в отдельной комнате, под шум и говор окружающей рабочей толпы. Но бывали в тех же трактирах и другие собрания.

Вот что рассказывает П. Владыченко: „Нас просто тянуло на сходки, еженедельно по субботам, редко по воскресеньям собиравшиеся по трактирам городских окраин. Сходки эти становились все многолюднее и многолюднее. Рассаживались обыкновенно группами за столиками, обменивались новостями и знакомились. Порой небольшая зала трактира не могла вместить собравшихся: народ толпился у столов, в проходах, удивляя многолюдством видавших всякие виды старых буфетчиков. Наконец, пришлось разделиться: решено было

впредь собираться в двух разных местах города. И пора было: жандармы успели проведать, что в некоторые дни по окраинам города стали сгруживаться большие толпы очень оживленно ведущего себя народа. Но, с своей стороны, и мы проведали о таковой жандармской осведомленности, почему очередные сходки стали назначаться уже и по трактирам центральных частей города. Само собою разумеется, главной притягательной силой всегда был Е. О. Заславский, тихий, отчетливый голос которого собирал у его стола чередовавшиеся тут группы рабочих, не скрывавших от него ни своих, порой даже чисто личных, радостей, ни печалей".

По сведениям жандармов, осенью и зимой 1875 года собиралось до 150 человек в „Ришельевском" трактире и „возле Рыбной улицы в трактире на 2-м этаже".

Многолюдные собрания происходили и в пригородных садах, плантациях и т. д. Жандармы указывают, что на таких собраниях бывало по 40 и больше человек. А Сквери в своих воспоминаниях рассказывает об одном общем собрании за городом, за Тираспольской заставой, где ныне расположен хлебный городок (элеваторы), на уединенной полянке, скрытой со всех сторон деревьями и кустарником, где собралось около 200 рабочих. Собрание продолжалось несколько часов. „Это была,—замечает Сквери,—самая многолюдная и в то же время последняя общая сходка."

И это было 50 лет тому назад!

Содержание и методы пропаганды.

Каково же было содержание массовой работы „Союза“? Каково было содержание его пропаганды?

Пропаганда велась, как мы уже знаем, в форме распространения литературы и в устной форме. *Своей собственной литературы, кроме „Устава“, Союз не имел* или имел очень мало. Мы о ней не знаем. Типография Заславского перепечатывала, повидимому, издания других групп и организаций. Потому ли, что Союз не имел литераторов, по особым ли соображениям Заславского, или же потому, что при всем своеобразии „Союз“ еще далеко не изжил всю путаницу идей того времени, но Союз довольствовался главным образом *чужой литературой*, привозившейся из-за границы (связи с заграницей были прочные) или перепечатывавшейся в Одессе. Известны лишь единичные случаи, когда „Союз“ от себя выпускал какие-нибудь воззвания. Это было в связи с забастовками, проведенными при участии Союза (о них ниже). Текст этих воззваний не сохранился (или пока не разыскан).

Возможно, что Заславский довольствовался чужой литературой, считая, что рабочему нужны лишь толчки для пробуждения и развития мысли, а до настоящего мировоззрения он постепенно дойдет сам. Все же несомненно, что *распространение литературы, не всегда отвечавшей задачам Союза, вносило в ряды „Союза“ некоторый разлад.* Это отчасти

сказалось и на отрыве от „Союза“ одной его части. С этим расколом мы ознакомимся дальше.

Перейдем к пропаганде *словесной, устной*. В этой области и Заславский, и другие рабочие-пропагандисты „Южно-Российского Союза Рабочих“ *могли быть больше всего самими собою.*

Чему же они учили рабочих в своих беседах и речах?

Прежде всего, что мы знаем о *методе* их пропаганды, об их подходе к рабочей массе? Вопрос о методе вызывал споры в среде активных работников Союза. Об одном таком любопытном споре, который происходил однажды за стаканом чая в квартире Заславского, передает в своих воспоминаниях Владыченко.

Разговор шел о лучших методах борьбы. Террор был всеми единогласно отвергнут. Лишь Марья Григорьевна (жена Заславского) высказала мысль, что период мирных приемов недолговечен: правительство начнет нажимать, пустит в ход нагайку, и вряд ли социалисты захотят подражать древним христианам. Она советовала заблаговременно подумать о том, как быть в этом случае, чтобы события не захватили врасплох. Присутствующие, однако, сочли нецелесообразным обсуждать меры, относящиеся к положению, которого еще нет и которое неизвестно, когда еще наступит. Ограничились принятием предложенной Сергеем Наддачиным формулы: „Профессиональному сыщику — презрение, предателю — смерть“.

Перешли к способам и приемам пропаганды. Наддачин находил, что необходимо прежде всего способствовать об'единению рабочих путем выяснения им их законных прав, т.-е. итти по пути воспитания в них чувства солидарности в самозащите или чувства сознательного права, и тщательно избегать всего, что может иметь характер подстрекательства к нападению. Отсюда—надо избегать агитации. Она в сущности не нужна, так как не подлежит сомнению, что хозяева из грубого эгоизма будут упорствовать и станут отказывать рабочим в удовлетворении их справедливых и даже самых законных просьб, а это будет действовать лучше всякой агитации извне.

Наумов, опираясь на факт, *что процесс борьбы труда с капиталом уже начался и у нас в России* (кстати, очень любопытно подчеркнуть этот весьма мало свойственный в то время народникам взгляд), находил, что вопрос о приемах пропаганды уже нельзя приурочивать лишь к непосредственным интересам рабочих, а, стало-быть, мыслимы и положения, при которых надо будет применять и искусственную агитацию,—какую—это покажет само дело.

Заславский, внимательно выслушав этот спор, указал, что, по его мнению, центр тяжести здесь не в том, что выгоднее или удобнее для наших целей, а в том, чего именно тут требует жизнь. Самым существенным в нашей практике должна быть такая деятельность, которая имела бы под

собою почву сознания, а не слепого бурного порыва.

И руководимые Заславским пропагандисты действительно старались нести в рабочую среду *знание и сознание.* Фактически это превращалось в классовое знание и классовое сознание. В этом, быть-может, еще больше, чем сознательная воля пропагандистов на перых шагах их пропаганды,—сказывался рабочий, пролетарский состав организации. Рабочая масса, по-своему воспринимая и переваривая слышанное от агитаторов и пропагандистов, могла таким образом заражать их, влиять на них и в особенности на такого чуткого и вдумчивого человека, как Заславский. Нужно учесть, что тут было возможно влияние не отдельных рабочих, а именно массы. 250 членов Союза—это была масса.

Содержание устной пропаганды „Южно-Российского Союза Рабочих" определяется первыми параграфами Устава, в которых указываются цели и задачи Союза.

Мы уже отмечали, что Устав этот не был заранее теоретически выработан,—он, как отмечает Сквери,—„перестраивался и рос вместе с видоизменениями и ростом организации, много раз пересматривался". В нем „сохранены были наслоения от тех стадий, через которые прошел Союз" в процессе практического вовлечения рабочих в его задачи и деятельность: „от ссудо-сберегательной кассы через „братскую кассу" к Союзу". Отметили мы также, что Устав был плодом общего, *коллек-*

тивного творчества. Процесс этого творчества Сквери описывает так: „Заславский или кто-либо другой подавал мысль, вносил предложение, которое затем обсуждалось по группам или на общей сходке, а затем только формулировалось в Уставе".

Сквери к этому добавляет: „У нас ходила по рукам книга Бехера „Рабочий вопрос", переведенная и изданная под редакцией Ткачева, в приложении к которой были приведены образцы рабочих уставов и программ, в том числе, кажется, был и *устав первого Интернационала*, и несомненно влияние этой книги отразилось и на нашем Уставе".

О чем же говорит Устав в своей окончательной формулировке, которая и была руководящим началом в пропагандистской работе Союза?

Читатель уже знаком с подлинным текстом Устава. Прежде всего, Устав подчеркивает, что существующий порядок не соответствует интересам рабочих. В формулировке этой мысли мы видим еще отражение идеалистической народнической терминологии (способа выражаться) того периода. Существующий порядок „не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих". Какой же путь указывает далее рабочим этот Устав? „Признания своих прав" рабочие могут достигнуть „только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основою личного и общественного благосостояния". Но этот переворот может произойти только „при пол-

ном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их об'единении".

В этих словах вы слышите уже четкое выявление мысли о рабочем классе, о его классовом самосознании, о необходимости его классовой организации для того, чтобы произвести „насильственный переворот", то есть революцию. Но позволяют ли условия и обстановка момента немедленно приступить к осуществлению этих задач? Рабочие, разрабатывающие Устав, и их учитель Заславский трезво оценивают и положение, и свои наличные силы. Сейчас поставить переворот как задачу сегодняшнего дня еще невозможно, но вместе с тем рабочий класс не может и ждать сложа руки, пока обстоятельства сами собою сложатся для него более благоприятно. Передовой авангард класса, осознавший его интересы, должен сделать все, что в его силах для того, чтобы *подготовить массы к будущей неизбежной борьбе*. Нужно собрать, сплотить распыленные силы рабочих,—вот для чего образуется „Южно-Российский Союз Рабочих", который практическими своими задачами намечает: „пропаганду идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов" и „об'единение рабочих Южно-Российского Края" „для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком". Денежные средства Союза предназначаются „в первое время для пропаганды идей освобождения рабочих, а впоследствии и для борьбы за эту идею".

Кто может быть членом Союза? „Каждый трудящийся человек, ведущий близкие сношения с рабочими, а не с привилегированными классами, и сочувствующий своими поступками основному желанию рабочих—борьбе с привилегированными классами во имя своего освобождения".

Во всех этих формулировках резко подчеркивается не только революционный, но и именно классовый подход Союза и к программным, и к организационным своим задачам и вопросам.

Прежде всего, следует отметить, что во всем Уставе Союза нет никакого упоминания о крестьянстве, между тем как другие тогдашние революционные группировки—без крестьянства ни на шаг. Можно возразить, правда, что слово „трудящийся", которое встречается в „Уставе", популярно и среди других революционных групп, при чем в это понятие включаются и крестьяне (главным образом), и рабочие. Но следует обратить внимание, что в других пунктах „Устава" понятие „трудящийся" уточняется и заменяется словом „рабочий", а в то же время о крестьянстве в „Уставе" не упоминается ни формально, ни по существу. Отсюда ясно, что „Устав", имеет в виду именно пролетариат, как класс. Отвлечение революционной мысли от крестьянства, как от основного элемента революции, от работы среди крестьянства, как основного и единственного вопроса революционной тактики—характернейшая черта „Устава". Она подчеркивает, что это устав не ор-

ганизации „для рабочих“, а действительно *рабочей* организации.

„Устав“ говорит далее о „будущей борьбе с экономическим и политическим порядком“. Не значит ли это, что самую борьбу он откладывает „до второго пришествия“? Далеко не так. Трудно считать борьбу отложенной „до второго пришествия“, если на эту борьбу уже сейчас собираются материальные средства (средства кассы союза предназначаются сначала для пропаганды идей освобождения рабочих, а затем для борьбы за эту идею). Затем уже само по себе об'единение рабочих, которое ставит себе задачей „Союз“,—есть шаг не только в пропаганде, но именно в активной борьбе, особенно если принять во внимание не только „Устав“, но и практику „Союза“ (забастовки).

Интернационал и „Южно-Российский Союз Рабочих“.

Сквери, один из участников разработки Устава, упоминает,—как сказано несколько выше,—что при составлении его участники Союза были между прочим знакомы и с уставом первого Интернационала, уже пропитанного идеями классовой борьбы. Он указывает, что с этим уставом участники Союза могли ознакомиться по книге Бехера „Рабочий вопрос“. На самом же деле были и более прямые источники ознакомления и с уставом Интернационала, и с его деятельностью.

В архиве одесского жандармского управления еще за 1872 год имеются дела „о наблюдении за

движением в порту и о лицах, имеющих прибывать с преступной целью", в которых говорится о следующих лицах: об Александре Мельницком, участнике Коммуны, прибывающем с воззванием и письмом Ц. К. Интернационала, о Яне Костецком, „агенте К. Маркса" „для образования секций Интернационала в Южных губерниях России", о какой-то „группе террористов Интернационала", о Давыдове, „члене Интернационала", Турском—нечаевце и „члене Интернационала", наконец—дело о предстоящем задержании самого Карла Маркса в случае прибытия его из-за границы в одесский порт.

Весьма возможно, что многое из этой серии дел можно отнести и к напуганной и подозрительной жандармской фантазии. Жандармская подозрительность несколько позже привела к анекдотическому задержанию за грехи Карла Маркса—безобидного английского купца Маркса, прибывшего в Одессу на пароходе (купец этот был после телеграфной переписки с Петербургом освобожден). Но несомненно, что эти „дела" отражают не только попытки Интернационала завязать связи с югом России, но и известный успех этих попыток. Идеи Интернационала сквозь жандармские кордоны просачивались в Россию, просачивались и живые участники Интернационала.

В 1872 году, к которому относятся упоминаемые нами жандармские дела, Заславский уже вел пропаганду среди одесских рабочих. Кружок на за-

воде Беллино-Фендериха, ядро позднейшей организации, уже существовал. Знакомства и связи Заславского в революционных кругах были обширны. Он поддерживал кое-какие непосредственные связи с Лондоном. Совершенно естественно и неизбежно, что к нему проникали идеи Интернационала. И вряд ли можно представить себе, чтобы кто бы то ни было другой из революционеров того времени в России был более способен правильно и глубоко воспринять идеи Интернационала. А через Заславского эти идеи переходили в рабочую массу,—и не в распыленную, а в организованную рабочую массу. Таким образом, идеи Интернационала претворялись в действие.

Один из исследователей истории Южно-Российского Союза Рабочих установил чрезвычайно важное обстоятельство. Он сличил текст Устава „Южно-Российского Союза" с Уставом первого Интернационала, и пришел к заключению, что *первые пункты Устава „Союза", в которых формулируются его цели, задачи и методы, являются бесспорно отражением устава Интернационала,* если не прямым переводом его. Этот исследователь, а также и другие, интересовавшиеся этим вопросом, считают несомненным влияние Интернационала на Устав „Союза" [1]).

---

[1]) „Этот параграф, как совершенно правильно замечает один исследователь, ясно показывает сходство „Устава" Заславского с основными положениями Интернационала: и там и здесь указывается, что существующий порядок не соответствует истинным требованиям справедливости, и там и здесь говорится о том, что

Ясно во всяком случае, что составители Устава „Союза“ либо имели в руках устав Интернационала, либо были вполне достаточно осведомлены о нем и руководились его идеями. И тут особенно ценен установленный нами другой факт, — что Устав был результатом не единоличного творчества Заславского, а коллективного творчества того сознательного авангарда рабочего класса, который пятьдесят лет тому назад сплотился под руководством Заславского в „Южно-Российский Союз Рабочих“. *Союз был, таким образом, первым проводником в широкие рабочие массы России идей Интернационала, идей классовой борьбы, идей марксизма.* И как бы примитивно, нечетко, туманно еще ни было это первое претворение, первое практическое применение, хотя бы и отраженных идей марксизма к рабочему движению в России того времени,—мимо этого факта нельзя пройти, об этом

рабочие могут установить этот строй истинной справедливости только полным об'единением рабочих, и там и здесь подчеркивается, что основа и причина всякого рабства есть гнет и существование капитала, и там и здесь говорится о том, что только насильственный переворот может уничтожить экономическое и политическое угнетение рабочих. *Влияние Интернационала, а, стало-быть, учения Маркса на Заславского и его „Устав“ несомненно*“.

„Но, быть-может, самою важною и ценною мыслью „Устава“ является указание на то, что „Союз“ организуется „для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком“.

(В. Невский. „Очерки по истории РКП (большевиков)“. Том I, стр. 162—163).

нельзя забыть. Для нас и сейчас чрезвычайно важно то обстоятельство, что первая массовая рабочая организация в России пятьдесят лет тому назад в самом зародыше своем получила и восприняла прививку марксистских идей классовой борьбы и таким образом является провозвестницей дальнейшей борьбы за классовую партию пролетариата провозвестницей социал-демократии и затем коммунистической партии.

Правда, нельзя пройти и мимо того, что *марксистская идеология не успела получить достаточного дальнейшего развития в истории „Южно-Российского Союза Рабочих“*. Об'ективные условия в России того времени были еще слишком мало благоприятны для быстрого вызревания марксизма, а самое существование „Союза“ до его разгрома жандармами было слишком кратковременно. Отсюда — неизбежные уклоны, получившие даже определенное направление в сторону от марксизма в идейном развитии тех остатков „Союза“, которые уцелели после разгрома и пытались продолжать свою деятельность уже без руководства погибавшего в застенках Заславского. И все-таки—остается фактом: первые ростки рабочего движения, первые ростки рабочей мысли в России—хотя и далеко еще не были вполне марксистскими, но во всяком случае таили в себе элементы родственные марксизму, были более близки к нему, чем к какому бы то ни было другому течению революционной мысли в те годы.

Нужно оговориться: мысль о значительной примеси зачаточного марксизма в идеологии Заславского и „Южно-Российского Союза“ *не бесспорна* и *ее разделяют не все знакомившиеся с историей „Союза“*. Некоторые склонны почти безоговорочно причислять Заславского к народникам, а „Южно-Российский Союз“—к обычным народническим организациям. Чтобы более обстоятельно разобраться в этом важном моменте, остановимся здесь еще на нескольких обстоятельствах, фактах и сопоставлениях.

Прежде всего, вот чрезвычайно любопытный факт, о котором говорит и В. Невский в своей книге „Очерки по истории „РКП“ (Том I, стр. 224). В программе группы Благоева, выработанной в 1884 г. и не утвержденной заграничной группой „Освобождения Труда“, еще господствовали взгляды, представлявшие по признанию самого Благоева „смесь научного социализма с лассальянством и, если хотите, с лавризмом“. Еще, следовательно, через 10 лет после создания Южно-Российского Союза Рабочих марксистская идеология,—а ведь группа Благоева несомненно марксистская и социал-демократическая,—не была настолько уточнена, чтобы совершенно изжить лавризм, сыгравший свою роль в подготовке этой марксистской идеологии. Совершенно понятно, что за 10 лет до Благоева влияние лавризма было сильнее, но это отнюдь не исключает несомненного наличия зачатков марксистской идеологии,—зачатков, именно

благодаря которым „Союз", руководимый Заславским, решительно отмежевывался не только от бунтарства, но и должен быть об'ективно, исторически вообще отмежеван от народничества в целом. Это, разумеется, далеко не значит, что народничество было здесь полностью изжито,—нет, его следы были, и еще довольно явственные. *Но все же именно Южно-Российский Союз Рабочих знаменовал отрыв рабочего движения от народничества, и это тем более знаменательно, что сам по себе Союз был и началом рабочего движения в России вообще.*

Значение этого факта не умаляется даже тем, что начало организации было положено народниками. Факт этот станет даже более значительным при другом вероятном предположении: что основатели организации, не отличаясь от прочих народников в то время, когда начинали свою работу среди рабочих, стали постепенно перевоспитываться по мере того, как втянутая в организацию пролетарская масса начинала влиять на своих руководителей в степени не меньшей, чем влияние самих руководителей на нее. Иначе говоря, что процесс изживания народничества зависел не от чьих-либо предвзятых теоретических воззрений, а от об'ективных условий, от внутренней логики развития идей в организующейся рабочей, пролетарской среде.

На стр. 163 „Очерков по истории РКП" В. Невский пишет: „Влияние Интернационала, а стало-быть, учения Маркса на Заславского и его Устав

несомненно. Но, быть может, самою важною и ценною мыслью „Устава“ является указание на то, что „Союз“ организуется „для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком“. Эта мысль ясно подчеркивала бесплодность и недостаточность борьбы теми средствами, которые признавались народниками, и указывала на то, что только путем создания чисто классовой организации единственно возможно то об'единение рабочих, которое „насильственным путем“ уничтожит гнет политический и экономический. В то время, как еще в 1879 году землеволец Плеханов в своей статье о рабочем движении ничего кроме агитации рабочим посоветовать не мог, здесь уже в 1874 году довольно определенно вырисовывались первые контуры классовой социалистической организации пролетариата“.

А вот что говорит непосредственный участник „Южно-Российского Союза“ М. П. Сквери в своих воспоминаниях („Первая рабочая социалистическая организация в Одессе“, стр. 13—14). Нужно оговориться, что если в воспоминаниях Сквери много интересных фактов, то в области идеологической, в обрисовке течений того времени у него много путаницы. Но все же, начав с того, что „мы были еще далеки от экономического материализма и нам была совершенно чужда и незнакома марксистская концепция об'ективной необходимости превращения капиталистического общества в социалистическое“, М. П. Сквери несколькими строками ниже

говорит уже· „Противопоставляя капитал и привилегированные классы рабочим и становясь таким образом на классовую точку зрения, наша программа говорит о пропаганде идеи освобождения рабочих, об об'единении и о „будущей борьбе", т.-е. *предвосхищает многое из того*, что было внесено впоследствии в рабочее движение русским марксизмом".

Вторая часть утверждений М. П. Сквери ценнее и вернее первой. Если Сквери пишет, что „мы были далеки от экономического материализма" и т. д., то это „мы" можно, пожалуй, отнести к самому автору воспоминаний, но отожествлять его с воззрениями и Заславского, который вообще высказывался крайне сдержанно, и всего „Союза" было бы тем более рискованно, что, повторяем, в области идеологической воспоминания М. П. Сквери в целом не всегда обнаруживают достаточную четкость и осведомленность. Это, впрочем, почти неизбежно в воспоминаниях о столь давних годах, написанных на память, без документов и т. д. В другом месте тот же автор подчеркивает ориентацию Заславского на формы западно-европейского рабочего движения.

Приведенные соображения и факты, если и не подтверждают наличия развитых и четких марксистских воззрений у деятелей „Союза", то во всяком случае указывают на то, что причислением к обычному народничеству не покрывается оценка идеологии и значения „Союза". К его народничеству требуется оговорок нисколько не меньше,

чем к зачаткам марксизма. И это совершенно естественно: ибо в смешанных, эклектических, еще только вырабатывавшихся взглядах деятелей „Союза“ были элементы и того и другого. „Союз“ отходил от народничества,—если не отошел от него совсем к концу своего существования,—и начинал становиться,—если еще не на путь марксизма, то *хотя бы только на путь к марксизму*. Это в значительной степени определялось пролетарским составом организации и ее массовым характером. Пятьдесят лет назад даже эти первые, нетвердые, быть-может, попытки стать на путь к марксизму—были большим шагом вперед.

V. „Ю. Р. С. Р.“ — провозвестник профессиональных союзов.

„Южно-Российский Союз Рабочих“ является не только первой по времени классовой социалистической организацией рабочих вообще, *но и первой организацией, в которой мы видим и некоторые зачатки профессионального движения.* Он—предтеча и провозвестник профессионального движения.

Разумеется, нельзя считать „Южно-Российский Союз“ союзом профессиональным в полном смысле этого слова. Но отдельные, и существенные, элементы деятельности профессиональной организации в нем обнаруживаются достаточно ясно для того, чтобы историю этого „Союза“ поставить в связь с историей профессионального движения, и больше—для того, чтобы считать его первой оформленной попыткой не только политической, но и профессиональной организации рабочих в России.

Вообще говоря, связь между политическим и профессиональным движением и взаимодействие между ними — основная и неизменная черта для всех ступеней развития движения рабочих. Классовая партия и профессиональный союз—всегда ближайшие союзники, борющиеся с врагом

пролетариата в тесном друг с другом единении. Но в настоящее время, при этой идейной общности устремления и действия, мы имеем организационную раздельность партии и профсоюзов. Политическое и профессиональное движения пролетариата имеют каждое отдельную для себя организацию, и каждая из этих организаций,—партия и профсоюз,—имеют свои особые организационные формы, именно к их задачам приспособленные.

На первых же порах рабочего движения нет и не может быть такого ясного организационного разграничения между политической партийной организацией и организацией профессиональной, экономической. Не только в 90-х годах, но даже и в годы, непосредственно предшествующие революции 1905 года, очень нелегко порою различить, где организационно кончается партийная организация и начинается профессиональная и наоборот. Тем более естественно и неизбежно организационное сплетение социально-политического элемента и элемента профессионального в еще более ранних организациях и особенно в самой ранней организации, охватившей массу рабочих,—в „Южно-Российском Союзе".

Учитывая условия эпохи, обстановку развития движения пятьдесят лет тому назад, никоим образом нельзя ожидать от рабочей организации того времени, впервые нащупывающей свои пути, строгого организационного разграничения начал проф-

союзных и начал политической борьбы. Тогда еще и самые понятия о борьбе политической и об организации профессиональной не были достаточно установлены и оформлены. Мысль рабочего и его руководителей только начинала разбираться в окружающем.

И при всем том, именно в „Южно-Российском Союзе Рабочих", на ряду с определенно поставленными вопросами о классе и его задаче опрокинуть существующий политический и экономический строй, путем предстоящей ему в будущем экономической и политической борьбы, обнаруживаются совершенно определенные составные части профессиональной организации и профессионального движения.

Уже в первой ячейке будущей большой организации, в той ячейке, участникам которой довелось пройти наиболее основательную, глубокую и длительную учебу теоретическую и практическую под непосредственным руководством Заславского, то-есть в кружке рабочих завода Беллино-Фендериха, Заславский с 1872 года читал рабочим лекции, охватывающие обширный круг естественно-научных и общественно-политических знаний. *Уже там он говорил рабочим об истории рабочего движения на Западе: об Интернационале, о профессиональном движении.*

Но дело не ограничилось только разговорами. Заславский на практическом опыте учил рабочих искусству организации вообще, начиная с орга-

низации вокруг близких им и понятных задач повседневной жизни. Иногда под непосредственным руководством Заславского, иногда самостоятельно применяя к жизни воспринятые на его лекциях указания и мысли, рабочие начинают с организации своих сил вокруг библиотеки, вокруг кооперативных начинаний (баня), вокруг взаимопомощи (ссудо-сберегательная касса). Этими начинаниями рабочие пытаются обслужить свои культурные и бытовые потребности, повысить уровень своего быта, улучшить свое экономическое положение. Но это ведь и есть *именно то, с чего начинает свою деятельность профессиональная организация*, с чего только и может она начать в условиях капитализма, только еще начинающего выбиваться из полуфеодальной скорлупы. На этом обслуживании повседневных потребностей рабочий учится организоваться, сплачивать свои силы, обобщать окружающие его явления, доискиваться истинных причин своего тяжелого положения и устремлять свою мысль и свои усилия на борьбу с этими причинами, на борьбу с капитализмом.

Эти первоначальные ячейки были для рабочих того времени практическими школами подготовки к будущей борьбе, в такой же мере, как в настоящее время профсоюзы являются наилучшей массовой школой коммунизма, подготовляя рабочих к коммунистическому строительству; в такой же степени, как до завоевании власти пролетариатом в эпоху напряженной борьбы рабочего класса,

профсоюзы вовлекали самые широкие рабочие массы в общее русло революционной борьбы. Эту же самую роль, только, разумеется, в гораздо меньшем масштабе, играли и организованные рабочими 50 лет назад библиотеки, баня, ссудо-сберегательные кассы в отношении вовлечения рабочих в широкое революционное классовое движение. И мы видим, как эти первоначальные ячейки хорошо выполняют свои воспитательно-классовые задачи: от библиотеки и убыточной бани, через ссудо-сберегательную кассу рабочие приходят к кассе „братской", наконец, к кассе, средства которой предназначены для надобностей подготовки к будущей классовой борьбе и затем для самой этой борьбы. И следующий этап—„Южно-Российский Союз Рабочих".

Но это не все. Элементы профессиональной организации гораздо ярче выступают в „Союзе", когда мы знакомимся с ним в его наиболее развернутой форме. Как мы выяснили раньше, можно считать установленным существование в Одессе не менее 10 отдельных кружков и ячеек, входивших в состав „Союза", и насчитывавших каждая от 15 до 25, а некоторые и больше, активных постоянных членов. Каковы же были эти ячейки? Каков был состав каждой из них? Был ли он неопределенным и случайным? Нисколько. Состав каждой ячейки был строго определен, и притом *определялся именно профессионально-производственным признаком.* Рабочие в этих ячейках об'единялись,

организовались по предприятиям, по производствам, по профессиям [1]).

Вспомним: ячейки заводов Беллино-Фендериха и Гулье-Бланшарда — это ячейки *металлистов*, далее — ячейки *железнодорожных* мастерских, затем „городская", которая являлась ячейкой *типографских* рабочих, „золотая", в которую входили *золото-серебренники* и несколько интеллигентов. Смешанный состав этой ячейки сложился до того, как она целиком вошла в „Союз", и для подхода самого Союза к сущности организации характерно то, что внутри Союза эта ячейка получила наименование „золотой", по преобладающему профессиональному составу ее членов. Дальше, *мраморщицкая* ячейка, то-есть опять ячейка по профессиональному признаку (*рабочие-мраморщики*), и в нее входят добавочно не случайно присоединенные люди, а, как определяет вспоминающий о Союзе участник, *щеточники и красильщики.* Профессиональный признак принадлежности к той или иной ячейке выдвигается на первый план в воспоминаниях участников.

---

[1]) *От редакции.* Это положение автора вряд ли может быть принято. Состав отдельных кружков определялся не профессионально-производственным *принципом*, а соображениями большей связанности членов кружка между собой. Там, где наиболее тесной являлась связь по предприятию—об'единялись по признаку работы в данном предприятии (заводские группы), там где это было нужно—об'единение в кружок было основано на факте проживания его членов в данном районе.

Только еще три из десяти ячеек отмечаются в своих наименованиях, как мы знаем о них по воспоминаниям, не профессиональным, а территориальным признаком того района города, где они находились: Слободская (Слободка-Романовка), Молдаванская (в предместьи Молдаванке), Пересыпская. В тех материалах, которыми мы располагаем, мы не встречаем сведений о составе каждой из этих ячеек. Но это не дает оснований даже эти ячейки считать профессионально-неоформленными. Территориальное (применительно к району города) наименование не всегда решает вопрос. Мы знаем, например, что одна из ячеек называлась „городской" группой, а на самом деле была организацией типографских рабочих. Таким образом можно полагать, что и Слободская, Молдаванская и Пересыпская группы были построены по такому же профессионально-производственному признаку, как и все остальные известные нам группы.

Но не только в организационном строении Союза обнаруживаются признаки и зачатки профессионального движения. Они обнаруживаются и в настроении входивших в Союз рабочих, в отношении их к своей организации и в самой деятельности Союза.

В своих воспоминаниях Сквери, отмечая, что внутри Союза „*обособлялись профессиональные ячейки*", говорит, что входившие в них рабочие „по развитию и настроению мало чем отличались

от участников профессиональных союзов последующего времени. Та же относительная умеренность и сдержанность, склонность придавать большее значение формам и правилам внутреннего распорядка и материальной стороне дела, чем теоретическим и программным вопросам". „Пожилые рабочие, как Лущенко, Наумов и другие, сдавленные нуждой, семейные, не видевшие выхода и просвета из своего положения, были более сознательны и стойки. Они трогательно верили в Союз, но в то же время были умеренны в своих требованиях и осторожны".

И дальше у того же Сквери: Если бы откинуть внешние условия, приведшие к полицейскому провалу Союза и „предположить возможность его независимого и спокойного развития, то, судя по составу рабочих и по умеренной и осторожной тактике Е. О. Заславского, всегда старавшегося итти в уровень со средой, *Союз вероятно постепенно пришел бы к целям и задачам профессиональных союзов.* Союз рос и видоизменялся с сознанием рабочей массы". И чрезвычайно важное указание: „Мы не открывали Америки, *ибо имели перед собою пример в формах рабочего движения Западной Европы*".

В другом месте Сквери высказывает предположение относительно взглядов Заславского: „Изверившись в целесообразности использованных до сих пор методов пропаганды, не пытался ли он уже тогда противопоставить этим испытанным и не удовлетворившим его приемам *планомерную*

тактику западно-европейского рабочего движения? Это предположение совершенно естественно напрашивается, если принять во внимание, что он был серьезно углублен в изучение общественно-экономических вопросов и знал хорошо положение рабочего дела на Западе. В нас он имел благоприятную почву для эксперимента (опыта). Быть-может, мы же натолкнули его на эту мысль". „Наконец, если обратить внимание на конструкцию Союза, на *строгое проведение выборного начала,* на еженедельные совещания выборных, то естественно возникает вопрос, не стремился ли он (Заславский) уже тогда осуществлять принцип, ставший впоследствии законом для рабочего класса: освобождение рабочих есть дело самих рабочих?"

Для того, чтобы более точно и полно разобраться в характере Союза и его деятельности, было бы чрезвычайно важно иметь сведения о внутренней работе совещаний выборных Союза. К сожалению, об этом мы знаем мало, очень мало. Авторы воспоминаний, которыми мы пользуемся для того, чтобы восстановить картину жизни Союза, не были выборными делегатами и на этих организационных совещаниях бывали лишь изредка.

Все же и другие отдельные моменты из жизни Союза подтверждают высказанные здесь соображения. В частности, их подтверждают и те сведения, какие имеются о забастовках, проводившихся при участии Союза и его ячеек. Правда, и эти сведения скудны.

О забастовке на заводе Гульe-Бланшард рассказывает некоторые подробности Сквери, который на этом заводе работал конторщиком. „Завод имел большие срочные заказы, почему была введена сверхурочная 2-часовая работа, то-есть день удлинен на два часа, при чем администрация не только не уплатила за эти два часа по полуторной расценке, а просто ничего не уплатила, превратив день из 10-часового в 12-часовой. К нашему удивлению, рабочие не заявили неудовольствия и спокойно после получки разошлись по домам. Наша группа решила действовать. Мы составили воззвание, указывали на неправильный расчет, призывали к протесту и предлагали присоединиться к об'единяющему рабочих для борьбы Союзу. Воззвание напечатал Заславский в своей типографии, и мы в понедельник разбросали его по мастерским. Для рабочих это было чем-то диковинным, они с удивлением подбирали и рассматривали прокламации. Грамотеев было немного, и вокруг них собирались группы и на глазах мастеров слушали чтение. Скоро прокламации были отобраны и уничтожены. Понедельник прошел спокойно, но во вторник началось брожение и в 6 часов без звонка часть рабочих бросила работу и направилась к выходу. Переговоры с администрацией привели к соглашению, за сверхурочные часы было уплачено, хотя и не по полуторной расценке".

Таким образом, мы видим здесь, как Союз до-

бивается улучшения положения рабочих и вместе с тем на повседневных столкновениях учит борьбе не только своих членов, но и широкую рабочую массу, вызывая ее на протест, приучая отстаивать свои права и интересы, организуя забастовки и призывая массы в свои организованные ряды. *Он делал то, что делают профсоюзы.*

Эта забастовка на заводе Гулье-Бланшард, по-видимому, не единственная, проведенная Союзом.

В архиве жандармского управления за 1875 г. имеется дело „*о разброске прокламаций на заводе Фендериха*". В донесении от 23 января жандармский унтер-офицер Малицкий пишет: „Полиция прибыла на фабрику раньше рабочих для того, чтобы рабочие не вздумали бунтоваться против членов конторы (что случилось в субботу 11 января, где и произошло маленькое недоразумение, о чем я докладывал вашему высокоблагородию на словах 12 января). Кто же именно подбросил прокламации, я дознать не мог".

Это донесение свидетельствует о длительном брожении на заводе Беллино-Фендериха, о котором, к сожалению, более подробно мы не знаем. Но можно не сомневаться в том, что движение это не прошло мимо „Союза" и мимо того кружка рабочих-фендериховцев, который был дольше всех других связан с Заславским. Кружок был многолюдный и пользовался на заводе большим влиянием. Нужно думать, что и разбросанные на заводе прокламации исходили от „Союза" и касались

того именно „маленького недоразумения“, которое имело место за две недели до того и еще не улеглось.

Очень любопытно проанализировать путь, каким организация проводит забастовку. Мы это видим на примере забастовки у Гулье-Бланшард. Заводская группа, зародыш профорганизации, учитывает реальную обстановку на заводе, вырабатывает воззвание. Организационный центр всего Союза, то-есть зародыш межсоюзного об'единения, одобряет намеченные заводской группой шаги, помогает им, печатает воззвание, иначе говоря, санкционирует забастовку. *Путь совершенно нормальный для любой профессиональной организации* не только 50 лет тому назад, но и в наше время.

Итак, мы убеждаемся в том, что ячейки Союза формировались по профессионально-производственному признаку, а Союз в целом об'единял их общей идеей и общей организационной верхушкой. Каждая из отдельных ячеек, которые мы теперь называли бы низовыми ячейками, является *зачатком, зародышем будущих профорганизаций—металлистов, железнодорожников, печатников, строителей* (мраморщики) и т. д.

Ненормальные внешние условия существования рабочей организации в тогдашней России не дали этим зачаткам развиться, не дали и самому „Союзу“ развиться в межсоюзное об'единение, каким он был в зародыше. Но все-таки самая тенденция развития организации определилась даже и в этих

зачаточных и скомканных затем уродливыми условиями формах.

Имеющиеся у нас материалы пока недостаточны для более подробной и обстоятельной разработки вопроса. В деталях вопрос должен еще быть изучен по мере того, как будут разрабатываться исторические материалы, относящиеся к Южно-Российскому Союзу Рабочих. Но и то немногое, что мы уже хорошо знаем, дает полное основание считать этот Союз не только первой классовой рабочей социалистической организацией в России, не только идеологическим и организационным предшественником „Северно-Русского Рабочего Союза". Нет, „Южно-Российский Союз"— это также и первый определенно выраженный зародыш профессиональной организации, профессионального движения в России.

Предтечей профдвижения, или его провозвестником, и больше—провозвестником социал-демократии в России *является «Южно-Российский Союз Рабочих»*.

VI. Кризис „Союза".

Интеллигенция и „Ю.Р.С.Р."

Мы не уяснили бы себе характера „Южно-Российского Союза Рабочих", если бы не остановились на вопросе об *участии и о роли интеллигенции в этой организации.* Организация в целом была чисто рабочей,—это бесспорно. Была ли к ней прикосновенна интеллигенция?

Существует мнение, будто интеллигенции в „Союзе" совершенно не было. Так по крайней мере утверждает в своих воспоминаниях Сквери, заявляющий, что во всей организации не было совсем интеллигентов, кроме Заславского и отчасти самого автора воспоминаний, Сквери, который тоже отчасти принадлежал к интеллигенции (учился в реальном училище, не окончил его и затем служил конторщиком на заводе). Однако, это утверждение верно лишь в том отношении, что среди судившихся по процессу о „Союзе" интеллигентов, кроме Заславского и Сквери, действительно не было. Что же касается „Союза" в целом, то заявление Сквери не совсем верно, и его ошибку можно приписать, с одной стороны, тому, что условия конспирации и подполья вызывали не-

осведомленность каждого отдельного участника „Союза" обо всей организации в целом, а с другой, и тому, что нельзя требовать полной точности от воспоминаний, которые пишутся через полвека, без документов, на основании одной только памяти. Во всяких такого рода воспоминаниях встречаются неточности и несогласованности, которые удается устранить только путем сопоставления воспоминаний различных лиц об одном и том же событии или периоде и путем сравнения воспоминаний с уцелевшими документами. И вот, такое исследование заставляет внести ряд поправок в утверждение Сквери.

Сам Сквери пишет между прочим следующее: „Заславский имел большие связи и знакомства в революционных и интеллигентских кругах, но он ревниво не допускал их к своему Союзу и проявлял в этом отношении энергию и настойчивость, совершенно, казалось, несвойственные его характеру. Если кто-либо из интеллигентов случайно попадал к нам на сходку, он начинал волноваться, утрачивал свое обычное спокойствие, и сходка каким-то непонятным и неожиданным образом наполнялась шумным и горячим спором. Он обвинял интеллигентную молодежь в ребяческой склонности к ненужной конспирации и таинственности".

— „Они своими переряживаниями только обращают на себя внимание,—говорил он возмущенно.— Снуют без надобности с квартиры на квартиру,

с явки на явку, и всегда не просто, а с предосторожностями, с оглядкой, переряживаясь несколько раз в день, и тем только выдают себя и других".

И тем не менее, известное участие интеллигенты все-таки принимали в Союзе. Прежде всего, широкие знакомства в кругу революционной интеллигенции, которую Заславский, как правило, не допускал внутрь Союза, но использовал как подсобную силу для обслуживания технических нужд Союза. О значительности „связей в обществе", имевшихся благодаря обаянию личности Заславского, говорит в своих воспоминаниях и другой участник Союза, П. Владыченко. Например, самая важная корреспонденция Союза направлялась,— рассказывает Владыченко,—и получалась через посредство видного лица судебного ведомства.

Затем, мы уже знаем, что одним из звеньев „Союза" был так-называемый „золотой кружок", в который входили на ряду с рабочими-золотосеребренниками также и интеллигенты: сельский учитель Терентьев-Рогов, домашний учитель Александр Тефтул, гимназист Петр Владыченко.

Дальше: в числе арестованных и привлекавшихся по делу о „Союзе" был студент Федор Щербина (впоследствии известный статистик Ф.А. Щербина). С ним, правда, разделались не по суду, а административно, и роль его в Союзе была главным образом служебная, техническая, но все же он участвовал и в пропагандистской деятельности Союза.

Наконец, близким участником дел Союза был известный впоследствии революционер, бывший семинарист, а в тот момент студент университета в Одессе Григорий Анфимович Попко. В своих воспоминаниях о Попко („Былое", 1907 г. № 5) Стеблин-Каменский рассказывает, что Попко приехал в Одессу в 1874 г., сблизился с Заславским и был его деятельным помощником. „Он читал лекции рабочим и учил их грамоте, устраивал кассы и библиотеки, организовал доставку книг (нелегальных) из-за границы, для чего ездил в Кишинев и на границу". Но работа Попко была обставлена так осмотрительно и осторожно, что он остался неизвестным шпионам, предателям и жандармам и не только избежал ареста при общем разгроме „Союза", но даже сохранил легальность и был затем активным участником попытки возродить „Союз".

Таким образом, *некоторое участие в этом первом чисто рабочем „Союзе" интеллигенция все же принимала, но никакой руководящей роли она в Союзе не играла, ее роль была служебная, вспомогательная или техническая.* В недра организации Заславский старался интеллигенцию не допускать и если допускал, то с очень большим разбором. Он старался обеспечить рабочим возможность самостоятельного развития, без влияния тогдашней интеллигенции. Таким образом, утверждение Сквери в общем смысле правильно, но не вполне точно фактически и нуждается в указанных выше поправках.

Был ли Заславский прав в своем отношении к интеллигенции, или же он ошибся? В дальнейшем мы убедимся в том, что он был прав. Именно интеллигенция,—и даже в значительной части те интеллигенты, которых Заславский после отбора и фильтровки допускал в организацию,—оказались меньше всего способны воспринять ту идеологию, сторонником которой был Заславский. Именно интелигенция упорно цеплялась за романтизм и туго изживала народничество.

Читатель воспоминаний и Сквери и Владыченко легко убедится в том, как туго оба они в период деятельности Союза и даже впоследствии изживали свою народническую идеологию, а ведь это были наиболее близкие рабочим интеллигенты. Неудивительно, что когда в „Союзе" произошел раскол, и меньшинство ушло к бунтарям,—в числе первых ушедших был интеллигент Терентьев (Владыченко же и Сквери остались с Заславским и большинством Союза). Еще ярче это сказалось позже, после разгрома Союза, когда Попко, Владыченко и другие пытались из остатков восстановить новую организацию „Союза". В ней, без Заславского, участие интеллигенции было уже значительнее и более решающим,—и новый „Союз" сначала через Попко связался с петербургскими пропагандистами-лавристами (чего сам Заславский прежде, очевидно, избегал), а затем подпал под влияние землевольцев и народовольцев. Что касается самого Попко, то он

очень быстро перешел к террористической деятельности и стал одним из первых застрельщиков терроризма в России (он убил барона Гейкинга в Киеве и участвовал в других террористических актах).

Таким образом опасливое отношение Заславского к интеллигенции оправдалось вполне, и это лишний раз подчеркивает трезвость его оценок. Именно усилившееся влияния интеллигенции,—разумеется в связи с другими не менее серьезными обстоятельствами,—было одним из условий, благодаря которым развитие рабочего движения и классового самосознания рабочих на время уклонились,—и довольно резко,—от того нормального пути, который, повидимому, представлял себе и к которому стремился Заславский. Уклонились,—с тем, чтобы через несколько лет снова приблизиться к правильной линии („Северно-Русский Рабочий Союз“) и опять отклониться до тех пор, пока не окрепли зачатки оформившейся социал-демократии.

Мы, впрочем, сильно забежали вперед. Возвратимся к „Южно-Российскому Союзу“ и к влиянию интеллигенции, в частности к влиянию на его развитие столкновений Заславского с интеллигенцией. Этого рода столкновения и трения сыграли значительную роль в жизни Союза и в том расколе, о котором мы только что бегло упомянули. На этом расколе нужно остановиться подробнее.

Раскол в „Союзе".

И Сквери и Владыченко в своих воспоминаниях единодушно отмечают, что постепенно наметился *разлад между той литературой, какую распространял „Союз", и его собственной идеологией.* Мы уже знаем, что собственной литературы, развивающей его точку зрения, „Союз" не имел (если не считать „Устава" и, повидимому, нескольких прокламаций к рабочим отдельных предприятий по конкретным поводам из повседневной жизни этих предприятий). Он распространял революционную литературу других организаций, в которых преобладающее влияние имела интеллигенция со всеми свойственными ей чертами и уклонами. Свою собственную физиономию, столь отличную от других организаций того времени, „Союз" мог выявлять только в своей устной агитации и пропаганде. Но совершенно естественно, что и в эту устную пропаганду внесен был известный разброд благодаря расхождению между учением Заславского и той чуждой литературой, которую распространял „Союз". И этот разброд не мог не отразиться даже на наиболее выдающихся участниках „Союза".

„С одной стороны,—рассказывает Сквери,—был Союз с его чисто рабочей программой, по самому своему существу стремившейся к устойчивому об'единению и организации массы, а с другой—агитационная литература, задача которой была в пробуждении народного сознания и воли

постольку, поскольку это было нужно для немедленного революционного под'ема этих масс. Естественно, что в недрах Союза началось брожение и нашлись рабочие, которые во главе с Рыбицким и Кравченко, не могли примириться с недопущением в Союз людей, несших с собою идеи этой литературы и протестовавших против умеренной и осторожной тактики Е. О. Заславского".

„Быть-может,—продолжает Сквери,—разногласие было еще глубже. Изверившись в целесообразности использованных до сих пор методов пропаганды, сомневаясь быть-может даже в полезности углубленной просветительной работы, рекомендованной П. Л. Лавровым,—не пытался ли Заславский уже тогда противопоставить этим испытанным и не удовлетворившим его приемам *планомерную тактику западно-европейского рабочего движения?* Это предположение совершенно естественно напрашивается, если принять во внимание, что он был серьезно углублен в изучение общественно-экономических вопросов и знал хорошо положение рабочего дела на Западе. В нас он имел благоприятную почву для эксперимента. *Быть-может мы же натолкнули его на эту мысль,*—не-даром же так усердно штудировали книжку Бехера. Наконец, если обратить внимание на конструкцию Союза, на строгое проведение выборного начала, на еженедельные совещания выборных, на которых Е. О. Заславский старался не выходить из роли советчика и осведомленного лица, легко и

охотно отступавшего от своих мнений в случаях разногласий с рабочими, то естественно возникает вопрос: не стремился ли он уже тогда осуществить принцип, ставший в последующее и в настоящее время законом для рабочего класса: *освобождение рабочих есть дело самих рабочих?* К этому положению ведь вел его весь ход дела от ссудосберегательной кассы до Союза".

Нам кажется, что эти соображения Сквери вполне отвечают тому, что имело место на самом деле. Тонкое пролетарское чутье выработалось в Заславском, вернее всего, под влиянием общения с массовой рабочей средой. Оно и указывало ему верный путь подготовки к будущей борьбе за свержение классового гнета всех привилегированных классов, во имя интересов рабочего класса, во имя диктатуры труда. Это же чутье и трезвый учет сил подсказывали ему *гибельность той немедленной растраты неподготовленных сил рабочего класса,* к которой звала тогдашняя революционная интеллигентская молодежь, в частности бунтари, для которых все вопросы отнюдь не решались в конечном счете в свете исторических задач пролетариата,—у них, наоборот, решающим моментом была оглядка на идеализированную ими деревню.

Но не все участники „Союза",—даже чисто рабочие люди по своему классовому происхождению,—оказались столь же прозорливы, как Заславский. Так, например, не только Рыбицкий,

отличавшийся вообще экспансивностью, способностью к вспышкам увлечения, но и повидимому гораздо более уравновешенный Кравченко стали „горячими и страстными сторонниками присоединения к Союзу революционной интеллигентной молодежи. Они решительно агитировали в пользу ее и даже приглашали их в свои кружки в железнодорожных мастерских". „Разногласия все усиливались и настойчивость с обеих сторон переходила в озлобление". „Рыбицкий и Кравченко не посещали сходок, на которых присутствовал Заславский".

Об этом же моменте в жизни Союза рассказывает Владыченко: „Зародившись в политических центрах, бунтарство не замедлило докатиться до Одессы, где нашло уже подготовленную почву в лице таких ершей-ежовичей, как Миша Терентьев и прочие тогдашние активисты". И вот, когда один из бунтарей, прибыв в Одессу, явился к Заславскому с просьбой познакомить его с рабочими,—„добрый, кроткий, мухи во всю свою жизнь не обидевший, Евгений Осипович стал неузнаваем". Он своим резким приемом буквально выставил за дверь незваного гостя. „Когда присутствовавший при этой сцене Игнат Ивичевич спросил Евгения Осиповича, почему он считает „бунтарей" аристократами (так между прочим называл Заславский посетившего его бунтаря),—он ответил, что, по глубокому его убеждению, бунтарство есть авантюризм, вызванный любовью к

сильным ощущениям, свойственною пресыщенным. Наконец, только аристократам к лицу так откровенно пренебрегать народным спокойствием, как делают „эти мародеры“.

И вот „бунтари“, не получив возможности действовать на рабочих при посредстве Заславского, стали бороться против него и вести против него самую яростную кампанию. В борьбе против его влияния, они прислали в Одессу „самых фанатических своих последователей и лучших пропагандистов. На канатном заводе Новикова, на заводе Бланшарда, в мастерских железной дороги, на заводах Фалька, Фендериха, в мастерских Русского Общества Пароходства,—всюду повели они самую отчаянную пропаганду“.

Эта кампания осложнилась и личными нападками против Заславского, которые только усилили разлад в Союзе. Заславский никогда не проявлял каких-либо властных поползновений, но он по своему кругозору, опыту, авторитету был настолько выше своих товарищей, что даже самые крупные из участников Союза чувствовали над собою его естественный авторитет. И в период внутренней идейной борьбы этот авторитет мог некоторым показаться подавляющим, давящим. Отсюда—толки о засилье, о „генеральстве“, которые, несомненно, еще раздувались выступавшими против Заславского бунтарями. Наконец, дошло до формальных обвинений в генеральстве и самовластии. Заславский поднял перчатку и потребо-

вал суда над собою. Для суда созвана была общая сходка Союза. Это была та самая многолюдная и вместе с тем последняя общая сходка 200 рабочих за Тираспольской заставой, о которой со слов Сквери уже упомянуто на тех страницах нашей книги, где мы говорили о методах массовой работы Союза. Вот как описывает дальше Сквери эту общую сходку для „суда".

„Был солнечный день в конце сентября или начале октября. Все рабочие принимали живейшее участие в споре Заславского с его оппонентами. Они то расходились по группам и обменивались мнениями между собою, то снова толпились около центра. Заславский в течение двух часов, стоя в толпе, обливаясь потом, задыхаясь от возбуждения и усталости, последовательно и настойчиво опровергал обвинения. *Рабочие были почти все на его стороне.* Сходка кончилась триумфом Е. О. Заславского и превратилась почти в демонстрацию. Чтоб не привлекать внимания полиции, решено было расходиться небольшими группами в разные стороны, но рабочие не могли оставить своего любимого учителя и сопровождали его большой толпой. Заславский, казалось, забыл свою осторожность. Толпа прошла по одной из главных улиц предместья (Дальницкая), затягивая песни, и заполнила встретившийся по пути чайный трактир, где рабочие долго сидели за чаем в дружной беседе, переходя от одного столика к другому и толпясь там, где сидел Заславский.

Часто потом они с особенным удовольствием вспоминали эту „демонстрацию“.

Таким образом, идейно Заславский победил. Идейно,—ибо разумеется суть споров была не в личных обвинениях и недоразумениях, а в принципиальных разногласиях [1]). Все же эта победа не предотвратила раскола в Союзе. По словам Сквери, хотя почти все рабочие были на стороне Заславского, но все-таки *Рыбицкий и Кравченко кончили тем, что вышли из Союза.* Владыченко же вспоминает, что „некоторая, по началу, правда, незначительная часть отпала от Союза, ушла из под руководства Заславского. *Откололось всего человек 50,* среди них, как следовало ожидать, Миша Терентьев. Количественно такую потерю, при свыше 200 оставшихся, очевидно, не так уже трудно было возместить, но для многих из нас уже было ясно, что качественный ущерб неиз-

---

[1]) До чего все же доходили и личные нападки в пылу этой борьбы и как они преломлялись в понимании некоторых неосведомленных о сути спора лиц, видно, напр., из показания одного бывшего рабочего завода Фендериха, Семена Деревягина, которое было снято с него киевскими жандармами уже в 1876 г. и сообщено в Одессу. Деревягин показывал: „На сходках решались разные споры. На одной из них был спор между Кравченко и Заславским. Первый обвинял второго в злоупотреблениях общественными деньгами. Щербинин завел кассу, жена же Заславского, будучи кассиршей, по совету мужа брала из кассы по 30 руб. в месяц в виде жалованья, без согласия других членов кружка.“

Но всей видимости, Деревягин „слышал звон“, не уловив настоящей сути споров.

меримо значительнее: трещина прошла через самую душу Союза".

„Передавали, — продолжает Владыченко, — что Заславский невероятно страдал от всего этого, что он все чаще и чаще стал поговаривать о возможном разгроме кружка. И, действительно, вскоре после наезда бунтарей, стали учащаться случаи выхода из кружка. А затем пошли и глухие зловещие слухи о будто бы уже поступивших к жандармам доносах. Пока с этой стороны еще все было тихо, ни одного ареста произведено не было. Но многие, особенно из среды недавно обращенных, уже опасливо озирались по сторонам и подозрительно поглядывали друг на дружку".

Так стали наноситься Союзу удары и извнутри и извне. По мере роста Союза и расширения его, он все меньше мог удерживаться в рамках конспирации. Из тайного—он становился все более явным для жандармов. Жандармы стали расставлять свои сети и готовиться к решительному нападению на Союз.

VII. Первый разгром.

Разгром „Союза“ жандармами.

Вот как шла охота жандармов на „Южно-Российский Союз Рабочих“.

Отдельные сведения о „Союзе“ отрывочно поступали к жандармам, — сообщения филеров и шпиков о сходках в трактирах и т. д. Но только к концу 1875 года получили они возможность захватить „Союз“,—хотя, как мы уже знаем, типография Заславского давно была у них на подозрении, а некоторые из участников „Союза“ были у них даже под надзором.

Первым, донесшим жандармам конкретно о „Союзе“, был мастеровой на станции железной дороги „Куликово“ Павел Толстоносов. Он донес жандармскому управлению, что несколько раз в трактирах различные „молодые люди“ рассказывали ему о существовании революционного общества и предлагали вступить в него. Жандармы попытались при помощи Толстоносова поймать „Союз“ в засаду. Согласно инструкциям жандармов, Толстоносов ближе познакомился с членами железнодорожной группы и выразил им желание получить возможно больше листков для распро-

странения их по линии среди железнодорожников. Передача книг должна была состояться на станции. Но поведение Толстоносова вызвало подозрение, и раньше, чем передать ему литературу, за ним проследили. Оказалось, что Толстоносова сопровождают два человека, которые, между прочим, подходили к дежурному по станции жандарму. Дальнейшее наблюдение убедило в предательстве Толстоносова. Все же ему удалось выманить от одного из членов железнодорожной группы, Силенко, довольно много литературы и представить ее жандармам.

История с Толстоносовым случилась в конце ноября. Жандармы стали усиленно искать дальнейших следов и улик. Но заодно и „Союз", изобличивший предательство Толстоносова, уже знал об угрожавшей опасности и принимал меры. „Мы,— рассказывает Сквери,—притаились, почистили свои квартиры от всего компрометирующего, сходки совсем почти прекратили и ограничились только индивидуальными встречами. Этим об'ясняется, что почти ни у кого из нас при обысках не было найдено каких-либо уличающих материалов, не была обнаружена ни одна сходка".

На одной из немногих сходок, состоявшихся после того, как обнаружилась опасность, обсуждался между прочим вопрос о расправе с предателем Толстоносовым. В принципе решено было как можно скорее убить его, но в тот момент казнь предателя не удалось организовать, а впо-

следствии он ускользнул. (Другой, позже обнаружившийся предатель, Тавлеев, был в сентябре 1876 г. убит в саду во время гулянья двенадцатью ударами кинжала. Убивший или убившие его скрылись и не были обнаружены [1]).

Для того, чтобы приготовиться к нападению жандармов, времени у Союза оказалось достаточно. Как выясняется теперь по данным жандармских архивов, дело о „Союзе", официально было начато жандармским управлением недели через полторы после первого заявления Толстоносова,— именно, 10 декабря 1875 года. На другой же день жандармы сносятся по этому делу с Петербургом. Но только *18 декабря они приступают к арестам.* Однако, к этому времени у них далеко еще нет в руках всех нитей „Союза", и в дальнейшем они аресты производят постепенно.

Пред нами краткая сводка по всему делу, которая, по окончании всех арестов, была послана жандармским управлением в так-называемое „Третье Отделение" (царской канцелярии) в Петербург. В этой сводке указано: когда кто арестован, в чем обвиняется и какие приняты против него меры „пресечения". По этим данным можно восстановить картину работы жандармов.

Первыми были арестованы 18 декабря Силенко,— слесарь жел.-дор. мастерских, от которого предатель Толстоносов получил книги,—и Кравченко.

---

[1]) Однако, по подозрению привлекались к этому делу бывшие участники „Союза"—Щокин и Щербина.

Затем 19 декабря арестованы Мрачковский и Рывицкий. Относительно Петра Силенко жандармы указывают, что он был депутатом от кружка железнодорожных мастерских и угрожал некоему Курганскому убить его в случае разглашения им сведений о „Союзе". Этот Курганский, Михаил, также упоминается затем в числе арестованных железнодорожников. Он „дал откровенные показания" и освобожден на поруки под залог в 300 рублей. Когда именно был арестован Курганский,—которого Силенко грозил убить, не без оснований опасаясь его неустойчивости,—жандармская сводка по каким-то соображениям не указывает, и нельзя на основании этих сведений установить, был ли Курганский арестован до Силенко или после и какое именно влияние на дальнейшие аресты оказали его „откровенные показания". Повидимому, однако, поведение Курганского не оправдало надежд жандармов: в дальнейшем он не только оказался преданным суду вместе с ядром Союза, но и приговорен к 1 году арестантских рот.

Кравченко „давал деньги взаймы из общественной кассы", а Мрачковский Виталис Яковлевич также был „депутатом" от железнодорожников.

Только через три дня после этих арестов,—*22 декабря жандармы нагрянули к Заславскому.* Пришли они днем. Для того ли, чтобы было меньше шуму, или имея в виду устроить засаду, жандармы не выставили часовых ни с улицы, у входных дверей типографии, ни со двора, у входа в

квартиру. Пред'явив Заславскому приказ об обыске, они тотчас же вместе с ним отправились в помещение типографии, а в квартире оставили двух унтеров. Во время обыска пришел слесарь Спирин, очередной рассыльный Союза, принесший полученную конспиративную почту. Среди почты было два очень важных письма. Не заметив опасности, Спирин вошел в прихожую, и только тут услыхал бряцанье жандармских шпор в соседней комнате. Отступать нельзя было. И только находчивость и смелость Спирина спасли от ареста не только его, но и многих, которые могли бы быть провалены, если бы жандармы захватили бывшую при Спирине почту. Эти подробности мы, в дополнение к жандармской сводке, извлекаем из воспоминаний Владыченко.

Увидев стоявшую у дверей кухни пару ботинок со свежими заплатами, Спирин схватил их, и, ворвавшись в комнату, обрушился с криком на „барыню", — жену Заславского, — разыгрывая роль сапожного подмастерья, требующего деньги за работу, да еще старый долг какой-то. Жена Заславского, — как рассказывает Владыченко, — догадалась поддержать игру, просила „сапожника" подождать, тот—пуще в спор: „Сейчас подавай... Еще господами называются"...

— Надо бы обыскать,—заметил один из жандармов.—В ответ Спирин стал плести всякую чепуху, как его папаша полицмейстеру сапоги делал. „Нешто мы,—говорит,—воры?"

В конце концов Спирин стал даже умолять „господина надзирателя“: „Явите божескую милость, прикажьте отдать заработанное, недели уж почитай две завтраками кормят“... Кончилось дело тем, что жандармы прогнали надоевшего сапожника,—и Спирин благополучно ушел с почтой.

Только через неделю после Заславского совершили жандармы следующий налет и 29 декабря арестовали Ляховича (сын священника, кочегар парохода „Лазарев“, обвинялся в том, что привозил книги из-за границы).

Михаил Ляхович действительно поддерживал связь Заславского с Лондоном. Однажды, опасаясь обыска на пароходе, он выбросил в море тючек литературы и писем, адресованных Заславскому.

30 декабря арестован Лущенко, Степан Дмитриевич, с завода Бланшарда, обвиняемый в том, что был кассиром кружка. Затем опять перерыв в полторы недели и арестовывается 9 января 1876 г. Михаил Петрович Сквери, чьи воспоминания о „Союзе“ мы все время цитируем в нашей книжке. 11 января—Короленко, „депутат“ жел.-дор. мастерских, 12 января—Степан Степанович Наумов, наборщик и „батырщик“ типографии Заславского, и Наддачин Сергей, подозреваемый в том, что в предыдущем году выполнял в Крыму поручения Заславского.

19 января арестован Иван Телятников, рабочий на вокзале, сын священника. „Участвовал в рас-

пространении книг не сознательно". Освобожден на поруки в 200 рублей.

21 января добираются до Григория Никифоровича Тараненко, 36 лет, бессрочно-отпускного унтер-офицера. Тараненко „содержал в Одессе пивную лавку". Ряд „несознательно распространявших" книги железнодорожников получали их первоначально от Тараненко. Например, Терентий Поляков, освобожденный под залог в 200 р.

Таким образом, первые удары были нанесены железнодорожной организации, затем ячейке на заводе Бланшарда и „городской".

К концу января жандармы добираются до некоторых участников „Союза" *в других городах.* 30 января арестовывают Николая Наддачина в Ростове на Дону, 1 февраля—Изотова в Харькове. Об Изотове говорится, что он раньше работал у Фендериха в Одессе, слушал лекции Заславского в 1872 г., был кассиром кооперативной бани, составил библиотеку для мастеровых, в которой, однако, „не обнаружено запрещенных книг". Он подозревается в том, что в Харьков отправился „депутатом" Союза, но жандармы признаются в слабости своих улик и освобождают его под поручительство в 200 рублей.

3 февраля в Одессе арестовывается студент Федор Андреевич Щербина. Он посещал сходки, „скрывая свою фамилию", а „после ареста главных деятелей старался получить кассу для раздачи семьям арестованных". Затем он обещал

одному свидетелю отправить его в Елисаветград и укрыть от преследования, а другого, освобожденного из-под ареста, спрашивал о данных им показаниях, „для сообщения заключенным". При аресте Щербина „бросился бежать, а на первом дознании отказался назваться". (Его арестовали на улице).

В феврале арестован в Одессе рабочий жел.-дор. мастерских Александр Кнепер,—обвинение: „близок к Щербине". В Ростове 20 февраля арестован Павел Сикочин,—„второй депутат в Ростове".

3 марта арестован Григорий Осуховский, с зав. Беллино-Фендерих,—„слушал лекции", участвовал в бане.

Кроме перечисленных, были в разное время арестованы трое братьев Быстриевских, рабочих жел.-дор. мастерских, „обвиняемые двумя свидетельскими показаниями в том, что были на одной сходке". Освобождены и отданы под надзор полиции. Чемеренко, Иван, с зав. Бланшард, освобожден под поручительство матери в 1.000 р. Платон Тисельский, жел.-дор. мастерские, „жил на одной квартире с Силенко". Другие улики—„слабы",—освобожден на поруки в 300 р. Иван Шатунский, с зав. Бланшард,—под надзор. Соколов Федор „работал некоторое время в типографии Заславского",—освобожден под поручительство в 800 р., Волощук, Капитон, зав. Фендерих—поручительство 200 р., Гринко, Дмитрий, зав. Фенде-

рих, слушал „лекции“ в 1872 г., участвовал в бане, освобожден под поручительство в 500 руб. Самсонов Геннадий обвиняется в недоносительстве (жел.-дор. мастерские),—под надзор полиции.

Мы так подробно привели этот перечень потому, что он хорошо характеризует и круг рабочих, прикосновенных к Союзу, и „работу“ жандармов по ликвидации организации.

В общем, *ликвидация „Союза“ заняла у жандармов три месяца.* Но основной и самый болезненный удар был ими нанесен „Союзу“ первыми же арестами еще в конце декабря 1875 г.

19 марта одесские жандармы считают дело свое законченным и отсылают в Петербург сообщение об итогах своей работы. Жандармский полковник насчитывает, что им арестован 31 человек, из которых 6 освобождено под поручительство, 5 отдано под особый надзор полиции, и 20 содержатся под стражей.

Эти сообщения жандармов явно неточны. По сообщениям современников, было арестовано в Одессе около 60 человек. Из них—значительная часть железнодорожников. И это похоже на правду. В жандармской сводке явные пропуски. Так, например, не упомянут слесарный мастер, австрийско-подданный Незабитовский. Между тем, его предательство сослужило немалую службу жандармам. Потому-то он и переведен был ими в „свидетели“.

Прокурор одесской судебной палаты, сообщая министру юстиции важнейшие данные о деятель-

ности „Союза", упоминает, что все эти сведения извлечены из показаний Незабитовского, которые подтверждаются и другими свидетелями. А в октябре 1876 г. жандармский полковник Кноп, которому понадобилось послать своего человека в Киев для розыска следов „преступников", убивших в Одессе шпиона Тавлеева (Тавлеев также выдавал, повидимому, и по делу „Союза"), — а также виновников покушения на шпиона Гориновича,—сообщает „Третьему Отделению", что „я нашел и весьма обстоятельно переговорил с одной личностью, которая во всех отношениях дает возможные гарантии на успех". Личность эта—Незабитовский. Он был в свое время „спрошен" по делу о кружках в Одессе в „качестве свидетеля". „Как человек развитой и весьма тонкий,—пишет полковник Кноп,—Незабитовский, сейчас же понявший свое положение при первом его допросе, своим же показанием отдал себя вполне в руки правосудия, но вместе с тем сделался до того полезным для раз'яснения дела, что был при дознании оставлен в качестве свидетеля. Значение его показаний для пользы дела было столь велико, что даже по раз'яснении всего дела дознанием, следователь нашел нужным оставить Незабитовского в качестве свидетеля. Смышленность и ловкость его в особенности замечательны в том, что, бывая почти на всех сходках, вращаясь в кружке главных деятелей по делу революционной пропаганды, зная всех к ней относящихся, он держал

себя так, что, кроме собственного его показания, не было против него ни одной улики, ни одного показания".

По словам Сквери, Незабитовский близко знал Рыбицкого и его семью, и обо многом мог рассказывать со слов Рыбицкого. Но Сквери также считает, что в показаниях его много преувеличений.

Незабитовский был впоследствии направлен полковником Кнопом в Киев для розысков по делу о покушении на шпиона Гориновича (изуродован серной кислотой). Условия службы предателя Незабитовского: 50 руб. в месяц, кроме расходов на раз'езды, и 500 рублей за каждого обнаруженного им убийцу...

В одесском жандармском архиве за 1879 год Незабитовский снова фигурирует. На этот раз он арестован по уголовному делу...

Процесс „Союза".

Арестованных по делу „Южно-Российского Союза Рабочих" сначала держали в полицейских участках, а затем, в виду тесноты в тюрьме, приспособили для содержания политических часть „Киевской" гостиницы в Тюремном переулке: вставили решетки, замазали стекла, сделали запоры и т. д. Здесь содержался долгое время Заславский. Потом его перевели в тюрьму. Содержались в одиночках, „секретках". Когда жандармы закончили свое дознание, они передали его прокурору судебной палаты. Началось предваритель-

ное следствие в судебном порядке. Его вел прибывший из Харькова член харьковской судебной палаты Ненарочкин. Часть обвиняемых, переданных в ведение судебной палаты жандармами, не была предана суду,—судебные чины, видимо, находили недостаточными жандармские улики. С такими арестованными (или находившимися под надзором на свободе) расправлялись в административном порядке: высылками в дальние губернии и т. д. В результате предварительного следствия суду предано было 15 человек, в том числе некоторые прежде освобожденные жандармами под залог и под надзор, как второстепенные участники и т. д.

И жандармы и суд понимали, что дело „Южно-Российского Союза"—дело далеко не заурядное и не местного значения. Оно должно было слушаться в Петербурге, в так-называемом „Особом присутствии Правительствующего Сената", которое тогда разбирало все крупные дела по государственным преступлениям. Все преданные суду были в сентябре 1876 года перевезены из Одессы в Петербург и заключены в „Доме предварительного заключения". В общем, до суда многим из них пришлось пробыть в заключении около полутора лет,—царские судьи не торопились.

Вот *список преданных суду Сената:*

1) Заславский, Евгений Осипович, 31 года.

2) Сквери, Михаил Петрович, 20 лет, итальянско-подданный, конторщик,

3) Рыбицкий, Ян, 26 лет („неизвестного происхождения и звания, именующий себя турецкоподданным Христофором Яни Рывицким". Жандармы вели особое дознание по поводу фамилии Рыбицкого и его подданства), рабочий зав. Гулье-Бланшард, затем жел.-дор. мастерских литейщик.

4) Кравченко, Федор Иванович, одесский мещанин, 23 лет. Слесарь жел.-дор. мастерских.

5) Лущенко, Степан Дмитриевич, 37 лет, одесский мещанин. С завода Гулье-Бланшард.

6) Силенко, Петр Максимович, елисаветградский мещанин, 27 лет. Слесарь жел.-дор. мастерских.

7) Мрачковский, Виталис Яковлевич, ольвиопольский мещанин, 20 лет. Из жел.-дорожных мастерских.

8) Наумов, Степан Степанович, липовецкий мещанин, 27 лет. Рабочий типографии.

9) Короленко, Макар Романович, черкасский мещанин, 19 лет. Из жел.-дорожных мастерских.

10) Курганский, Михаил Фомич, нежинский мещанин, 25 лет. Железнодорожник.

11) Наддачин, Николай Борисович, севастопольский мещанин, 24 л. Завод Беллино-Фендерих, затем жел.-дор мастерские в Ростове на Дону.

12) Волощук, Капитон Мартынович, аккерманский мещанин, 35 лет. Завод Беллино-Фендерих.

13) Ляхович, Митрофан Яковлевич, сын священника, 28 лет, кочегар парохода.

14) Тараненко, Георгий Никифорович, бессрочно-отпускной унтер-офицер, 36 лет. Из железнодорожной группы.

15) Соколов, Федор Денисович, 36 лет, работал в типографии Заславского.

Очень характерна была картина суда царских сенаторов над плененным первым отрядом пионеров пролетарской революции. Предоставим рассказать о суде этом единственному из выживших до сих пор жертв сенатской расправы, М. П. Сквери:

„Суд продолжался с 23 по 27 мая [1]) 1877 года. Обвинял товарищ прокурора де-Росси, из защитников только присяжный поверенный Потехин, защищавший Заславского и произнесший блестящую трехчасовую речь, был по приглашению. Остальные были по назначению от суда. Публики на хорах было не более 20—30 человек,—вероятно, родственники и привилегированная публика, пропущенная по билетам. В ложе защитников толпилось много адвокатов. На суде никаких особых инцидентов не произошло. Подсудимые сидели почти безучастно и от последнего слова отказались. Все сознавшиеся (на жандармском предварительном следствии) один за другим, как по уговору, заявили о своем отказе от всех своих

---

[1]) По В. Базилевскому („Госуд. преступления в России в XIX веке")—с 23 по 29 мая.

прежних показаний в виду их ложности и вынужденности, и таким образом, хотя не исправили своей ошибки, но разделили участь своих товарищей").

„Тускло и неприметно прошло это негромкое дело среди ярких процессов, приковывавших всеобщее внимание, как дело 193-х и процесс 50-ти. Не было пламенных речей и громких дел. Среди участников не было видных, колоритных фигур, способных сосредоточить на себе внимание, вызвать удивление или восторженное сочувствие". (Заметим от себя, что эти штрихи в оценке „неприметности", бесцветности очень характерны для тогдашних интеллигентских настроений, склонных ценить и замечать главным образом внешне-эф-

---

1) Относительно сознаний—в дополнение к воспоминаниям Сквери—справка по обвинительному акту. Заславский „при дознании ни в чем виновным себя не признал, а при следствии отказался вовсе от дачи ответов". Кравченко, Лущенко, Рыбицкий Наддачин, Тараненко, Соколов и Волощук отвергали всякую свою виновность и тактика их на дознании и предварительном следствии сводилась к отрицанию фактов и действий, вменявшихся им в вину. Наумов тоже ничего существенного не показал. Сквери пришлось признать, что найденные полицией в снегу 2 экземпляра „Устава" Союза переписаны его рукой. По плану, который он, по его воспоминаниям, выработал в заключении вместе с Наддачиным, ему пришлось также признать некоторые обстоятельства, бывшие уже и до того известными жандармам. Но ничего сколько-нибудь существенного и от него не добились. У некоторых же из остальных подсудимых жандармам и следователям, сумевшим их запутать и запугать, удалось получить некоторые признания. Как видим, впоследствии эти ошибки были ими искуплены.

фектное и красочное. Заславский хорошо знал этого рода настроения, и, как помнит читатель, относился к ним чрезвычайно отрицательно, всячески боролся с ними. На самом деле, если посмотреть глубже,—вряд ли найдется более колоритная фигура, чем фигура самого Заславского, и немного можно найти в нашей истории таких трагических по смыслу своему картин, как картина этого суда дворян и помещиков, недавних крепостников, над кучкой сознательных рабочих, первыми увидевших в далях будущего контуры пролетарской революции, от которой их отделяло без малого полвека...)

„На скамье подсудимых,—рассказывает Сквери,—молчаливо сидели рабочие,—слесаря, литейщики, кузнецы, наборщики и среди них только один, скромный, молчаливый, больной интеллигент, не первой молодости. Слишком реальны были для этих людей условия русской действительности, за спиной у них остались необеспеченные семьи, дети, отцы и матери, окруженные средой, в которой не могли найти ни организованной материальной поддержки, ни морального сочувствия. Для энтузиазма русского рабочего в то время было мало данных и оснований".

„В первый день процесса, сидя за креслами судей, присутствовал И. С. Тургенев, роман которого „Новь" только что появился в печати. Не зная внутренней подкладки дела, судя только по внешности, писатель мог составить себе весьма

поверхностное представление о нем и о людях которые перед ним сидели“ [1]).

„Капитализм и фабричная промышленность в России еще только начинали развертываться в европейских формах, рабочий класс был весьма незначителен по численности и по роли в народном хозяйстве, и никому в то время не могла притти мысль, что здесь выявилась из глубин народной жизни, вызвана усилиями одиноких людей, быть может слишком ранняя и преждевременная в условиях русской жизни, но естественная и здоровая поросль корней могучего дерева, пред которым будущее обещало развернуть широкие, воистину мировые горизонты. Мог знать это только Е. О. Заславский, но он не проронил на суде ни одного слова, подавленный и удрученный создавшимися обстоятельствами и одержимый тяжким физическим и психическим недугом, сведшим его вскоре после приговора в преждевременную и поныне забытую могилу“.

Совещание суда было непродолжительно, приговор тяжек и суров, особенно для главных обвиняемых.

---

[1]) По сообщению, приводимому В. Базилевским (Богучарским) в небольшом примечании к воспроизведенному им (в книге „Государственные преступления в России в XIX в.“) обвинительному акту по делу „Ю. Р. С. Р“—И. С. Тургенев присутствовал в суде во все время процесса, и это было для правительства большой неприятностью, но отказать знаменитому писателю в его

Заславский был приговорен к 10 годам каторжных работ, Рыбицкий и Кравченко – к 5 годам. Наумов, Силенко, Ляхович, Мрачковский и Сквери—на поселение с лишением всех прав. Лущенко—в арестантские роты на 2 года, Короленко и Курганский—в арестантские роты на 1 год. Тараненко, Наддачин, Соколов и Волощук приговорены только к 3 месяцам тюремного заключения,—это, впрочем, после достаточно долгой отсидки до суда...

Некоторое время осужденных продержали в доме предварительного заключения, а затем тех, кто был присужден к каторге и ссылке в Сибирь, перевели в Литовский замок и стали постепенно, с промежутками в неделю, отправлять по одному, по два, в сопровождении двух жандармов на каждого, „в дальний путь, предварительно заковав в кандалы, обрив головы и переодев в казенное платье“...

Еще до суда было принципиальное разногласие между „вершителями судеб“ относительно того, как быть с „делом Заславского“. Одесский жандармский полковник Кноп считал, что дело ликвидировано весьма удачно, что собранные им улики в самых отвратительных чертах рисуют в глазах общества тех злонамеренных преступников, которые организуют рабочих для того, чтобы целиком опрокинуть существующий строй. Поэтому он рекомендовал правительству дать делу самую ши-

---

просьбе быть на суде власти сочли неудобным. Какие-либо следы использования Тургеневым в литературе вынесенных им из суда впечатлений нам не известны.

рокую огласку, превратить его в нечто, что мы теперь назвали бы „*показательным процессом*“. Он считал, таким образом, что это дело—благодарная канва для контр-революционной агитации, для того, чтобы показать „обществу“ все ужасы „гидры революции“ и гибельные последствия революционных увлечений и заблуждений. Правительство, очевидно, этого взгляда не разделило. Оно нашло, что огласка дела „Южно-Российского Союза Рабочих“ может дать материал не для противо-революционной агитации и не для „отрезвления общества“, а, наоборот, для дальнейшей организации новых только что выдвинувшихся на арену борьбы кадров революции,—рабочего класса. Правительство нашло, что огласка дела может послужить гибельным примером для рабочих масс. *И правительство замолчало это дело,* оно попыталось похоронить его в могиле безвестности. В то время отчеты о политических процессах вообще публиковались еще правительством в „Правительственном Вестнике“. Но о деле рабочих и Южно-Российского Союза“ не появилось ни одной строки ни в „Правительственном Вестнике“, ни в других газетах [1]).

Остановил ли этот „заговор молчания“, продиктованный правительством, дальнейшее развитие рабочего движения? Он, конечно, несколько затруднил его, лишив рабочих возможности пол-

---

[1]) Обвинительный акт и приговор были тогда напечатаны только в заграничном нелегальном журнале Лаврова „Вперед“ (книга V), но подробностей о деле не было и там.

ностью использовать опыт первой рабочей классовой революционной организации, учтя хотя бы все уроки первых неудач, первого разгрома. Но остановить—нет, не остановил. Слишком явственно было развитие капитализма в России и рост пролетариата с одной стороны. И слишком глубоки были следы, оставленные в рабочей гуще деятельностью Заславского и „Южно-Российского Союза Рабочих", чтобы первая поросль рабочего движения не дала дальнейших ростков. Она их дала,— и мы с ними ознакомимся дальше.

А пока—уделим еще несколько страниц замечательной личности первого руководителя классовой рабочей организации — Е. О. Заславского.

VIII. Несколько характеристик.

Евгений Осипович Заславский.

— Мы, социалисты,—говорил Заславский одному из своих учеников, Владыченко, — должны быть как солдаты: каждый на своем посту.

Его жизнь, действительно, была на посту. Вся

„Вперед без страха и сомненья,
На подвиг доблестный, друзья...“

Эта любимая Заславским песенка была лозунгом его жизни.

— Любите жизнь,— говорил он молодежи,—и все что есть в ней облагораживающего. Пользуйтесь ею,—на то вы молоды. Только не забывайте тех, чья жизнь проходит в безрадостном, отупляющем труде.

И еще говорил он:

— Мы—не заговорщики. Мы только люди, у которых раньше, нежели у других, проснулась совесть. И надо будить эту совесть в других.

— Это—наше право. И если нам насильственно помешают осуществить это право, мы должны будем бороться и станем бороться, хотя бы зара-

нее знали, что такая борьба принесет нам одни страдания.

— Все придет в свое время, придет само собой. Не следует подрывать свои силы, их надо беречь.

— Верьте мне,—говорил он за месяц до ареста,—жизнь все это и решит, и установит сама, когда придет время, и притом — наилучшим образом. Пусть только не мешают ей строить. А наше дело—лишь устранить стоящие на этом пути препятствия. Вот тут-то, именно тут — обширное поле деятельности для мыслящего существа: анализируйте современные порядки, выясняйте их основу, значение, указывайте людям, в чем эти порядки не соответствуют требованиям жизни и нарушают справедливость, открывайте людям глаза. Этой работы, поверьте, с избытком хватит не на одно поколение, и работа эта принесет добрые плоды.

Так же восторженно и любовно, как Владыченко, рисует обаятельную личность Заславского и Сквери:

„Я не встречал человека, внешний облик которого так стройно во всем, даже в привычках, даже в бессознательных житейских мелочах совпадал бы с внутренним содержанием и убеждениями, как это было у Е. О. Заславского. Все в нем было удивительно скромно, естественно и просто. Ни тени аффектации ни в слове, ни в жестах. И в то же время он был характерен и

Евгений Осипович Заславский.

очень индивидуален, быть-может, именно благодаря этой исключительной простоте и естественности, и его облик ярко и определенно запечатлевался. Ни единой черточки даже самого невинного и естественного тщеславия или самолюбия. Ни малейшего оттенка в тоне или обращении, которое напоминало бы о громадном умственном и нравственном превосходстве его над окружающими". „Оттого и отношения рабочих к Заславскому были свободные, простые, *свои,* и несмотря на то, они сознательно глубоко уважали и любили его, преклонялись пред ним, каждому слову верили".

Всем этим Заславский глубоко отличался от интеллигентов того времени. Те никак не могли отделаться от тона учительства,—ни тогда, когда униженно приходили к народу „отплатить свой долг", ни тогда, когда „благородно приносили себя в жертву". Для Заславского же не было различия между „мы" и „они". Он был целиком с рабочими и в рабочем классе, и просто и естественно отдавал ему свои знания и опыт, вел его вперед, учил заглядывать в будущее и готовиться к борьбе.

В частной своей жизни Заславский был чрезвычайно прост. Не только вино, водка и пиво, но даже табак и сахар принципиально им отрицались. К вкусу пищи он был равнодушен, требуя от нее только питательности. Обед и обиход его ничем не отличались от условий и обстановки

очень нуждающегося рабочего, который не стыдится и не старается тщетно и неумело прикрыть свою нужду убогой нарядностью. „Из доходов типографии он брал себе плату в размере заработка наборщика и на эти средства жил в задних двух комнатках при типографии".

„Широко образованный и начитанный, он проявлял особенный интерес к науке и склонность к научной постановке вопросов была в нем ярко выражена и казалась привычной".

„Е. О. Заславский не был слаб здоровьем, но производил впечатление сильно истощенного, плохо питающегося человека. Выше среднего роста, с впалыми щеками и бледным лицом, с большими светлыми спокойными глазами, глубоко запавшими в глазных впадинах, в простеньком пиджаке, летом парусиновом, висевшем на его плоской груди широкими складками, с длинными прямыми светлыми волосами, которые он привычным жестом откидывал назад, всегда в ситцевой косоворотке..." Так описывает Сквери наружность Заславского.

„Жена его, маленькая, худенькая, очень слабая здоровьем женщина лет 30, часто с ребенком, в особенности в первое время посещала сходки. Она повидимому разделяла взгляды мужа. Одевалась очень просто. Свое несложное хозяйство они вели сообща и сообща ухаживали за ребенком". „Маленького сына, который переходил с рук матери к отцу, а на сходках и на руки

рабочих, решено было не крестить и непременно увезти за границу и записать английским гражданином, а пока его называли английским именем Чарли". (Разумеется, в те времена Заславский еще не отрешился от иллюзий о „свободолюбивой Англии"). У жены Заславского была еще 10-летняя дочь от первого брака.

Заславского ничем нельзя было наружно и по образу его жизни отличить от рядового рабочего того времени. Он и внешне, и внутренне, своими стремлениями и своим мировоззрением, целиком и полностью слился с рабочим классом. Тонкое классовое чутье было его характерной чертой. А между тем, по своему социальному происхождению Заславский—выходец из чуждой среды, из чуждого класса.

До самого последнего времени нигде не было портрета Евгения Осиповича Заславского. Не сохранилось его и в жандармских архивах, не оказалось в архивах суда. Жестокий заговор молчания вокруг него, его учеников и его организации сказывался долго, сказывается и до сих пор. Лишь в 1924 году был впервые за 50 лет помещен в одном из наших историко-революционных изданий („Пролетарская Революция", № 1 за 1924 г.) портрет Заславского. Подлинник этого портрета был с большим трудом разыскан одним из сотрудников одесского Истпарта (Н. М. Осиповичем, бывшим народовольцем),—он получил его от племянника Заславского, бывшего судейского

чиновника в Одессе, Мартыновского. Подлинник портрета хранится в одесском Истпарте. Это — небольшая фотографическая карточка визитного формата. Она изображает Заславского еще студентом. Прекрасное одухотворенное лицо, глубоко запавшие и ясные глаза. Снята эта фотография в Воронеже. Там, в Воронеже отец Заславского был командующий войсковой частью или округом,— во всяком случае занимал крупный пост. По словам племянника Заславского, он — по крови последний из Гедиминовичей, ведущих свое происхождение от древних князей Литвы (вспомним: Кропоткин—последний из Рюриковичей). Мать Заславского—тоже аристократического происхождения, училась в Смольном институте, была подругой княгини Юрьевской,—побочной жены Александра II... И вот Евгений Заславский—первый руководитель классовой пролетарской организации.

Заславский много учился. Ему пришлось много поработать над собою, прежде чем он пришел к своему мировоззрению, к тому классу, которому затем отдал все свои помыслы и всю свою сознательную жизнь; прежде чем он стал тем учителем рабочих, каким вошел в историю рабочего движения. Заславский окончил университет по естественному отделению, затем ушел в деревню. Здесь, столкнувшись с жизнью, он понял, что ему недостает знаний из области общественных наук. Он вернулся в университет,

поступил на юридический факультет[1]). Стал усиленно и глубоко изучать социологию, политическую экономию. Потом—деятельность среди рабочих, которых он учил и у которых сам многому учился. Такова в самых общих чертах внешняя жизнь Заславского,—жизнь внешне такая простая,—внутренне столь богатая глубоким содержанием.

Заславский погиб в плену у врагов рабочего класса.

Прежде всего не выдержали нервы. Еще на воле ведь Заславский ясно сознавал, что ближайшее будущее ни ему самому, ни революционным рабочим вообще не сулит ничего радостного. „Вряд ли многим из нас дадут пять-шесть лет поработать спокойно“,—говорил он Владыченко на исходе четвертого года своей работы в Одессе. Нужна была огромная сила воли, и постоянное напряжение нервов для того, чтобы работать в гнетущей обстановке, чтобы кропотливо, изо дня в день, по мелочам строить первые ростки, влияние которых скажется только в отдаленном будущем,—и в то же время поддерживать бодрость и мужество во всех окружающих. Последние месяцы существования Союза были к тому же месяцами не только борьбы со слежкой жандармов, но и периодом гораздо более болезненной внутренней

---

[1]) Как и в первый раз, учился он в Петербурге и во всяком случае не в Новороссийском университете (в Одессе).

борьбы в самом Союзе. Эта борьба, как мы в своем месте рассказывали, привела к расколу, к уходу из Союза части товарищей, с которыми Заславский до того несколько лет проработал рука об руку. Раскол он переживал крайне болезненно. Наконец, уже в плену у жандармов — Заславский стал свидетелем предательства одних, малодушия других. Издерганный, нервно переутомленный еще до ареста, он в тюремной камере окончательно свалился под тяжестью ударов, разбивших взлелеянный им Союз, первую организацию рабочих.

Сквери вспоминает, что еще во время заключения в приспособленной под тюрьму „Киевской" гостинице Заславский стал проявлять признаки несвойственного ему прежде болезненного возбуждения, затем стал избегать разговоров с заключенными в соседних камерах, вел себя странно.

А вот что рассказывает в своих воспоминаниях („Былое", 1907 г. в № 5) Сергей Жебунев, на воле с Заславским не встречавшийся, но встретившийся с ним в одесской тюрьме, где содержался в 1876 г.

В соседней с Жебуневым камере оказался новый жилец. „Быстрые шаги нервного человека". Лишь через два часа удалось Жебуневу вызвать нового соседа к дверям для разговора. И с ужасом услышал Жебунев „нервный голос безумного":

— Я знаю, меня посадили сюда с научной целью. Я сижу здесь в антропологическом кабинете, с окна кабинета я должен изучать человеческие типы. Что же, я для науки готов страдать, но пусть же дозволят моей жене и дочери посещать меня.

— Вот слышите, меня зовут к телеграфу,— ведь камера моя соединена телеграфом с университетом.

Через два дня Заславского позвали в тюремную контору. Он отказался итти. Пришла орава надзирателей, и его повели насильно под руки. Он упирался, потерял шапку, кричал душу раздирающим голосом...

Но бывали и минуты просветления, и „тогда,— рассказывает Жебунев,—я с большим удовольствием слушал в высшей степени логическую речь Заславского".

Смотритель одесской тюрьмы Зубчевский боялся, чтобы Заславский как-нибудь ночью не наложил на себя руки, и потому он на ночь помещал к нему двух уголовных арестантов. И вот один из очередных „дежурных", крестьянин Никита (штундист, впоследствии из уголовного, ставший политиком), на утро с восторгом говорил Жебуневу:

— И що це за чоловік, він про усе знае, не дурно же він в ноч усе на зірки дивиться. (И что это за человек,—он про все знает, не даром же он ночью все на звезды любуется).

Оказывается, Заславский за ночь прочитал Никите целую лекцию, и с тех пор штундист Никита стал переходить на почву рационалистического мировоззрения. Впоследствии Никита,—в уголовщину ввязавшийся случайно по какому-то крестьянскому делу,—стал политическим врагом правительства и существующего порядка. Бесспорно,—в этом духовном развитии Никиты сыграла немалую роль ночная беседа с „безумным" пленником жандармов.

По поводу болезни Заславского в архивах отысканы следующие документы:

12 мая 1876 г. прокурор одесской судебной палаты в дополнение к „представлению" от 15 апреля отсылает министру юстиции прошение „жены дворянина Марии Заславской" и сообщает, что по мнению врачей „и моему личному удостоверению" содержащийся в одесском тюремном замке муж просительницы Евгений Заславский страдает психическим расстройством. 28 мая министру юстиции отослан рапорт заведующего одесской тюремной больницей врача Розена. В отношении от 9 июля указывается, что, по мнению врача, Заславский страдает „душевной болезнью веселого бурного помешательства" и ставится вопрос о новом освидетельствовании. Эта форма поддается излечению при правильной постановке лечения, но, конечно, ни жандармы, ни прокуроры не думали лечить Заславского. Больше того, они подозревали его в симуляции. 17 августа проку-

рор сообщает градоначальнику, что по предписанию министра юстиции Заславский должен быть отправлен в Петербург в дом предварительного заключения, и приказывает градоначальнику принять меры, „чтобы Заславский во время пути находился под строжайшим надзором, и самое отправление его было произведено по возможности секретно, так как он заявляет о ненормальном состоянии умственных способностей, в чем вызывает серьезное сомнение и дает повод предполагать, что заявление может быть с целью облегчения для себя побега в дороге“.

Каков же был действительно характер болезни Заславского? Правы ли были жандармы и прокурор, подозревая симуляцию? Этот вопрос выяснить трудно. Сквери, содержавшийся вместе с Заславским (в разных камерах) еще в „Киевской“ гостинице, рассказывая о первых проявлениях болезни Заславского (нервная беготня по камере, отказ от разговоров и т. д.), вспоминает, что иногда у него в то время являлась мысль, что Заславский, „потеряв надежду на благоприятный исход дела“ (вследствие того, что у ряда арестованных жандармы разными ухищрениями добились более или менее полных признаний), „решился, симулируя помешательство, добиться перевода в больницу, откуда легче бежать“.

Владыченко же пишет: „Лично мне в одно из обычных вечерних моих посещений (уже в тот период, когда над Союзом нависла угроза про-

вала) Заславский говорил, что в случае ареста он считает самым целесообразным прикинуться сумасшедшим, дабы таким путем попасть в психиатрическую лечебницу на испытание и потом, улучив минуту, оттуда скрыться, чтобы через некоторое время завести новое дело на новом месте".

Таким образом, предположение о симуляции имеет некоторые основания. Но, с другой стороны, Жебунев рассказывает, что вторично встретился с Заславским в 1877 г. уже в Питере, в доме предварительного заключения. „Он впал тогда в полнейший тихий идиотизм". А после осуждения на каторгу „он умер в доме умалишенных".

Где правда? Очень вероятно, что правда — и симуляция и действительное психическое расстройство. Вначале у Заславского действительно могло быть намерение симуляцией безумия облегчить себе побег, и при свойственной ему выдержке, терпении и настойчивости он мог вести эту линию долгое время. Но с другой стороны, пережитые им до ареста и во время заключения душевные потрясения сами по себе создавали почву для действительного психического расстройства. Обстановка заключения и инквизиторская тактика жандармов, всегда старавшихся как можно больше душевных терзаний причинить своим пленникам, сильно способствовали тому, что душевное равновесие Заславского было нарушено и его психика расстраивалась все больше и больше. Так при участии и стараниями жандармов и

прокуроров притворное безумие едва ли не самой светлой головы того времени постепенно превратилось в безумие настоящее, в тот трагический „тихий идиотизм“, о котором говорит Жебунев.

Состояние Заславского во время суда было уже безнадежно болезненно.

Так погиб Заславский, замученный в плену у врагов рабочих и крестьян, в когтях инквизиторов и палачей революции.

Об обстоятельствах и времени его физической смерти точных сведений нет и до сих пор. Владыченко говорит: „Как известно, Заславский умер в психиатрической больнице в Казани, куда был помещен на излечение на пути в Сибирь, на каторгу“. Жебунев говорит о смерти Заславского в доме для умалишенных, не указывая города. В. И. Невский полагает, что он скончался в Петербурге. По сообщению же Тютчева (недавно скончавшегося старого ссыльного, много писавшего последние годы в исторических журналах), Заславский скончался в Восточной Сибири по пути в ссылку. По словам Тютчева, каторга была заменена Заславскому по ходатайству его сестры ссылкой на поселение в Восточную Сибирь [1]).

И только в самое последнее время дата и место смерти Заславского установлены точнее. Именно,

---

[1]) В „Пролетарской Революции“ № 1, за 1924 г. В. Невский в заметке к портрету Е. О. Заславского пишет: „жене Заславского удалось вымолить у царя замену каторжных работ ссылкой в Сибирь, но эта весть о смягчении участи Заславского уже не

во вступительной статье к сборнику „Южно-Русские Рабочие Союзы“ (Изд. Центрархива, „Новая Москва“, 1924 г.) В. Невский отмечает: „В сенатском деле определенно говорится, что Заславский *умер в тюрьме в Петербурге 13 июня 1878 г.* 15 июня труп выдали его жене для погребения. В сенатском деле имеется еще указание, что после второго ходатайства М. Г. Заславской ее мужа возвратили с дороги со ст. Колпино в Петербург“.

По тем же сообщениям, скончался Заславский от туберкулеза и похоронен на католическом кладбище.

Затеряны следы могилы Евгения Осиповича Заславского. Жена его скончалась, по сведениям Одесского Истпарта, в Харьковской губернии сравнительно не так давно, а сестра—та, которая хлопотала о нем, умерла в Одессе года три назад. Но о самом ее существовании Истпарт узнал уже через много месяцев после ее смерти и таким образом потеряна возможность получить у нее сведения о ее брате, имя которого должно быть дорого каждому рабочему СССР.

Нет следов могилы Заславского,— но его деятельность в среде рабочих и его стремления пробудить в них классовое самосознание и организованную готовность к сознательной борьбе за новый строй, за диктатуру

застала в живых; в тюрьме он заболел психически и умер в том же 1877 году“.

По другим данным о смягчении приговора хлопотала не жена, а сестра Заславского, пользуясь связями в „высшем обществе“.

труда, оставили глубокий след в современном ему революционном поколении и в дальнейших поколениях пролетариев-революционеров. Он первый научил рабочих России организованно бороться за свое будущее. Эти уроки даром не пропали, хотя учитель безвременно погиб.

Ян Рыбицкий.

Ян Рыбицкий.

Ян Рыбицкий был по складу своего характера прирожденным пропагандистом и агитатором. Чувство протеста против угнетенного и приниженного положения рабочего было в нем глубоко и сильно. Очень разговорчивый и общительный, он умел завладеть беседой. Приветливый, живой, находчивый, но в то же время несколько тщеславный и экспансивный,—он умел заинтересовать, с каждым находил о чем поговорить и всегда сводил разговор к протесту и осуждению существующих порядков. Он был душою агитации в Союзе. Сначала касса, затем Союз в целом своей популярностью и большому числу участников обязаны в значительной степени

энергичной агитации Рыбицкого. Очень широко агитировал он в местах скопления рабочих, в чайных трактирах, где они постоянно собирались. Значительно расширяя рамки Союза, эта агитация вместе с тем повела и к провалу,—предатели и агенты жандармов, в роде Толстоносова, получили в свои руки орудие против Союза благодаря проявлявшейся иногда неосторожности агитаторов. В частности, именно Рыбицкий так неудачно „сагитировал" предателя Толстоносова, сначала прикинувшегося сочувствующим Союзу.

Хотя Рыбицкий именовал себя турецко-подданным Христо-Яни Рыбицким, но суд установил, что турецкие документы его подложны и были куплены у какого-то грека, на самом же деле он родился в России, в польской семье в Подольской губернии [1]). Сквери полагает, что семья Рыбицкого была из обедневших дворян, хотя сенатский приговор считает происхождение Рыбицкого „неизвестным". Во всяком случае, он стал заводским рабочим с малых лет, и еще до приезда в Одессу четыре года проработал фабричным учеником на чугуно-литейном заводе какого-то графа Маркевича в Подольской губернии (он там работал вместе с Незабитовским, одним из предавших впоследствии жандармам и Рыбицкого, и Союз).

[1]) В разных документах, кроме „Рыбицкий" и „Рывицкий", фамилия его пишется еще и „Рыбецкий", „Ревицкий" и др. Составители сборника Центрархива („Южно-Русские Рабочие Союзы") остановились для единообразия на печатании его фамилии *Рыбецкий*.

Однако, не вполне пролетарское происхождение и воспитание Рыбицкого в раннем детстве и свойственное ему тщеславие, повидимому, несколько сказались в последний период жизни Союза, ознаменованный борьбой с якобы „генеральством" Заславского и защитой Рыбицким бунтарско-интеллигентских поползновений, вплоть до временного выхода из Союза. Вместе с тем до суда и на суде Рыбицкий был одним из наиболее достойно державшихся. Он был в числе тех, у кого ни жандармы, ни суд не в состоянии были вырвать никаких признаний вообще, и никаких показаний, которые подводили бы других.

А между тем до ареста, на воле, товарищи ставили Рыбицкому в вину не только неосторожность, но даже „болтливость". Впоследствии некоторые свидетели показывали жандармам и следователям, что товарищи даже судили Рыбицкого за эту болтливость и чуть ли не собирались поставить вопрос об его исключении из Союза. Но ни жандармы, ни суд ничем от него не поживились...

Достойное поведение на следствии и на суде дорого обошлось Рыбицкому. Он приговорен был к пятилетним каторжным работам „на заводах", как значилось в приговоре сената, и для отбытия этого наказания был отправлен в один из мрачнейших царских застенков,—в Новобелгородскую тюрьму.

Он погиб на каторге.

Степан Лущенко.

Вот несколько штрихов, рисующих другого стойкого работника Союза,—*Степана Лущенко*. Это степенный пожилой рабочий,—рассказывает Сквери,—работавший на заводе Гулье-Бланшард по очистке чугунного литья.

„Он был матросом на военной службе и побывал в плавании на Дальнем Востоке, в Китае и Японии. Среднего роста, костистый, сухой и закаленный, с широкой светлой бородой-лопатой, с мягким взглядом маленьких впавших глаз из-под широкого выпуклого лба и строго сдвинутых бровей, он был несловоохотлив и пользовался среди рабочих большим авторитетом и уважением за свою сдержанную рассудительность, прямоту и неподкупную честность. Это был сильный и стойкий человек, способный на костре не изменить ни на иоту своему слову. Глубоко вросший в рабочую среду, заботливый и трогательно любящий семьянин, он осмотрительно и туго воспринимал все новое, не умел увлекаться. Но то, что было им воспринято, срасталось с ним, входило в плоть и кровь навсегда".

Никаких признаний и у него не вырвали жандармы и судьи, и наградили его за это двумя годами арестантских рот. Арестантские роты того времени—были иной раз даже хуже каторги.

Перед этой перспективой твердость Лущенко дрогнула, и он, как и некоторые другие осужден-

ные, подал царю прошение о помиловании. Наказание ему было смягчено до 4 лет полицейского надзора.

Федор Кравченко.

О личности *Федора Кравченко* воспоминания, нам известные, рассказывают очень мало.

Федор Иванович Кравченко.

Вместе с тем, во всех этих воспоминаниях и в материалах, относящихся к делу „Союза", подчеркивается громадная роль Кравченко в работе „Союза".

Из материалов дознания и судебного процесса мы узнаем, что родом он из одесских мещан, 3 лет остался сиротой, жил у тетки и выучился грамоте. С 11-летнего возраста он, поступив в ученики, становится к станку. Через несколько лет он уже—слесарь железнодорожных мастерских.

В рабочее движение он вошел совсем молодым человеком. В момент каторжного приговора ему было только 23 года. После ареста, на дознании и затем на суде перед сенатом он держался чрез-

вычайно достойно и твердо, ничего не выдал жандармам. Как и Рыбицкий, он получил тяжелый приговор,—5 лет каторги, и тоже был отправлен в Новобелгородскую тюрьму. В царских застенках он и погиб.

По показаниям одного из свидетелей на суде, именно Кравченко на сходке высказал мысль о том, что предателей нужно убивать.

— Я,—будто бы добавил он к этому,—вот уже три года не говел и в церковь не ходил, могу и этот грех прибавить.

Впрочем, сам Кравченко на суде эти слова отрицал.

Материалы для характеристики личностей других участников Союза,—кроме тех отдельных черточек, которые разбросаны во всем нашем рассказе,—слишком скудны, чтобы можно было дать еще какие-нибудь портреты-характеристики.

IX. Отзвуки „Союза“ в революционном движении.

Второй „Южно-Российский Союз Рабочих“.

Как мы знаем из предыдущих глав, еще в дни арестов „Южно-Российского Союза Рабочих“ студент Федор Щербинин [1]) пытался спасти остатки организации и использовать кассу для помощи арестованным. Это ему не удалось, он сам был арестован. К суду, однако, его не привлекли, а освободили под надзор. Затем он привлекался к дознанию по делу об убийстве в Одессе шпиона Тавлеева, и, наконец, был выслан на 3 года в Вологодскую губ. Находясь в Одессе, он продолжал встречаться с рабочими.

Многие рабочие, участники „Союза“, уцелели от разгрома. Повидимому, уцелели и отдельные кружки. Правда, значительная часть уцелевших так или иначе оказалась на виду у жандармов, и если не под надзором, то на подозрении,—но все-таки они продолжали встречаться друг с другом и причинять жандармам большое беспокойство. В жандармских

---

[1]) Иначе—Ф. А. Щербина, впоследствии известный статистик.

делах в течение нескольких лет под ряд после разгрома „Союза“ тщательно регистрируются те встречи рабочих друг с другом, за которыми удавалось жандармам проследить, и отмечаются все переходы более или менее активных рабочих на работу с одной фабрики на другую, их приезд и от'езд из Одессы.

Непосредственно вслед за арестом ядра „Союза“ был даже организован второй Союз под тем же, что и первый, наименованием. Так как устав первого „Союза“ погиб при обысках и во всяком случае его не было в руках у организаторов второго „Союза“, то устав был написан заново. В делах арестованных впоследствии в связи с деятельностью этого второго Союза имеется текст устава Первого Интернационала на французском языке. Повидимому, *этот образец был использован и при составлении устава второго „Союза“*, который не сохранился. Это обстоятельство лишний раз подтверждает, что устав Интернационала оказал большое влияние и на Устав первого „Союза“. Организаторы второго Союза старались возможно точнее и ближе повторить то, что уже делалось первым Союзом. (Это, впрочем, не удержало их впоследствии от того, чтобы значительно уклониться в сторону от учения Заславского и подпасть под влияние „Земли и Воли“ и „Народной Воли“). Второй Союз руководился своим „Исполнительным Комитетом“.

В состав этого Исполнительного Комитета входил и рабочий-слесарь Спирин, — тот самый, ко-

торый в день ареста Заславского спасся сам и спас многих других, удачно разыграв глуповатого сапожника и благополучно выбравшись из жандармской западни вместе с очередной почтой „Союза“.

Активнейшим участником попытки возродить „Союз“ был и Петр Владыченко, прежде член „золотого кружка“ первого Союза. В жандармском архиве за 1876 г. встречаются донесения о деятельности Владыченко, мастера Гунзо и Бориневича, сапожника Радецкого, о сборищах в трактирах, молочных и пивных, о сходках в так-называемом Дюковском саду с участием Владыченко,— напр, 27-го октября сходка с участием 12 человек. Деятельную помощь оказывал Владыченко, привлеченный впоследствии вместе с ним к ответственности, Лука Чижиков.

По воспоминаниям Стеблин-Каменского („Былое“, 1907 г.), остатки первой организации собирает и Г. А. Попко, уцелевший от разгрома. В числе участников этой второй организации вместе с Попко упоминаются Игнат и Иван Ивичевичи и Григорий Гринченко. Упоминание об Ивичевичах, участвовавших вместе с Владыченко в „золотом кружке“, дает основание полагать, что речь идет здесь об одной и той же организации, в которой участвовали и Попко, и Владыченко и др. Стеблин-Каменский далее рассказывает, что Попко завершил начавшиеся еще будто бы в конце 1875 г. переговоры одесских кружков о соединении с лаври-

стами в Петербурге (организованной группой „пропагандистов“). Ни в каких других материалах мы ничего об этих переговорах при Заславском не встречаем, а полагаться на точность указания срока в воспоминаниях Стеблин-Каменского в данном случае нельзя. Он писал их через много лет, и писал не о том, чего свидетелем был сам, а со слов Попко. Правильнее предположить, что под руководством Попко именно второй „Союз“ начал и закончил переговоры с Петербургом.

В начале 1876 года Попко едет в Петербург для свидания с „пропагандистами“ и за книгами. Там он знакомится с Лизогубом. В том же 1876 г. Попко едет в Париж и участвует в тамошнем с'езде лавристов. Такая линия Попко кажется уже уклоном от того направления, в каком вел „Союз“ Заславский. Позже уклон самого Попко становится еще резче. Под влиянием расправы царских палачей с политическим заключенным Боголюбовым (которого высекли) Попко проникается террористическими настроениями, в 1878 г. убивает кинжалом бар. Гейкинга в Киеве, бежит в Одессу, и там в августе 1878 г. арестовывается в пивной вместе с Лизогубом, Спандони и др. Попко присуждается затем к вечной каторге. Он умер от туберкулеза в Нижне-Карийской тюрьме 20 марта 1885 г.

О содержании работы второго „Южно-Российского Союза“ сколько-нибудь полных сведений нет. Многое в этом отношении могли бы восполнить воспоминания и поныне живущего в Одессе П. Вла-

дыченко, но его воспоминаний [1]) в печати пока нет. У нас нет оснований считать, что деятельность этого „Союза" протекала все время под непосредственным влиянием Попко, — повидимому, после от'езда в Петербург в 1876 г., Попко связь с организацией в Одессе утратил. С другой стороны, есть основания считать, что во втором „Союзе" сильны были те идейные влияния, которые несколько позже выкристаллизовались в воззрения и тактику „Народной Воли". Отдельные участники и руководители второго Союза стали впоследствии активными народовольцами. Напр., член Исполнительного Комитета второго Союза, слесарь Спирин, погиб где-то на австрийской или румынской границах во времена „Народной Воли", при исполнении какого-то опасного поручения.

Второму Союзу не удалось разрастись в большую организацию, ему недоставало того мудрого руководительства, какое имел первый Союз при Заславском. Все же *второй Союз просуществовал, повидимому, довольно продолжительное время.* Жандармы расправились с ним так-сказать в розницу, общего провала не было, не было и общего процесса. В разное время отдельные активные работники были арестованы и сосланы. Крупные аресты произошли в 1879 г.

Один из немногих следов—памятников, оставленных вторым Союзом, — чрезвычайно инте-

[1]) Именно о деятельности второго Союза. Воспоминания же Владыченко об его участии в первом Союзе многократно цитируются нами.

ресный *адрес оставшимся в живых участникам Парижской Коммуны,* который послан Союзом от имени одесских рабочих в день годовщины Коммуны в 1878 г. В этом адресе говорится:

„Мы работаем на своей родине для той же великой цели, для достижения которой погибло в 1871 году на баррикадах Парижа столько ваших братьев, сестер и друзей. Мы трепетно ждем наступления той исторической минуты, когда и мы сможем ринуться в бой за право трудящихся против эксплоататоров, за торжество умственной, нравственной и экономической свободы. Вы правы были, когда говорили в 1871 году, что вы сражаетесь за все человечество".

Этот адрес чрезвычайно показателен. Он убеждает в том, что *каковы бы ни были уже в тот период уклоны руководителей второго Союза в сторону от учения Заславского, но одесские рабочие все еще твердо помнили уроки первого своего учителя.* Классовые нотки определенно звучат в адресе, а интерес к рабочему движению за рубежом и понимание великого значения международной пролетарской солидарности, проникающие адрес,—это ведь то именно, чему учил Заславский и чему уделяли очень мало внимания другие революционеры того времени.

Обратим внимание на одну деталь в вопросе об уклонах: они выявились в обстановке, когда, после разгрома первого Союза, революционная интеллигенция в восстановленной организации играет гораздо большую,—и притом руководя-

щую,—роль, чем в первоначальном Союзе, где Заславским было отведено ей лишь служебное место.

1878-й год.

1878-й год отмечен не только посылкой адреса уцелевшим коммунарам Парижа. Этот год вообще дает значительное оживление движения в среде рабочих в Одессе. Жандармская слежка усилена, но все-таки не дает достаточных результатов, и обо многом жандармы узнают слишком поздно. Они узнают, между прочим, о том, что Владыченко начал встречаться с солдатами и собирать их в кружки. Затем, оказывается, что 9 июля было собрание в Ботаническом саду, около 60 человек, „эти молодые люди были на вид из числа рабочих". Собрание продолжалось с 9 часов утра до 1 часа пополудни. На нем „Владыченко читал какой-то печатный лист бумаги наподобие телеграммы". В числе других бывших на этом собрании жандармский осведомитель упоминает „сына бывшего смотрителя городского кладбища Ивана Ивичевича и девиц Оржих и Шехтер.

Взволновавший Одессу и всю революционную Россию процесс Ковальского, присужденного военным судом к расстрелу за оказанное им при аресте вооруженное сопротивление, не прошел незамеченным и в жизни кружков, ведших свое происхождение от „Южно-Российского Союза".

Дело Ковальского чрезвычайно интересно для характеристики настроений революционеров того времени, для обрисовки перелома в этих настроениях. Разочарованные в хождении в народ, неудача которого расценивается большинством из них, как неудача попыток массовой работы вообще,—они берутся, иной раз едва ли не с отчаяния, за новый метод борьбы—за вооруженные сопротивления при арестах. Они сами хорошо понимают в значительной мере лишь демонстративный характер этих одиночных вооруженных сопротивлений, и смотрят на них, как на требующую жертв показательную подготовку будущих крупных вооруженных выступлений, так-сказать, как на агитацию действием.

Первое вооруженное сопротивление было оказано в 1878 году Ковальским в Одессе,—он стрелял в явившихся арестовать его на квартире Виттен. Практического смысла в этом сопротивлении не было, в нем не было практической надобности по обстоятельствам данного ареста, и характер его, так-сказать, принципиальный. В этом отношении выступление Ковальского значительно отличается от происшедшего в том же году другого вооруженного сопротивления в Киеве, на Жилянской ул., при аресте типографии, когда погибли братья Ивичевичи [1]). Там сопротивление имело и практический смысл. Отстреливаясь, Ивичевичи долго удер-

[1]) Бывшие участники одесского „Союза“ (из „золотого кружка“).

живали осаждавших типографию жандармов и тем, ценою своей жизни, дали возможность товарищам уничтожить в задних комнатах важные документы и частью спастись.

В деле „об оказании штабс-капитану Добродееву сопротивления с оружием в руках при обыске в квартире Виттен“ имеется копия *обнаруженной у Ковальского записки о вооруженных сопротивлениях вообще.* В ней говорится:

...„Дудки, уж нас больше не заманишь в народ... и мы предпочитаем действовать самолично без всякой связи с народом и таким образом представляем собою в жизни отрезанный ломоть“... „Одно слово: ни пава, ни ворона—вот переходный тип современного революционера. А между тем, по моему крайнему разумению, революционеры из привилегированной среды и из народа представляют собою нечто в роде отрицательного и положительного электричества и, соединись они на самом деле, наверное произошел бы взрыв“...

Записка эта и эти мысли чрезвычайно характерны для разочарования в массовой работе. Эти настроения свойственны не одному только Ковальскому, это настроения, свойственные вообще тому моменту. И тем не менее *в наследниках „Южно-Российского Союза рабочих“ так крепка оставленная Заславским закваска стремления именно к массовой работе, что они этим настроениям не поддаются,* или во всяком случае поддаются в значительно

меньшей степени, чем какая бы то ни было другая группа революционеров.

Именно 1878 год, когда Ковальский, пред тем, как выстрелить в воздух при появлении в квартире Виттен штабс-капитана Добродеева, пишет в отчаянии: „*дудки, уж нас больше не заманишь в народ*“ (при чем совершенно ясно, что „народ“ для Ковальского—это не только крестьяне, но и рабочие),—именно этот 1878 год является моментом значительного развития массовой работы в деятельности еще уцелевших учеников Заславского и учеников этих учеников в Одессе. У них достаточный запас бодрости и настойчивости, и веры в необходимость именно массовой работы. Они не переходят к заговорам, но они не проходят мимо дела Ковальского. Вокруг этого дела возникает массовое движение и в этом движении активно участвуют все те, кто группируется вокруг второго „Южно-Российского Союза Рабочих“. Во время процесса Ковальского вокруг здания военного суда собираются большие толпы публики, молодежи и в особенности рабочих, и участники „Союза“—в этой толпе. После оглашения смертного приговора Ковальскому происходит на улице массовая демонстрация, разогнанная казаками и сопровождавшаяся стрельбой,—и члены „Союза“ в этой демонстрации участвуют. Многие из них в связи с этой демонстрацией арестованы.

А в конце же 1878 года другой продолжатель дела Заславского,—Обнорский, несомненно зная и

о деле Ковальского, и об обычных в этот момент настроениях революционной интеллигенции, закладывает на севере основы массовой рабочей организации. Правда, после разгрома этой организации в следующем, 1879 году, другой ее руководитель, рабочий столяр Халтурин, разочаровавшись в возможности создать прочную массовую организацию при существующих полицейских условиях, идет в ряды активистов-террористов „Народной Воли", устраивает взрыв в Зимнем дворце, участвует затем в других актах и в 1882 году убивает в Одессе прокурора по политическим делам Стрельникова. Но и этот человек, активная натура которого не позволяла ему выжидать и в ответ на разгром массовой организации толкнула на заговорщическую и террористическую деятельность,— не удовлетворяется террором и не оставляет мечты о работе в массах. Отправляясь в Одессу для убийства Стрельникова, он, по его предсмертному признанию, имеет в виду и восстановить связи среди одесских рабочих и вести среди них работу.

1879 год.

Тень Заславского и организованных им рабочих преследует жандармов еще и в 1879 году. Вот чрезвычайно любопытные выдержки из списка поднадзорных за этот год, с жандармскими характеристиками:

„Дубровский в 72 году сносился с кружком Габеля и был знаком с Заславским. Третьяков—

жил с Габелем, вел знакомство с Заславским и его кружками. После процесса Ковальского „занимался усиленно пропагандой в среде рабочих". Маркович „вел знакомство с Заславским". Добровольский — „кроме того имел сношения с Заславским и Щербиной". Терентьев „известен с 74 г. по делу Заславского". „Постоянно бывал в кругу рабочего класса, в среде которого пропагандирует". Владыченко, „будучи еще воспитанником реального училища, вращался в кругах революционной партии", „собирает у себя людей рабочего класса, в среде которого часто замечался и занимался деятельною пропагандой, как устною, так равно и через раздачу книг. Он ведет дружбу с Третьяковым, Терентьевым и с сапожным мастером Гурьяновым". Свистунов, сапожник — посещал часто Владыченко и находится к тесной связи с Гурьяновым. Посещает разные мастерские и ведет в среде рабочих пропаганду. Лашен—столяр, с Ковальским и Третьяковым. Павловский, слесарь, „вел знакомство с Заславским", „ведет смелую пропаганду в среде рабочих в мастерских железной дороги на Большом Вокзале". Кушнеренко, резчик по дереву, „был причастен к делу Заславского". В настоящее время ведет пропаганду в среде рабочих по фабрикам и мастерским. Радецкий, сапожник, „вел близкое знакомство с Заславским". Сидоренко, Михаил—посещал „трактиры, где собираются молодые люди рабочего класса, ведет пропаганду". Островский, рабочий типографии Шульца, „вел знаком-

ство с Заславским и распространял революционную пропаганду в среде рабочих и мастеровых". Шокин Иван, слесарь ж.-д., Масюк, токарь ж.-д. „был причастен к делу Заславского, распространяет литературу". *Кнепер*, слесарь, работает сейчас (2 июля 1879 г.) на железной дороге, „привлекался по делу Заславского". *Короленко*, портной (шьет белье с сестрами), „по делу Заславского был осужден в арестантские роты [1]), по возвращении в прошлом году в Одессу он *опять примкнул к противоправительственной партии*", „ярый пропагандист". Бориневич, Антон, ученик жел.-дор. училища, „вел знакомство с Заславским, дружил с Владыченко". Никитин, „типографщик", „работал в типографии Заславского и принадлежал к его сообществу, хотя дознанием не был уличен в принадлежности к этому обществу". Кудрюченко, жел.-дор., пропагандирует в мастерских и трактирах. Аршавский, в типографии Дубинского,—„ярый пропагандист и сотрудник Владыченко". Ходровер, студент, „состоит в близких отношениях с Владыченко", „занимается распространением революционных книг по трактирам в среде простого рабочего класса". Гребенюков, сапожник, „содержал *сапожную мастерскую в 1876 г. на началах ассоциации* с Крыловым, Гурьяновым, Мельниковым, Свистуновым, Радецким и Сомланом. В мастерской устраивались сборища. Бывал Владыченко. Он че-

[1]) Тогда Короленко работал на железной дороге в мастерских.

ловек крайних убеждений". *Тараненко*, судился по делу Заславского. „Человек крайне недовольный и озлобленный, в разговорах *весьма резко высказывается* против правительства". Панфилович, служащий жел.-дор., „принадлежал к кружку Заславского", пропагандист.

Вот и второй жандармской список за тот же 1879 год: Борисов и Гендатский, служащий городской управы, „имели сношения с кружками Заславского".

„На даче Гернета на Среднем Фонтане собиралось до ста человек".

Кульчинская, акушерка, „вращается в среде Радецкого, Владыченко и других перечисленных лиц". Павел (слесарь) и Христя Ивичевичи—„пропагандируют в мастерских и трактирах, клянутся мстить за братьев" (как известно, еще за год до того, старшие братья Ивичевичи, бывшие участники „золотого" кружка „Южно-Российского Союза Рабочих", погибли в Киеве при вооружонном сопротивлении жандармам во время ареста тайной типографии на Жилянской улице. Они отстреливались от жандармов, пока другие товарищи во внутреннем помещении типографии жгли важные бумаги. Игнат Ивичевич получил 11 ран и промучился еще три дня, Иван получил 18 ран... Не удивительно, что младшие братья и сестры погибших готовы были мстить...).

Дальше: Тисельский, токарь жел.-дор. „Он был привлечен по делу Заславского, но сенатом оправ-

дан" (это не верно,—он привлекался к следствию, но в группу 15, преданных суду сената, не вошел, с ним расправились административно). „Состоит в связи с перечисленными". Шемиот Владимир „ходит по фабрикам и другим мастерским и распространяет разные пропаганды", „раздает книги и газеты революционного содержания", „вращается более в кругу молодых людей рабочего класса". Другой Шемиот, Павел „был замечаем с 1874 г. по делу Заславского". Горянинов Иван, сапожник,— „посещают молодые люди ремесленники".

В этих списках за этот же год—еще человек 25 приказчиков, наборщиков, слесарей, столяров, токарей, машинистов, в значительной части с железных дорог, замеченных в участии в многочисленных сходках и в распространении литературы. Машинист Иван Кобцев „привозит и развозит литературу", „Воскресенский приехал из Киева с месяц назад, посредник между Киевом и Одессой", Погребницкий, слесарь жел. дор. „приехал из Полтавы год назад, там сидел за политические дела". Все они замечены во встречах с теми пропагандистами и рабочими, которые составляли ядро второго „Союза". Следует отметить, однако, что сведения и наблюдения жандармов очевидно далеко не полны. Напр., мы уже знаем, что членом Исполнительного Комитета второго „Союза" был слесарь Спирин, между тем его имени не встречается в списках лиц, попавших в этот период в круг наблюдения жандармов.

Все эти длинные списки представляют громадный интерес. Они показывают, как обширны были связи Заславского и его организации, и с другой стороны,—какая крепкая революционная закваска была заложена в рабочую среду первым „Южно-Российским Союзом". Жестокий разгром Союза не остановил движения и не запугал его участников. Если даже учесть, что в отношении ряда лиц и фактов жандармские сведения преувеличены,—все же мы видим *даже через три-четыре года после гибели первого Союза большую активность рабочих и стремление их к организации.* Не только уцелевшие первоначально, но и отбывшие наказание участники Союза возобновляют, по возвращении на родину, прерванную работу. Собираются массовые собрания. Делаются попытки создания организационных центров и опорных пунктов,—к ним, напр., относится, вероятно, попытка сплочения вокруг кооперативной сапожной мастерской в 1876 г.

Как видим, попрежнему применяются методы организации и работы, испытанные в свое время под руководством Заславского. Связи революционных рабочих ячеек широки, и нет в Одессе ни одного предприятия, где не чувствовалась бы пропаганда. Особенно прочны, повидимому, корни пропаганды и организации в железнодорожных мастерских. Имеются и связи с другими городами.

Прежние участники Союза, а затем и новые распропагандированные ими рабочие постоянно переходят с одного предприятия на работу в дру-

гое, перезжают из города в город. Делается ли это ими преднамеренно или же потому, что хозяева предпочитают поскорее избавляться от беспокойных и поднадзорных людей,—но последствием этого является знакомство широких рабочих масс с революционными и классовыми идеями. „Беспокойный элемент“ не молчит, он „отзывается в разговорах очень резко“. Правда здесь уже нет крупных деятелей, но изо дня в день у станков зреет рабочая мысль, готовясь к будущему, впитывая в себя уроки прошлого и настоящего. Не-даром же *через десяток лет уже настоящие социал-демократы марксисты нашли в массе уже значительно подготовленную взрыхленную почву.* Это была жатва тех семян, которые сеялись еще „Южно-Российским Союзом Рабочих“.

В ночь на 1 июля 1879 г. арестованы в Одессе 37 „неблагонадежных“, в списке арестованных—имена из числа перечисленных выше. В то же время произведены аресты и в Кишиневе (Третьяков), Керчи (Петров и Добровольский). Несколько человек, которых собирались захватить жандармы, оказались неразысканными. Арестованные были высланы частью в Архангельскую губернию, а большинство—в Восточную Сибирь. Повидимому, эта расправа и была разгромом второго „Южно-Российского Союза“. Процесса в суде, который только дал бы материал для агитации, жандармы избегали.

Но и эти аресты не вырвали корней „брожения“ в рабочей среде. Развивающийся капитализм

сам по себе был сильнейшим бродилом. Идея организации рабочих, уже жившая в рабочих массах, усиливала его действие...

„Северно-Русский Союз Рабочих".

Второй „Южно-Российский Союз Рабочих" — не единственный непосредственный след эпохи первого Союза. Самая идея рабочего союза получила широкое распространение, и уже не только в Одессе, но и в других городах стали делаться попытки создания таких союзов.

Находившийся за границей П. В. Аксельрод,— очевидно по просьбе рабочих,—написал программу для „Южно-Русского Рабочего Союза" и довольно большую об'яснительную записку к ней. Это было в 1878—79 г. Таким образом, тут речь идет о *третьем союзе в Одессе*, проникнутом все теми же началами, которым учил рабочих Заславский. Именно о третьем, ибо Аксельрод не имел прямого касательства ни к первому, ни ко второму, а устав второго Союза был написан в Одессе уцелевшими участниками первого. О практической деятельности этого третьего Союза не сохранилось никаких данных. Можно думать, что деятельности и не было, а была только попытка начать ее, но, повидимому, попытка, все же исходившая от какой-то организованной единицы.

Можно сопоставить эту попытку и с поездкой в это время, в 1878 г.,—правда не из самой Одессы (отсюда он уехал значительно раньше)—за

границу Виктора Обнорского. Для того, чтобы были понятны обстоятельства этого момента, нужно несколько вернуться к предыдущим годам и более подробно рассказать об Обнорском и его деятельности, которой мы уже много раз касались.

Виктор Обнорский, слесарь, впервые познакомился с революционной пропагандой еще на севере, в очень молодых годах. Он попал в один из кружков народников—„чайковцев", ведших пропаганду среди рабочих, и быстро воспринял народническую идеологию. Когда осенью 1873 года кружки чайковцев в Петербурге были разгромлены, Обнорскому удалось избежать ареста и уехать сначала в Олонецкую губернию, а затем на юг, в Одессу. Приехал он сюда в конце 1873 года, уехал обратно в Питер в апреле 1874 г. В течение нескольких месяцев своего прибывания в Одессе Обнорский работал слесарем на газовом заводе, на заводе Фалька, на водопроводе и в железнодорожных мастерских. Здесь он встретился с Рыбицким и Кравченко, познакомился через них с идеями Заславского, и глубоко воспринял их. Он стал участником „Южно-Российского Союза". На заводе Фалька при участии его, Рыбицкого и Кравченко (повидимому, Кравченко Якова, а не Федора), образовался кружок, в который входили рабочие: Баранцов, Страхов и Дицман. Затем через слесарей Масловского и Егорова этот кружок завязал связи и с рабочими водопровода. Повидимому, Обнорскому пришлось уехать из Одессы, потому что

его дальнейшее пребывание там становилось опасным.

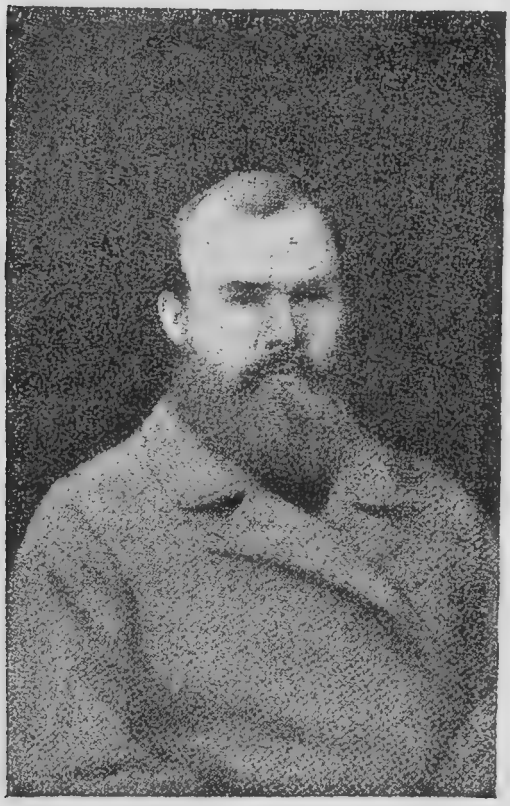
Впоследствии деятельностью Обнорского в Одессе жандармы очень интересовались, интересовалось им и „третье отделение“. Так, в 1874 г. третье отделение сообщало в Одессу: „Осенью минувшего года из Петербурга отправились в Одессу бывший студент технологического института Александр Александров Лисовский и крестьянин Вологодской губернии Виктор Павлов Обнорский. В настоящее время сделалось известным, что лица эти принадлежат к обнаруженному в Петербурге и преследующему антиправительственные цели кружку из учащейся молодежи и фабричных рабочих [1]). Оба означенные лица, как оказывается, отправились в Одессу с поручением сотоварищей по кружку вербовать рабочих в их партию и возбуждать их к беспорядкам. Положительно известно, что Обнорскому в конце прошлого 1873 года выслано было в Одессу по почте 20 рублей от его петербургских товарищей“.

Одесские жандармы по этим указаниям стали разыскивать. Установили, что Обнорский работал сначала на газовом заводе короткое время, затем у Фалька с 25 октября по 8 декабря 1873 года, потом на водопроводе, что он давал другим рабочим читать книжки и что в апреле 1874 года вы-

---

[1]) Речь идет, видимо, о кружке „чайковцев“, к которым был причастен Обнорский до того, как, спасаясь от ареста, уехал в Одессу.

ехал в Петербург с царским поездом в качестве работника при машинисте. Затем жандармы теряют след Обнорского. Позже, в ноябре того же года, полковник Кноп приходит к заключению, что в связь с делом Обнорского может быть поставлено дело арестованного за распространение нелегальных книг Ревицкого. Кноп не ошибся.



Виктор Обнорский.

Таким образом, Обнорский пробыл в Одессе сравнительно недолго, лишь немногим более полугода, но пребывание это было для него чрезвычайно плодотворно. Он в значительной мере изжил народнический подход к работе в среде городского пролетариата, усвоенный им в кружках „чайковцев“ в Петербурге, и прочно воспринял идеи Заславского и „Южно-Российского Союза Рабочих“, выдвигавшие на первый план задачу создания самостоятельной и самоценной рабочей классовой социалистической организации. В кружках Заслав-

ского же Обнорский впервые познакомился со значением и формами рабочего движения на Западе. Повидимому, это движение его очень заинтересовало, и он постарался ознакомиться с ним непосредственно. Есть сведения, что уехав из Одессы сначала в Петербург, Обнорский затем поехал на некоторое время за границу.

В 1877 г. Обнорский опять появляется в Петербурге, затем опять едет за границу летом 1878 г., чтобы получше ознакомиться с рабочим движением на Западе. По воспоминаниям Л. Дейча, с которым он встречался, Обнорский держался в стороне от эмигрантских кругов, относясь к интеллигентам-эмигрантам критически, и более или менее сблизился только с П. В. Аксельродом, уже тогда придававшим огромное значение рабочему движению на Западе. Побывавши в Париже, Лондоне и Берлине, Обнорский знакомился с литературой и изучал практику европейского рабочего движения. Зимою 1878 г. Обнорский появляется в Петербурге с готовой в голове программой самостоятельной рабочей организации, и вскоре вместе с Халтуриным *основывает „Северный Союз Русских Рабочих“*.

То обстоятельство, что именно в период встреч с Обнорским Аксельрод пишет программу и об'яснение к ней для намеченного нового „Южно-Русского Рабочего Союза“ заставляет предположить, что к этой проектировавшейся организации имел касательство и Обнорский,—прежде участвовавший под непосредственным руководством За-

славского в кружках „Южно-Российского Союза Рабочих". Это, с одной стороны, говорит о том, как долго проявляли в Одессе и вообще на юге жизнеспособность корни, оставленные первым „Союзом", а с другой стороны—лишний раз подчеркивает, что „Северно-Русский Рабочий Союз" Обнорского и Халтурина был прямым идейным продолжением „Южно-Российского", тем более, что программа и теоретическое обоснование „Северного Союза" были созданы главным образом именно Обнорским, учеником Заславского.

Преемственная связь между „Южно-Российским" и „Северно-Русским" союзами доказывается не только тем, что ученик Заславского Обнорский был основателем „Северного" союза, но и тем, как строился этот „Северный" союз и как он формулировал свою программу. Во-первых, самое *наименование:* „Северно-Русский Союз Рабочих"—точное воспроизведение наименования первой организации, применительно только к северному району вместо южного. Дальше—вот начало *программы „Северного" союза:*

„*Сознавая* крайне вредную сторону политического и экономического гнета, обрушивающегося на наши головы со всею силою своего неумолимого каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социального положения, лишающего нас всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существование, сознавая, наконец, более невозможным сносить этот порядок вещей, грозящий нам полнейшим материальным лишением и парализациею духовных сил, мы, рабочие Петербурга, на общем собрании от 23 и 30 декабря 1878 г. пришли к мысли об организации обще-русского

союза рабочих, который, сплачивая разрозненные силы городского и сельского рабочего населения и выясняя ему его собственные интересы, цели и стремления, служил бы ему достаточным оплотом в борьбе с социальным бесправием и давал бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успешного ведения борьбы.

„Организация Северного Союза Русских Рабочих должна иметь строго определенный характер и преследовать именно те цели, какие поставлены в ее программе.

„В члены этого союза избираются исключительно только рабочие и через лиц более или менее известных, числом не менее двух.

„Все члены союза должны сохранять между собою полную солидарность и нарушивший ее подвергается немедленному исключению.

„Каждый член обязан вносить в общую кассу Союза известную сумму, определяемую на общем собрании членов.

„Делами Союза заведывает комитет выборных, состоящий из 10 членов, на попечении которого лежат также обязанности по кассе и библиотеке".

Далее, пункт первый программы задач: „Ниспровержение существующего *политического и экономического строя государства,* как строя *крайне несправедливого*" и т. д.

Затем подробно излагаются организационные принципы Союза, его политические и экономические требования и т. д.

Программа „Северного" Союза разработана гораздо полнее и обстоятельнее Устава „Южно-Российского". Это совершенно естественно хотя бы уже по одному тому, что со времени выработки этого первого, примитивного устава прошло ко времени создания „Северного" союза уже пять лет.

Но разве не звучат в этом втором уставе-программе явственные нотки первого? Разве уже это первое слово, с которого начинаются оба исторических документа, „*сознавая*“,—не указывают на их преемственную связь, на то, что программа „Северного“ союза есть дальнейшее развитие, углубление и уточнение „Устава“ „Южно-Российского? В этом же убеждает и ряд других выражений и формулировок в программе „Северного“ союза („невыносимая тяжесть социального положения“, „лишающая надежды“,—вспомним: „при полном сознании безвыходного положения“, и т. д.).

Подходя к разработке своей программы, петербургские рабочие так или иначе уже имели пред собою опыт своих южных товарищей, и из этого опыта, закрепленного за пять лет до того, в 1874 году, в „Уставе“—исходили при дальнейшей разработке и уточнении своей программы. Обнорский должен был знать о нем и мог помнить даже отдельные выражения „Устава“. Но дело не только в выражениях, а и в существе дела. Северный союз, так же, как и Южный, построены на мысли о громадном историческом будущем, какое предстоит самодовлеющей, самоценной классовой организации рабочих, не являющейся чем-то подсобным „народной“ крестьянской организации, а наоборот—ведущей эту крестьянскую массу за собою [1]).

[1]) *От редакции.* Необходимо еще раз подчеркнуть, что выводы автора относительно преемственной связи между „Южно-Российским“ и „Северно-Русским“ союзами являются крайне спорными.

Преемственность между „Северно-Русским“ и предшествовавшим ему „Южно-Российским“ союзами рабочих тем более важна и знаменательна, что „Северно-Русский“ Союз по справедливости считается предшественником социал-демократии в России. Да и уже в самой своей программе он отмечает, что „тесно примыкает по своим задачам к социально-демократической партии Запада“. *Таким образом, еще более ранним предшественником социал-демократии в России является „Южно-Российский Союз Рабочих“.* Вспомним, что Заславский учил своих последователей интересоваться рабочим движением на Западе,—и это было еще тогда, когда вряд ли многие даже из самых знающих и чутких революционеров в России достаточно понимали и учитывали громадное значение международной солидарности рабочих в революционном движении всего мира. При всем том, конечно, социал-демократом и марксистом Заславский еще не был.

Киевский „Южно-Русский Рабочий Союз“.

Параллельно тому, как на севере „Южно-Российский Союз Рабочих“ нашел свое продолжение в лице „Северного“ Союза,—продолжатели его не

Во всяком случае вряд ли можно придавать, как это делает автор, такое большое значение личному пребыванию в конце 1873—начале 1874 г.г. в Одессе Виктора Обнорского, игравшего впоследствии крупную роль в „Северном Союзе“. Ведь между Одессой и образованием „Северного Союза“ в жизни Обнорского лежит период пребывания за границей и знакомства с тамошним рабочим движением.

переводились и на юге. В общем, можно насчитать на протяжении от 1876 до 1881—2 г.г. пять или шесть попыток создания в разных городах рабочих союзов. В Киеве по инициативе бывших „чернопередельцев" Н. П. Щедрина и Е. Н. Ковальской был создан „Южно-Русский Рабочий Союз", существовавший еще в 1881 году и имевший связи с другими городами. В Харькове в 1882 г. также отмечаются следы существования „Южного Рабочего Союза".

Киевский союз, руководившийся Ковальской и Щедриным, является наиболее интересной из всех этих организаций. От этой организации остался след в виде ряда прокламаций, печатавшихся ею в „Южно-Русской Вольной Типографии". Союз имел и свою печать, символического характера, изображавшую перевитые между собою топор, молот и револьвер. Но наличность в этом, так сказать, гербе Союза револьвера и топора еще не свидетельствует об исключительно или чисто террористическом характере этой организации. Разумеется, идеи терроризма, охватившие в то время уже значительные круги революционеров, не могли не наложить отпечаток на характер „Южного Рабочего Союза". Но все-таки он не придавал террору того решающего и спасительного значения, какое приписывала ему властительница дум тех лет, партия „Народной Воли" [1]) Самым

[1]) Впрочем, В. Невский в „Очерках по истории РКП" считает программу этого союза типично-народнической, подчеркивает в

важным и основным Союз Киевский считал не террористическую политическую борьбу и не цареубийство, а движение и восстание рабочих масс. Эта точка зрения ярко сказывается, например, в прокламации, выпущенной этим Союзом тотчас же по получении известия об убийстве народовольцами царя Александра II. Прокламация выпущена на другой же день после убийства,— 2 марта 1881 г. Приведем полностью ее текст, впервые опубликованный в журнале „Каторга и Ссылка“ (№ 5 за 1923 год):

От Южного Рабочего Союза.

Царь убит социалистами-революционерами. Это, во-первых, месть за те десятки виселиц, за те тысячи честных душ, замурованных в тюрьме и на каторге, которыми благодушный царь украсил конец своего царствования; во-вторых, они думали смертью царя произвести волнение умов, и тем самым побудить народ выступить более энергично со своими заветными требованиями. Мы, рабочие „Южного Союза“, думаем, что и десяток убитых царей не поможет народному горю, если этот самый народ не подымется дружно, как один человек, и не выскажет свою волю.

Если новый царь будет даже и лучше старого,—все-таки ему не понять нужды и горя народного; одному человеку не снять того гнета помещиков, фабрикантов и чиновников, который тяжким бременем лежит уже много веков на плечах рабочего люда. Еще хуже будет, если новый царь станет управлять народом помощью дворянства да купечества. Теперь всякого мироеда еще можно

ней отрицательное отношение к борьбе за политическую свободу и признание экономического террора, находит, что она, как небо от земли, отличается от программы „Северно-РусскогоРабочего Союза“ и является по сравнению с ним шагом назад. При всем том, однако, Киевский Союз представляет большой интерес в связи с историей южно-российских союзов, ведущей начало от кружков Заславского

пугнуть, а тогда он будет мироед на законном основании, как власть имущий; тогда смерть одного плута вызовет целую бучу со стороны другой мелочи—кулаков, а, пожалуй, и разжиревшего на казенной начинке нашего ж брата рабочего. С одним царем еще сладишь, а с сотнею царьков не управишься.

Поэтому мы, „Южного Союза" рабочие, призываем всех честных людей соединиться с нами на таких требованиях, которые послужат первою ступенью наших заветных дум.

Вот чего мы требуем:

1) Законодательства фабричного, ограждающего рабочего от произвола капиталиста.

2) Свободы слова, сходок и рабочей печати.

3) Свободы союзов и ассоциаций.

4) Прекращения личных казенных платежей и увеличения рабочей платы.

5) Уменьшения рабочих часов, дарового обучения.

Мы должны дружно стоять на этом и доказать, что примеры мужества наших друзей, жертвующих жизнью для блага родины, не пропадают даром; что правда живет еще в сердце рабочего; что хищники и угнетатели народа не останутся и у нас в долгу.

Положение рабочего таково, что он не уверен в завтрашнем дне; он не уверен, что завтра не пойдет с сумой от безработицы, а семья его не пропадет с голоду.

Довольно ж надеяться и ждать чужой помощи.

С каждым годом живется все труднее; петля капиталиста, накинутая на шею рабочего, стягивается все туже. Ждать ли нам, чтобы она совсем задушила нас? Каждый честный работник пусть пристанет к нашему „Союзу", и дружнее пойдет работа общими силами.

На вас же, члены нашего „Союза", лежит вся ответственность за будущее рабочих. Вы—светоч темного люда; вы умственная и нравственная сила народной массы. Удесятерите ваши силы в деле организации. Действуйте словом, делом и примером. Сплачивайте вокруг себя верных и честных людей; ваше дело не пропадет. Доброе семя упадет на добрую почву. Вокруг нашего знамени сомкнется дружная боевая сила, и не страшны будут нам ни цари-

вещатели, ни своры их наемных слуг, ни тысячи штыков, на которых только и держатся царские троны. Штыки эти будут наши штыки. И разорвутся тогда вековые кандалы, в которых произвол царский держал ум, чувство и волю русского народа.

2 марта 1881 года.

Южно-Русская Вольная Типография.

Печать Южно-Русского Рабочего Союза.

В этой прокламации, рядом с отрицанием индивидуального террора, как всеспасительного метода борьбы, несмотря на все уклоны и ошибки явственно звучит голос класса, голос пролетарского классового чутья. Цареубийство — несущественная деталь.

И в то же время — в „гербе" Союза, в его печати — не только молот, но также топор и револьвер. Прокламация по поводу казни царя раскрывает смысл и значение этих револьвера и топора. Это — оружие не для индивидуального террора и не для убийства отдельного царя. Это — оружие массовой борьбы рабочих за свое освобождение. Союз мыслит себя организацией боевой, — в этом отношении он отличается от первого „Южно-Российского Союза". Но вместе с тем он мыслит себя прежде всего организацией масс, — и в этом отношении в нем отражается идейное наследие учения Заславского. В нем чувствуется, правда, и анархистский, анархо-синдикалистский уклон, — но ведь нужно учесть, как трудно было пролетарской мысли того времени прокладывать себе правильный путь. Крайне ненормальные условия препятствовали нормальному развитию как пролетарской органи-

зации, так и пролетарской мысли. И все-таки даже в уклонах этих лет мы замечаем здоровые ростки тех зерен, которые были брошены Заславским и возглавлявшейся им организацией во впервые взрыхленную ими почву пролетарской революции.

Киевский „Южно-Русский Рабочий Союз" имел ответвления и в Одессе, там распространялись его прокламации очень скоро после их выхода в свет. Их распространял между прочим Наум Геккер. В 1881 г. жандармами был захвачен кружок Вениамина Грега, его братьев и ряд рабочих. Найдены были „Правила" кружка, написанные В. Грегом. Привлечены к этому делу слесарь Надеев, маляр Кучеренко, литейщик Митрофан Курышкин, резчик печатей Пинхус Левиаш, рабочие табачной фабрики Иосиф Райх, Мордухай Грег, Шмуль Бернштейн, Штейнглаз и др.,—и опять тут отмечаются связи среди рабочих на вокзале и железнодорожников. Но обращает на себя внимание, что в деятельности этого кружка, повидимому, не было четкости и определенности в проведении собственного мировоззрения. Кружок распространял прокламации „Южно-Русского Рабочего Союза", по существу направленные против взглядов и действий „Народной Воли", и в то же время у В. Грега, которого жандармы изображают центральной фигурой кружка, найдены при аресте обрывки бумаги с надписью: „В пользу социального дела в России" и с печатью „социально-революционной партии Народная Воля".

Таким образом, несомненно, что постепенно одесские революционные рабочие значительно отошли от первоначального учения Заславского и „Южно-Российского Союза Рабочих", но все же движение в их среде продолжалось. Оно создавало почву для работы и в дальнейшие годы. В 1882 г. среди них намеревался вести работу Степан Халтурин. „Северно-Русский Союз" в то время уже не существовал, сам Халтурин принял активное участие в террористической деятельности „Народной Воли", а в Одессу приехал тоже с террористическим заданием. Здесь он убил прокурора по политическим делам Стрельникова, известного жестокостью по отношению к политическим заключенным. Захваченный под чужим именем, Халтурин был в Одессе же казнен за это убийство. В архивах Одессы сохранилось показание, данное Халтуриным, все еще скрывавшим свое имя, за несколько часов до смерти. В этом показании он и рассказывает о своем намерении вести работу среди рабочих.

Мы пока не имеем еще достаточных данных для того, чтобы в деталях проследить дальнейшие этапы рабочего движения в Одессе на протяжении 80-х годов. Но мы знаем, что к концу 80-х годов и к началу 90-х именно здесь зародились одни из первых социал-демократических рабочих кружков, в рядах которых выдвинулся ряд и поныне здравствующих крупных деятелей рабочего движения. Революционная мысль одесских рабочих на протяжении ряда лет, в процессе активной работы,

изжила неизбежные в условиях того периода увлечения народничеством и затем народовольчеством и снова вернулась к тем положениям,—на этот раз уже, разумеется, более четким и ясным,—которые впервые, хотя еще только намеками и самыми общими контурами, были выдвинуты первым „Южно-Российским Союзом Рабочих". Только длительная и кропотливая разработка материалов, сохранившихся в нынешних революционных архивах, и воспоминаний уцелевших участников движения даст впоследствии возможность в подробностях восстановить поучительную картину развития пролетарской мысли и рабочего движения в эти долгие годы реакции. Пока мы можем указать только самые общие ее черты.

X. Через полвека.

Судьба замученных.

Наш рассказ о „Южно-Российском Союзе Рабочих“ был бы неполон, если бы мы не рассказали еще нескольких подробностей о судьбе отдельных его участников и о том, где и как нашли они безвременную и мученическую могилу. Нужно, впрочем, оговориться, что едва ли не о большинстве из них ничего почти неизвестно.

Заславский, как мы уже знаем, погиб в царском застенке, очень скоро после жестокого суда над участниками „Союза“.

Сергей Наддачин, отбывавший наказание в Селенгинске, от невыносимой тоски по родине бросился с высокой скалы вниз головой и разбился насмерть.

Виктор Обнорский в 1879 г. пал жертвой провокации, арестован и осужден на 10 лет каторжных работ. Отбывал каторгу в Нерчинске. Погиб в начале 90-х годов.

Григорий Анфимович Попко умер 20 марта 1885 г. в Нижне-Карийской тюрьме от туберкулеза.

Оба брата *Ивичевичи* погибли в Киеве в 1878 г.— убиты при вооруженном сопротивлении жандармам, защищая тайную типографию.

Спирин погиб на румынской или австрийской границе при исполнении поручения „Народной Воли".

М. Терентьев (отколовшийся от „Южно-Росс. Союза", примкнувший к бунтарям и судившийся отдельно), отбыв каторгу и поселение, вернулся в Одессу, где никак не мог устроиться. С группой небогатых интеллигентов (в их числе и младший брат Ивичевичей Павел) он отправился на Кавказ, где основал земледельческую колонию. Год спустя, заблудившись в горах Черноморского побережья, сорвался со скалы в ущелье, сломал ноги и умер от голода.

Оба брата Тефтула умерли от чахотки. *Иван Тефтул* (также ушедший от организации Заславского к бунтарям и судившийся отдельно, присужденный к 10 годам каторги) умер в Якутской городской больнице в 1893 году.

Степан Степанович Наумов по возвращении из Сибири снова поселился в Одессе. Он,—вспоминает Владыченко,—всю жизнь оставался верен своей „философии борьбы" и избегал „мерять аршином цели и результаты". Несмотря на тяжелые лишения, он не падал духом, не терял бодрости. В Одессе он пользовался большой популярностью. Умер он в Старой городской больнице в 1905 го

ду, от истощения и вызванного дурной пищей острого воспаления печени. Похороны его превратились во внушительную демонстрацию. В них участвовало не менее 10.000 человек [1]).

Об остальных активных работниках первого „Союза" ничего не известно. В казематах тюрем, в тундрах Сибири погибли они.

Из участников второго „Союза" до недавнего времени жил и работал в Одессе *Лука Чижиков.* В кругах любителей книги он был известен своими работами по книговедению и библиографии. При советской власти он неутомимо работал как работник советской юстиции, а последнее время до своей смерти был народным нотариусом. Скончался в Одессе весною 1924 года.

Поныне живет в Одессе участник первого и второго „Союза" *Петр Владыченко.*

Михаил Петрович Сквери, отбывший поселение, также вернулся потом в Одессу, прожил здесь много лет и здесь же скончался 13 октября 1924 г., после долгой и тяжелой болезни.

В некрологе М. П. Сквери, напечатанном в одесских „Известиях", находим некоторые под-

---

[1]) Воспоминания Б. Е. Окольского (в сборнике одесского истпарта „Южно-Росс. Союз Рабочих") о встречах с Наумовым в 90-х годах рисуют его мировоззрение в то время, как уже весьма четкое марксистское соц.-демократическое. Между тем в своих разговорах в 90-х годах Наумов повторял многое из того, что он же говорил в 70-х годах.

робности, относящиеся к биографии его [1]). Родился М. П. Сквери в Одессе в 1855 году. Отец его был переселившийся в Одессу итальянец, а мать крепостная крестьянка. Деятельный и трудолюбивый отец Сквери сумел дать своим детям образование. М. П. учился в реальном училище. Однако, как мы уже знаем, смерть отца оставила семью без средств, М. П. училища не окончил и поступил конторщиком на завод Гулье-Бланшард. Знание языков и общее развитие давали юноше основание рассчитывать на неплохую по обывательским понятиям и спокойную карьеру. Он, однако, вместо „карьеры" предпочел уйти в лагерь борющегося революционного пролетариата. Сближение с рабочими предопределило его судьбу. Во время дознания по делу Союза жандармам удалось запутать его и вырвать кое-какие признания на допросе. Но в одиночном заключении до суда он держался с достоинством, так же, как затем и на суде. Судьи и жандармы не простили ему этого, и он подвергся тяжелому наказанию.

После разгрома „Южно-Российского Союза Рабочих" и сурового суда М. П. очутился в Сибири. Здесь прошла вся его молодость. Но не погасли в Сибири его стремления. Отбыв долголетнюю

---

[1]) Очень тепло написанный некролог Сквери, принадлежащий перу его сотоварища по Южно-Российскому Союзу, П. Владыченко, напечатан также в журнале „Каторга и Ссылка", № 1 (14) за 1925 г. В нем много рассказано о последних годах жизни М. П. Сквери.

ссылку и вернувшись в Одессу, он не оставил общественной работы. Разумеется, жандармы не оставили его своим вниманием. За участие в организации учительского союза М. П. снова попадает в тюрьму, но сравнительно не надолго. Это было в 1907 году.

Революция 1905 года застала М. П. в горячей работе по организации ремесленных рабочих на окраине Одессы, так-называемой Молдаванке. В то же время он (вместе с проф. Маркевичем) был одним из создателей Одесской Общественной Библиотеки. Эта библиотека в течение многих лет пользовалась громадными симпатиями трудящихся Одессы и была одним из центров их умственной жизни и просветительной работы. Впоследствии, после Октябрьской революции, эта библиотека стала ядром Центральной Рабочей Библиотеки (руководимой Культотделом Одесского Губпрофсовета). Сквери организовал также библиографические курсы и читал на них лекции, работал в обществе сельского хозяйства, в кооперации и т. д.

С самого начала революции 1917 года Сквери был на стороне большевиков. Припоминаю М. П. Сквери на втором с'езде солдатских и рабочих депутатов Румынского фронта в Одессе в декабре 1917 года. Этот с'езд завершил и оформил Октябрь на фронте, избрал взамен прежнего соглашательского Румчерода (так назывался Центральный Исполнительный Комитет Румынского фронта, Черноморья и Одесской области) новый большевистский,

немедленно признавший власть Совета Народных Комиссаров и провозгласивший ее в Одессе. На самом с'езде шла горячая борьба между соглашательскими группами эс-эров и меньшевиков и большевиками. Последних поддерживало большинство фронтовых делегатов — солдат. М. П. Сквери был в числе гостей с'езда, на трибуне. И как горячо воспринимал этот старик с копной седых курчавых волос на голове горячие речи солдат-большевиков, как подбодрял он их возгласами, каким огнем горели его глаза, какой порыв был во всей его небольшой, но крепкой фигуре... Этот седой порывистый гость с'езда обращал на себя внимание.

М. П. Сквери.
(Фотография последних лет).

— Кто это?—спрашивали многие.

— Старый народоволец,—отвечали более осведомленные. Этот ответ был не вполне точен, ибо Сквери принадлежал, как мы знаем, к другим и притом еще более ранним группам, но суть не в том. А в том суть, что до конца дней Сквери сохранил юношеский революционный пыл.

При советской власти он сразу стал работать на пользу революции в меру оставшихся еще сил. Он работал в Губюсте и в комиссии по разборке революционных архивов и впоследствии в Истпарте. В то же время он не оставлял любимой своей библиотечной работы и был красным библиотекарем в полном смысле этого слова. М. П много работал и в бывшей Одесской публичной библиотеке.

Литература, материалы и источники.

Литература о „Южно-Российском Союзе Рабочих" до сих пор крайне бедна, и по этой бедности своей отнюдь не соответствует громадному историческому значению этого „Союза" в развитии рабочего движения в России. Больше того, самая роль „Союза" до последнего времени не была достаточно оценена,—этим, быть-может, бедность литературы о нем в значительной степени и об'ясняется. Сказались в этом и последствия того „заговора молчания", который с самого начала был создан царским правительством вокруг „Союза" и его процесса,—старания жандармов и про-

куроров превратили „Союз“ в какого-то долго неразгаданного „узника в маске“ романтических легенд рыцарского средневековья. И лишь в последние годы, когда раскрывшиеся жандармские и судебные тайники дали возможность уяснить истинное значение „Южно-Российского Союза“, стали извлекаться из тьмы забвения существеннейшие детали, касающиеся „Союза“, и его история и роль в развитии рабочего движения стали предметом внимания и исследования. Он, наконец, дождался признания, хотя в более или менее широких кругах о нем и о его замечательных деятелях и до сих пор знают обидно мало. Впрочем, в оценке идеологической стороны „Союза“ до сих пор еще много спорного, ряд деталей вызывает сомнения и разногласия, в виду того, что вопрос еще недостаточно исчерпывающим образом исследован.

В заграничной подпольной литературе в годы, последовавшие вслед за ликвидацией „Союза“, краткие сведения о нем, проникшие за границу, были приведены в журнале Лаврова „Вперед“. Там же, в книге V, был напечатан обвинительный акт и приговор суда. Из журнала „Вперед“ краткие сведения о Союзе были воспроизведены Лавровым в его книжке „Народники-пропагандисты“, а обвинительный акт и приговор—сначала в заграничном издании книги В. Базилевского (Богучарского) „Государственные преступления в России в XIX веке“, а затем и в легальном издании

этой книги, вышедшем в 1906 г. в „Донской Речи".

В брошюре А. Ельницкого „Первые шаги рабочего движения в России" Союзу посвящается одна-две странички. Так же мимоходом затрогивается вопрос о „Южно-Российском Союзе" и в других брошюрах.

В заграничном „Былом", а затем в „Былом" легальном 1907 года также появились лишь самые отрывочные сведения о Союзе. В частности, в № 5 „Былого" за 1907 г. несколько подробностей о Заславском в воспоминаниях С. Жебунева, и о позднейшей деятельности Союза—в воспоминаниях Р. Стеблин-Каменского о Г. А. Попко (там же портрет Попко). Эти воспоминания перепечатаны из заграничных изданий.

В 1921 году выпущена в Одессе Всеукраинским Государственным Издательством небольшая книжка М. П. Сквери „Первая рабочая социалистическая организация в Одессе" (69 страничек небольшого формата). Затем в № 5 „Каторги и Ссылки" за 1923 год появились воспоминания П. Владыченко „Памяти учителя и погибших друзей", несколько слов А. Шехтер о Заславском в воспоминаниях о движении 70-х годов, и еще одна работа М. П. Сквери с извлечением ценных архивных документов.

Наконец, Центрархивом подготовлен к печати сборник „Южно-Русские Рабочие Союзы", в кото-

рый вошли работы В. Невского и В. М. Коробкова [1]). Работы эти устанавливают, с одной стороны, влияние Интернационала на Устав „Южно-Российского Союза", и с другой стороны—преемственную связь между этим Союзом и „Северно-Русским" через Обнорского, который был учеником Заславского.

Первой большой книгой, где надлежащим образом оценено значение „Южно-Российского Союза Рабочих" и Е. О. Заславского и где им уделено достаточно внимания, является книга В. Невского „Очерки по истории РКП (большевиков)". В этой книге использованы и указанные работы в сборнике Центрархива, и сырые архивные материалы. В этом отношении книга Невского чрезвычайно ценна. Правда, некоторые выдвинутые Невским положения оспариваются другими авторами.

Наконец, одесским Истпартом еще в конце 1923 года подготовлен к изданию через Госиздат Украины большой сборник, посвященный Союзу и его деятелям и проредактированный Н. М. Осиповичем. Сборник этот вышел из печати к началу 1925 года. В нем, кроме материалов, уже ранее

---

[1]) Центрархив: „*Южно-Русские Рабочие Союзы*", под редакцией В. В. Максакова и В. И. Невского. Со вступительной статьей В. И. Невского. Издательство „Новая Москва", 1924 г., стр. 346. Здесь помещены: статьи *Невского*: „Первая классовая социалистическая организация рабочих в России", *В. К-ова*: „Южно-Российский Союз Рабочих", *Е. Н. Ковальской*: „Южно-Русский Рабочий Союз" (о киевском союзе), и много ценных архивных материалов об обоих союзах (одесском и киевском), именной указатель и т. д

опубликованных в других изданиях, имеются новые исследования по истории Союза сотрудника одесского Истпарта С. И. Мартыновского, воспоминания племянника Заславского—тоже Мартыновского (оба Мартыновских, однако, ни в каком родстве не состоят), воспоминания Б. Е. Окольского (племянник М. Терентьева) и др., в том числе ряд интересных документов, снимков и портретов [1]).

Портрет Заславского, разысканный сотрудником одесского Истпарта Н. М. Осиповичем, впервые за 50 лет напечатан в „Пролетарской Революции", № 1, за 1924 г. *Портреты Яна Рыбицкого и Федора Кравченко*, также разысканные одесским Истпартом, были впервые помещены в сборнике, посвященном 60-летию Одесских железнодорожных мастерских и вышедшем в Одессе в конце 1923 г. В этом же сборнике перепечатан „Устав" Южно-Российского Союза и приведены некоторые сведения о деятельности Союза среди железнодорожников. Портреты Кравченко и Рыбицкого перепечатаны затем в одесском журнале „Профессиональная Жизнь" (№ 57—58, июль 1924 года). Там же воспроизведен и портрет Заславского [2]). Портрет

---

[1]) Ко времени выхода в свет сборника одесского Истпарта моя работа была уже закончена, и потому в настоящей книге не исследованы некоторые детали и новые факты, сообщаемые в сборнике.

[2]) Портреты приложены к статье автора настоящей работы, предлагающего некоторые меры по увековечению памяти Заславского и других в Одессе.

Г. А. Попко помещен в „Былом“ за 1907 г. № 5. Портреты *Обнорского* неоднократно помещались в разных изданиях (между прочим, портрет его, снятый на Нерчинской каторге – в „Каторге и Ссылке“, 1923, № 5). В сборнике одесского Истпарта, кроме перечисленных, находим еще фотографии Сквери, Тефтула, Терентьева, братьев Ивичевичей, а также прикосновенных к „Союзу“ Е. Минакова, П. Валуева и С. Лиона. О появлении в печати портретов других деятелей Союза нам не известно.

В одесских архивах сохранилась лишь часть переписки по „делу Заславского“, некоторые черновики и т. д. Большая часть документов и вещественные доказательства были в свое время отосланы в Петербург, как материал для суда в Сенате. Имеющиеся в Одессе материалы непосредственно по делу и затем позднейшие материалы, обрывками разбросанные в разных отдельных делах и рисующие деятельность уцелевших от первоначального разгрома участников Союза в других организациях,—начали впервые изучаться работниками *Истпрофа* при одесском Губпрофсовете, В. М. Коробковым и И. Яновским. Работа велась в крайне тяжелой обстановке голодного и холодного 1921—22 года. Тем не менее ей было уделено очень много внимания и сил, главным образом В. М. Коробковым. В адском холоде архивов и самого ГСПС, коченеющими руками делались ценные выписки из документов и стара-

тельно сделана опись документов, хранящихся в жандармских архивах за несколько лет. Материалы эти освещают много интересных и существенно-важных деталей, в частности вопрос о влиянии Интернационала и вопрос об Обнорском. Эти материалы использованы Коробковым в его работе в упомянутом сборнике Центрархива. Часть черновых записей и неиспользованных еще выписок и описей документов, сделанных Коробковым, были им сданы в Истпроф при ВЦСПС и, по заданию Истпрофа, использованы в настоящей работе.

Начатое одесским Истпрофом изучение материалов о „Союзе" было затем продолжено и продолжается до сих пор *одесским Истпартом.* Разысканы им ценные документы, воспоминания и портреты. Подготовлен упомянутый выше сборник.

В „*Музее Революции*", организованном одесским Истпартом в залах бывшего „Английского клуба" в Одессе, выделен особый *уголок, посвященный „Южно-Российскому Союзу"*. В этом уголке выставлены для обозрения копии с некоторых документов, относящихся к Союзу, и портреты: Заславского, Обнорского, Кравченко, Рывицкого, Тефтула Ивана, Попко, Михаила Терентьева, Ивана Ивичевича (жандармский снимок с трупа), Красовского и Фомина-Медведева, недавно умершего Луки Чижикова и, наконец, современные портреты М. П. Сквери и П. Владыченко.

В Московском *Музее Революции* также уделено некоторое внимание „Союзу“ в отделе рабочего движения 70-х годов (плакаты и материалы).

В. Невский в „Очерках по истории РКП“ перечисляет, кроме общеизвестной литературы, также использованный им сырой архивный материал по делу „Ю.-Р.С.Р“, хранящийся в Петербурге в делах „третьего отделения“ („собственной е. и. в. канцелярии“) и Особого присутствия сената. Более обширный перечень архивного материала приведен Невским и Коробковым в сборнике Центрархива.

В настоящей нашей работе мы использовали почти весь имеющийся литературный материал [1]), затем материал архивный частью по хранящимся в *Истпрофе ВЦСПС* записям и выпискам Коробкова, частью по материалам в свое время Истпрофа одесского ГСПС и затем одесского *Истпарта*. Использовать непосредственно материал питерских хранилищ автор не имел возможности.

Разумеется, однако, всего этого материала далеко еще недостаточно для того, чтобы считать вопросы о „Южно-Российском Союзе Рабочих“ сколько-нибудь полно исчерпанными и освещен-

---

[1]) За исключением вышедших за последние месяцы сборников одесского Истпарта и Центрархива, с которыми автору удалось более подробно ознакомиться лишь тогда, когда настоящая книга была закончена. Благодаря этому, ценнейший материал этих сборников использован здесь, к сожалению, лишь в самой незначительной степени в отдельных вставках и примечаниях.

ными. Еще очень много пробелов, еще очень много неясностей и спорных моментов и в фактах, относящихся к истории „Союза", и, отсюда, естественно, и в оценках значения и смысла отдельных моментов его деятельности. Все это еще благодарнейший и интереснейший предмет дальнейших исследований. Исполняющееся в 1924—1925 годах знаменательное 50-летие „Союза" разумеется не может пройти бесследно и несомненно даст толчок для новых, более глубоких исследований в области истории „Южно-Российского Союза Рабочих".

Вместе с тем, важнейшей задачей, выдвигаемой 50-летием „Союза" является широкая популяризация в рабочих массах СССР всего того, что уже известно об этой бесспорно первой в России революционной организации рабочих, которая благодаря своему массовому характеру неизбежно и об'ективно стала также первой классовой организацией.

Светлая память первым борцам.

Итак, каков же исторический смысл тех событий, той страницы прошлого, страницы зарождения рабочего движения в России, которой посвящена наша книжка?

В „Очерках по истории РКП" В. Невский так суммирует эволюцию идей и организаций в эту эпоху:

„С изменением экономической структуры страны, с превращением ее в настоящую страну капиталистического хозяйства, развивалось стихийное рабочее движение, а вместе с ним из самых глубин рабочей массы выделялись, выплывали на поверхность отдельные представители рабочего класса, которые сначала под руководством интеллигенции, а затем и сами выковывали новое миросозерцание".

„С каждым днем выделение таких личностей становилось все больше и больше, и с каждым днем сами носители идеи освобождения рабочих становились все сознательнее и сознательнее. То там, то здесь, то в Одессе, то в Петербурге, то в Киеве, то в Ростове появлялись такие личности, которые, то приходя извне, в роде Заславского, то рождаясь в самой рабоче-крестьянской среде (Халтурин), то выделяясь городской мещанской средой (Обнорский), находящейся на границе пролетарского существования, — повсюду появлялись такие личности на поверхности политической жизни, и вливали сознательность в стихийное рабочее движение и тем самым подготовляли почву для развития настоящего социалистического рабочего движения".

„В восьмидесятые годы, в начале их, это еще одиночки, а в конце их и в начале 90-х годов это уже более или менее солидные группы. Таким образом, уже в это время готова почва, из которой должна вырасти новая невиданной силы

организация рабочего класса... Два процесса,— один медленного самостоятельного теоретического и практического оформления у себя дома, и другой—роста под влиянием Запада, и развиваются дальше в девяностые и девятисотые годы нашей истории".

Эта схема в общем и целом верна. Но начало намеченного в ней развития рабочего движения относится (этого, впрочем, вообще не оспаривает и Невский) еще к началу и середине 70-х годов. Вся история „Южно-Российского Союза Рабочих" показывает, что и в тот далекий период, от которого нас отделяет уже полвека, действительность рабочего движения не ограничивалась уже одной только „пришедшей извне" личностью Заславского. Оно представляло собою уже компактное массовое ядро, сплотившееся вокруг своего руководителя. Чрезвычайно знаменательно, что первая действительно рабочая классовая организация в России зародилась именно не как какая-нибудь заговорщическая группа, а как массовая организация с широко поставленными задачами подготовки в будущем массового действия. Так-же достопримечательно и то, что с самого своего зарождения рабочее движение в России, с первых же своих сознательных шагов идейно связано с рабочим движением в мировом масштабе, связано с Интернационалом.

В условиях русской действительности пятьдесят лет тому назад первая организация рабочих

не могла еще быть активно-боевой. Ее задача, совершенно точно формулированная идейным ее руководителем Заславским, была пока еще только подготовительная,—подготовка к *будущей* борьбе, накопление сил для будущего насильственного переворота с целью установления диктатуры труда. И потому, естественно, тактика этой первой организации должна была быть чрезвычайно осторожной, а недостаточно вдумчивому наблюдателю она могла бы даже показаться робкой. Так оценивали ее, в частности, народники того времени, особенно бунтари, не сумевшие уловить и понять глубоко революционную сущность этой организации и тактики.

В одной из речей о Ленине Троцкий мимоходом уделяет несколько очень любопытных слов характеристике Августа Бебеля,—оратор в этой речи останавливается на различных типах вождей пролетариата, вырабатываемых различными условиями разных этапов движения и борьбы (см. Л. Троцкий „О Ленине", стр. 152).

„Великий покойник Август Бебель отражал эпоху постепенного и медленного развития рабочего класса. Ему на ряду с железной энергией свойственна была крайняя осторожность в движении, ощупывание почвы, стратегия выжидания и подготовки. Он отражал процесс постепенного молекулярного накопления сил" пролетариата.

Эта характеристика тактики в еще большей мере применима к Заславскому, как первому

вождю пролетариата в России. Здесь „молекулы", первоначальные частицы, из которых только еще начинало собираться рабочее движение, были еще меньше, еще слабее, чем в Германии в эпоху Бебеля. Здесь первоначальный размах движения был значительно меньше, здесь количественная и качественная мощь пролетариата вообще, здесь все внешние условия были еще менее благоприятны, чем у Бебеля. Естественно поэтому, что тактика Заславского и организованных им рабочих была еще осмотрительнее, еще осторожнее. И тем не менее, при всей осторожности, это была в основе и по существу боевая, классовая тактика.

История „Южно-Российского Союза Рабочих" и его идей—это, разумеется, не история одного только Заславского. Это история коллективной эволюции идей, если можно так выразиться. Бесспорно, ни у Заславского, ни у всей массы организованных „Союзом" рабочих *идейный багаж не был все время одинаков,* он видоизменялся, развивался, обогащался по мере роста организации, по мере того, как она впитывала в себя инстинкты и настроения рабочих масс.

Заславский, несомненно, стоял головою выше своего поколения. Интеллигент-народник, он на несколько лет раньше общего „хождения в народ" совершил свое хождение в деревню и раньше других воспринял уроки этого хождения. Опору для революции он стал искать в среде городских рабочих, всего более опираясь на индустриальный

пролетариат. Правда, весьма вероятно, что подошел он к пролетариату *сначала* как типичный для того времени пропагандист-лаврист, то-есть народник. Но эта характерная для исходного момента работы идеология (а этим моментом был 1872 год) *далеко еще не определяет идеологии Заславского и „Союза" на протяжении всего периода работы,* и особенно к концу ее, т.-е. к последним месяцам 1875 года.

За три года Заславскому посчастливилось создать первую в России массовую рабочую организацию. Пусть вначале это был один из ряда других рабочих кружков, созданных народниками. Став впоследствии организацией *массовой,* она приобрела особые черты, *выделяющие ее из ряда других современных ей организаций.* Став массовой—разве могла она не оказывать неотразимого влияния и на своего учителя, столь склонного учиться из жизни, учиться у пролетарской массы? Естественно, что организация сама давала новое направление его мыслям и воззрениям, в свою очередь уточнявшим настроения и стремления рабочих.

На программе „Союза" влияние массы сказывалось не меньше, чем влияние руководителя. Под влиянием массы, Заславский отказывался от отдельных своих мнений и предложений. *Под неотвратимым воздействием рабочей массы и вместе с этой массой Заславский отходил—и значительно отошел*—от народничества.

Значение этого факта не умаляется тем, что этим первым отходом движение еще не было застраховано от позднейших уклонов в сторону народничества. Первые шаги на пути к марксизму еще не создали для новой пролетарской идеологии такой незыблемой основы, которая не поддавалась бы отрицательным влияниям неблагоприятных условий эпохи. Но это не должно умалять значения таких первых шагов.

Значительность того, что за короткое время и в самых неблагоприятных условиях успела сделать эта первая рабочая социалистическая организация в России, сила ее воздействия на окружающие рабочие массы, мощность толчка, который она дала дальнейшему развитию рабочего движения, поражают нас и сейчас, через пятьдесят лет после того, как были сделаны эти первые шаги в организации рабочего класса в России. Сейчас несомненно, что именно пятьдесят лет назад положено начало тому подготовительному процессу, который через полтора десятка лет создал уже взрыхленную, уже возделанную почву для тогда лишь начавшего окончательно оформляться социал-демократического движения в строгом смысле слова.

В том, что первые же социал-демократические организации нашли уже резонирующую, откликающуюся аудиторию, и живые рабочие кадры, готовые слушать классовые призывы и сплачивать свои силы для борьбы с классовыми врага-

ми,—в этом сказались не только результаты об'ективных экономических и социально-политических воздействий эпохи, но в частности,—и притом в весьма значительной степени,—результаты давней кропотливой, глубокие корни пустившей, широкими кругами разошедшейся в пролетарской подпочве сознательной и настойчивой работы, начатой первым отрядом пролетариата в глухие семидесятые годы.

Деятели „Южно-Российского Союза Рабочих", и среди них Заславский прежде всего, сумели перерасти значительную часть заблуждений своей эпохи, хотя разумеется они не переросли всех заблуждений. Но они оказались способны правильно учесть громаднейшую и решающую в будущем роль тогда только еще нарождавшегося пролетариата. Они верно поставили,—может-быть и невполне сознательно, а лишь чутьем—прогноз, предвидение основных контуров развития революции на несколько десятилетий вперед,—и упорной борьбой, классовой энергией, личной стойкостью и тяжелыми страданиями запечатлели это предвидение. Они заслуживают не только удивления, но и благоговейного уважения к их памяти. Эти десятки рабочих, первых пионеров сознательной классовой борьбы в России,—основоположники дальнейшей победной борьбы, получившей через полвека мировое значение и мировой масштаб. Будущим, далеким от них победам рабочего класса, едва ли видимым самым из них прозорли-

вым, они отдали свои силы, энергию, свой энтузиазм борьбы и настойчивость кропотливых кротов, подрывающих основы капиталистического строя, который одним тогда казался еще таким незыблемым, а другим казался, наоборот, нереальным для России, которой-де суждено избегнуть капитализма.

Самые сознательные и активные из наших первых борцов заплатили за свою прозорливость и готовность к борьбе—годами мучений в плену у врагов и мученической смертью. Другие, рядовые—заплатили за нее беспокойной жизнью гонимых, преследуемых поднадзорных „неблагонадежных элементов"...

Мы, позднейшие поколения, пожинающие блестящие плоды борьбы, начатой этим первым нашим отрядом в глухие и темные годы, должны свято хранить память о первом поколении солдат пролетарской армии, светлую память о наших дедах на путях революции.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

От Истпрофа ВЦСПС 3
Р. Якуб.—Вместо предисловия 5

I. Семидесятые годы.

Промышленность и пролетариат России в 70-х годах. . . . 25
Рабочая Одесса в 70-х годах 28
Первые шаги пропаганды среди одесских рабочих 32

II. Первые шаги „Южно-Российского Союза Рабочих".

Как подошел к рабочим Е. О. Заславский 36
Устав „Южно-Российского Союза Рабочих" 44
Когда и как возник „Союз" 46
1874 год 55
„Хождение в народ" 64

III. Пути развития „Союза".

От кассы и библиотеки—к „Союзу" 70
Ростовская организация 75
Устав Ростовской библиотеки 77
Воспитательное и организующее значение Устава 79

IV. Строение и сущность „Союза".

Организационные силы „Союза" 82
Пути массовой работы 88
Содержание и методы пропаганды 93
Интернационал и „Ю.-Р.С.Р." 100

Стр.

V. „Ю.-Р.С.Р.“—провозвестник профессиональных Союзов. 110

VI. Кризис „Союза“.

Интеллигенция и „Ю.-Р.С.Р.“ 123
Раскол в „Союзе“ 129

VII. Первый разгром.

Разгром „Союза“ жандармами 137
Процесс „Союза“ 147

VIII. Несколько характеристик.

Евгений Осипович Заславский 157
Ян Рыбицкий 172
Степан Лущенко 175
Федор Кравченко 176

IX. Отзвуки „Союза“ в революционном движении.

Второй „Южно-Российский Союз Рабочих“ 178
1878-й год 184
1879-й год 188
„Северно-Русский Союз Рабочих“ 195
Киевский „Южно-Русский Рабочий Союз“ 203
От Южного Рабочего Союза 205

X. Через полвека.

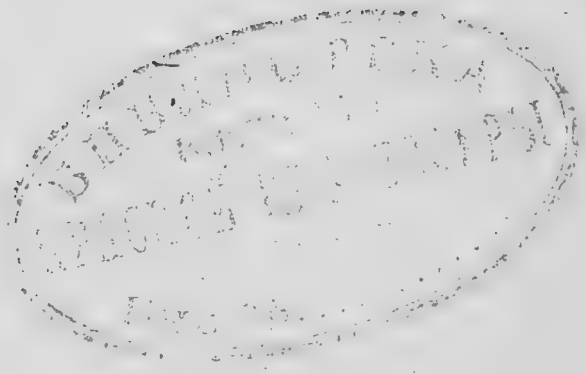
Судьба замученных 211
Литература, материалы и, источники 217
Светлая память первым борцам 225

Портреты:

Е. О. Заславский 159
Я. Рыбицкий 172
Ф. И. Кравченко 176
В. Обнорский 193
М. П. Сквери 216

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС

Имеются на складе:

1. **Бебель.** Шарль Фурье. 1923 г. стр. 194. . . . 1 р. 50 к.
2. Вечера международного профдвижения 1924 г. стр. 38 . . . . . — „ 20 „
3. **Гальперин.** Профдвижение Франции. 1924 г. стр. 106 . . . . . — „ 55 „
4. Делегация британского генерального совета профсоюзов в СССР. 1925 г. стр. 226 . . . 1 „ 75 „
5. Задачи профдвижения и VI всесоюзный с'езд 1925 г. стр. 221. . . . . 2 „ 50 „
6. Итоги новой политики зарплаты. 1923 г. стр. 49. — „ 45 „
7. **Клейнборт.** История безработицы в России 1857—1919 г.г. 1925 г. стр. 300 . . . . . 1 „ 45 „
8. **Козлев.** Индивилуальное взимание членских взносов. 1924 г. стр. 41. . . . . — „ 20 „
9. **Кол.** Системы зарплаты, изд. 2, 1925 г. стр. 201. 1 „ — „
10. **Кол.** Введение в тред'юнионизм. 1924 г. стр. 176. — „ 90 „
11. **Критская.** Жизнь и быт рабочих Франции 1924 г. стр. 95. . . . . — „ 70 „
12. **Лозовский.** Анархо-синдикализм и коммунизм, 2 изд. 1924 г. стр. 264 . . . . . 1 „ 25 „
13. **Маркс.** Зарплата 1924 г. етр. 49. . . . . — „ 25 „
14. **Маркс.** Гражданская война во Франции. 1924 г. стр. 62 . . . . . — р. 35 к.
15. **Маркс.** Наемный труд. 1924 г. стр. 24. . . . . — „ 12 „
16. **Нестрипке.** Профдвижение. т. II. 1924 г. стр. 344. 1 „ 50 „
17. **Нестрипке.** История развития профпропаганды. 1923 г. стр. 153. . . . . 1 „ — „
18. **Панкратов.** История развития фабр.-заводских предприятий. 1924 г. стр. 99 . . . . . — „ 20 „
19. **Розенфельд.** История профдвижения на Западе 1925 г. стр. 211. . . . . 1 „ 20 „

20. Руководство по делопроизводству. 1925 г. стр. 140 . . . . . — „ 75 „
21. **Сарабьянов.** Энгельс. 1923 г. стр. 220 . . . . . — „ 60 „
22. Систематический указатель профлитературы, вып. I. 1923 г. стр. 64 . . . . . — „ 40 „
23. Систематический указатель профлитературы, вып. II. 1923 г. стр. 181. . . . . — „ 60 „
24. **Томский.** К единству профдвижения, 1924 г. стр. 19. . . . . — „ 14 „
25. **Чекин.** Вильям Аллен. 1924 г. ст. 73 . . . . . — „ 25 „
26. **Чекин.** Профсоюзы СССР на Гулльском конгрессе. 1924 г. ст. 91. . . . . — „ 60 „
27. **Чекин.** Современная рабочая Англия 1925 г. стр. 245 . . . . . 1 „ 50 „
28. Четвертая конференция профсоюзов 1923 г. стр. 126 . . . . . 1 „ — „
29. **Фиммен.** Пролетарская и буржуазная Европа. 1924 г. стр. 194. . . . . — „ 70 „